

ISSN 0202—2397

СКАНДИНАВСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

(SCANDINAVICA)

Ⓟ
V

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

SCANDINAVICA

V

Издается с 1961 года

Межвузовский сборник

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1991

В статьях сборника (вып. 4 вышел в 1985 г.) рассматривается ряд проблем звукового строя, грамматики, лексикологии, истории скандинавских языков, некоторые вопросы поэтики древне-скандинавской литературы. В него включены также статьи, посвященные вопросам истории скандинавской литературы. Приводится библиография работ советских авторов по скандинавскому языковедению, опубликованных в период 1983-1988 гг.

Для специалистов в области скандинавской филологии. Заказы выполняются полностью.

Редакционная коллегия: В. П. Берков (отв. редактор), И. П. Куприянова, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая.

Рецензент д-р филол. наук И. Б. Долинина (Ленингр. отделение Ин-та языков. АН СССР).

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

С 4601000000 - 068 89-91
076(02) - 91

© Издательство
Ленинградского
университета, 1991

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ
ПО СКАНДИНАВСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ
1983-1988

Составил Б.С.Жаров

BIBLIOGRAFI OVER SOVJETFORSKERNES ARBEJDER
INDENFOR NORDISK SPROGVIDENSKAB

1983-1988

af B.S.Zjarov

Настоящая библиография охватывает монографии, словари, статьи, авторефераты диссертаций и тезисы докладов, опубликованные советскими исследователями в СССР или за его пределами с 1983 по 1988 г., и продолжает собой библиографию за 1977-1982 гг. [73]¹. Работы расположены по алфавиту, у одного автора - хронологически. В конце имеется тематический указатель, а также список сокращений.

1. Аракин В.Д. Сопоставительная типология скандинавских языков: Учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М., 1984. 136 с. (Библиотека филолога).

2. Аракин В.Д. Изменение типологии объектных словосочетаний в шведском языке // Исследования семантической структуры слов и их сочетаемости / Отв. ред. В.Д.Аракин. М., 1984. С.23-34.

3. Аракин В.Д. К проблеме безаффиксного словопроизводства в скандинавских языках // Исследования по словообразованию в английском и других германских языках / Отв. ред. А.А.Неелов. М., 1984. С.3-16.

4. Ariste P. Die Lenkung der Färöischen Schriftsprache // УЗТУ. 1984. № 684. С.3-8 (рез. рус.).

5. Ariste P. Rootsi keele õpik [рец.: 148] // Keel ja kirjandus (Tallinn). 1985. № 8. Лк. 502-503 (на эст.яз.).

6. Ariste P. Ein altes schwedisches Lehnwort im Estnischen // УЗТУ. 1987. № 750. С.3-4 (рез.рус.).

7. Арно Т.А. Ассимиляция английских заимствований в современном норвежском языке // Вопросы германского языкознания / Отв. ред. Н.С.Чемоданов. М., 1984. С.70-81.

¹ Число в квадратных скобках обозначает номер данной библиографии.

© Б.С.Жаров, 1991

КАФЕДРА 5063
СКАНДИНАВСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

8. Арво Т.А. Препозитивные альюнкты в структуре субстантивной группы (на материале современного норвежского языка) // [180]. С.165-186.

9. Бабюшкина Е.В. Становление конструкций с формальным элементом *der* в датском языке (на материале трех редакций "Хроника Карла Великого") // [62]. С.405-407.

10. Берков В.П. Результатив, пассив и перфект в норвежском языке // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / Отв. ред. В.П.Недлыков. Л., 1983. С.197-204.

11. Берков В.П. Языковое положение в Норвегии // Ареальные исследования в языковедении и этнографии: (Язык и этнос) / Отв. ред. Н.И.Толстой. Л., 1983. С.50-66.

12. Берков В.П. О статусе грамматического женского рода в современном бумоле: (К вопросу о языковом планировании) // [180]. С.43-58.

13. Berkov V.P. Isländische Entsprechungen internationaler Termini // Nordeuropa-Studien. 1984. N 18. S.62-74.

14. Berkov V.P. Språksituasjonen i Norge sett utenfra // Maal og Miljø. 1985. N 1-2. S.95-102.

15. Берков В.П. "Двойная" пассивная конструкция в норвежском языке // Типология конструкций с предикатными актантами / Отв. ред. В.С.Храковский. Л., 1985. С.90-92.

16. Берков В.П. Новый этап в норвежском языковом движении // [179]. С.22-31 (рез. нора.).

17. Берков В.П. Рефлексы в скандинавских языках // Рефлективные глаголы в индоевропейских языках / Отв. ред. В.В.Климов. Калинин, 1985. С.56-74.

18. Берков В.П. Норвежский перфект в претеритальном контексте // [62]. С.369-371.

19. Берков В.П. Русско-норвежский словарь = Russisk-norsk ordbok: Около 51 000 слов. М., 1987. 936 с.

20. Берков В.П. Грамматический очерк при двуязычном словаре (к проблеме "активной" и "пассивной" грамматики) [сканд. материал] // Проблемы грамматики германских и романских языков / Отв. ред. Т.А.Ренина. Л., 1987. С.4-19.

21. Berkov V.P. Resultative, passive and perfect in Norwegian // Typology of resultative constructions. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P.433-448.

22. Берков В.П. Вариативность, норма и "языковое планирование": Норвежская лингвистическая ситуация // Всесоюзная конференция "Проблемы вариативности в германских языках": Тезисы докл. М., 1988. С.8-10.

23. Бойко В.Г. О типологическом подходе форм перфекта современного датского и немецкого языков // [180]. С.100-119.

24. Бойко В.Г. К вопросу о варьировании полных и неполных форм перфекта и плюсквамперфекта в современном шведском языке (на примере предложений типа "det ar (var)... som") // Пробле-

ме нормы и вариативности в романско-германских языках / Отв. ред. Е.В.Никонова. Ярославль, 1985. С.3-10.

25. Бойко В.Г. Утрата постоянного компонента перфектных форм в шведском языке сопоставительно с английским - инновация фонетического и грамматического уровней // Неологизмы в лексике, грамматике и фонетике / Отв. ред. Л.П.Олдырева. Рига, 1985. С.19-26.

26. Бойко В.Г. Синтаксический параллелизм как одно из проявлений стилистических характеристик перфекта (на материале английской, немецкой и шведской поэзии) // Стилистические функции единиц разных уровней языка / Отв. ред. Ю.Г.Новикова. Красноярск, 1985. С.117-121.

27. Бойко В.Г. Про темпоральные значения формы The present perfect в английской речи в сопоставлении с формой Færnutid в датской речи [О темпоральном значении формы The present perfect в английском языке в сопоставлении с формой Færnutid в датском языке] // ИФ. 1985. № 79. С.41-46 (на укр. яз., рез.: рус., англ.).

28. Бойко В.Г. Темпоральный статус скандинавского перфекта: датско-исландско-норвежско-шведские параллели // СС. 1985. № 29. С.137-145 (рез. швед.).

29. Бойко В.Г. Аспектуальный статус скандинавского перфекта: датско-исландско-норвежско-шведские параллели // СС. 1985. № 30. С.146-155 (рез. швед.).

30. Бойко В.Г. К вопросу об использовании суфина как эквивалента форм перфекта и плюсквамперфекта в ранненовшведской поэзии // [62]. С.372-373.

31. Бойко В.Г. Суфин как особая форма шведского глагола (термин и выражаемое им понятие) // Глагол в языке и речи / Отв. ред. И.П.Иванова. Кемерово, 1986. С.15-22.

32. Бойко В.Г. Семантико-стилистические характеристики перфекта германских языков (на материале датской и немецкой поэзии) // Семантика слова и смысл текста / Отв. ред. И.Б.Хлабинина. Саранск, 1986. С.19-27.

33. Бойко В.Г. Глагольная репрезентация: Коммуникативный аспект (на материале перфектных форм датского языка) // Сб. науч. трудов / Моск. пед. ин-т иностр. яз. 1987 № 289. С.51-56.

34. Бочоринский Н.К. Скандинавские личные имена в древнеанглийском языке // [62]. С.432-434.

35. Быстрова О.И. Безглагольные побудительные предложения в современном датском языке // [62]. С.379-381.

36. Воронкова Г.В. Теоретические проблемы норвежской фонологии: АНД. Л., 1985. 32 с.

37. Воронкова Г.В., Кузьменко Ю.К., Степановичев А. Проблемы исторической фонологии в работах М.И.Стеблин-Камарского // К. 1985. № 35(3). С.6-11.

38. Воронкова Г.В., Соболев Ю.А. О количественной структуре слога и морфемы в норвежском языке // Лингвистические исследования 1985: Структура языка и языковые изменения / Отв. ред. Н.Д.Андреев. М., 1985. С.47-54.

39. Воронкова Г.В. О факультативном варьировании в фонологической системе норвежского языка // [179]. С.32-40 (рез. норв.).
40. Воронкова Г.В. Методические указания и учебные задания к практическим занятиям по фонетике норвежского языка. Ч.1. Л., 1985. 44 с.
41. Voronkova G.V. Das phonologische System als Kommunikationsmittel am Beispiel des Norwegischen // Wissenschaftlichen Beiträge der Ernst-Moritz-Arndt Universität Greifswald: Zur Nordeuropaforschung: Probleme des Friedens und des Gesellschaftlichen Fortschritts in Kultur, Literatur und Sprachen Nordeuropas. Greifswald, 1985. S.96-102.
42. Воронкова Г.В. К истории норвежской фонологической науки // [62]. С.352-354.
43. Воронкова Г.В. [Рец.:] Pétursson M. Lehrbuch der isländischen Sprache. Hamburg, 1981. 304 S. // К. 1986. N 36(3). С.135-136.
44. Воронкова Г.В. Методические указания и учебные задания к практическим занятиям по фонетике норвежского языка. Ч.2. Л., 1987. 32 с.
45. Воронкова Г.В. О фонологической трактовке ассимиляций в норвежском языке // ВЛУ. 1987. Вып.2. С.48-55.
46. Воронкова Г.В. Система аллофонов в фонологических описаниях языков (на материале норвежского языка) // Асимметрические связи в языке / Отв. ред. Ф.И.Маулер. Орджоникидзе, 1987. С.36-41.
47. Воронкова Г.В. Морфология или морфонология? (К вопросу о классификации слабых глаголов в норвежском языке) // СС. 1988. № 32. С.200-207 (рез. норв.).
48. Воронкова Г.В. Морфонология норвежских именных композит // Динамика морфологических категорий в германских языках / Отв. ред. В.В.Климов. Калинин, 1988. С.113-128.
49. Гальцева Г.Г. Семантика сокращений в шведском языке (опыт анализа номинативных вариантов буквенного сокращения TV) // Вопросы лексической и грамматической семантики / Отв. ред. Д.А.Штелинг. М., 1983. С.11-21.
50. Гальцева Г.Г. Частотность как аспект функционирования сокращений в шведском газетном тексте // Лексико-семантические структуры в языке и речевой действительности / Отв. ред. Г.С.Романова. М., 1983. С.14-22.
51. Гальцева Г.Г. Типология и функционирование сокращенных слов в современном шведском языке: АКД. Л., 1985. 18 с.
52. Гальцева Г.Г. Сокращенные слова как единицы языковой номинации в современном шведском языке // [62]. С.392-394.
53. Гальцева Г.Г. Грамматический род и число сокращенных имен существительных шведского языка в тексте // Высказывание и текст / Отв. ред. Е.М.Вольф. М., 1987. С.67-74.
54. Гвоздецкая Н.Ю. К проблеме выдаления субъектно- и объектно-предикативного члена в языке древнеисландских sag // Субъ-

ектно-объектные отношения в предложении / Отв. ред. Р.В.Иванова. Иваново, 1985. С.34-40.

55. Гвоздецкая Н.Ю. Обозначения "радости" в "Старшей Эдде" // [179]. С.40-51 (рез. швед.).

56. Гвоздецкая Н.Ю. Номинация эмоциональных состояний в "Старшей Эдде" // [62]. С.407-408.

57. Геринг А.Г. Современное состояние англо-датских языковых контактов: АКД. М., 1983. 19 с.

58. Геринг А.Г., Глазников В.А. О статусе презенса в датском и немецком языках // Системный и функциональный анализ языка / Отв. ред. Б.Л.Дихтерова. Рига, 1987. С.40-50.

59. Головин В.А. Семантические особенности и сочетаемость прилагательных, выражающих понятия материального состояния в английском, немецком и шведском языках: АКД. М., 1983. 16 с.

60. Гуревич Е.А. К вопросу о содержании древнеисландского поэтического термина heiti // [62]. С.421-423.

61. Датско-русский политехнический словарь = Dansk-russisk polyteknisk ordbog: Около 55 000 терминов / В.Ф.Максимов, Л.В.Максимов, Г.В.Максимов, Б.С.Жаров. Москва; Копенгаген, 1987. 675 с.

62. Десятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докл. / Отв. ред. Ю.А.Андреев. Ч.2. М., 1986. С.227-453.

63. Десятая всесоюзная конференция скандинавистов / О.В.Чернишева, А.А.Сванидзе, Б.С.Жаров и др. // СС. 1988. № 32. С.232-239.

64. Джаксон Т.Н. Древнескандинавская топонимия с корнем aust- // СС. 1988. № 31. С.140-145 (рез. швед.).

65. Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты, перевод, комментарии / Г.В.Глазырина, Т.Н.Джаксон. М., 1987. 208 с.

66. Егорова Т.П. Скандинавские имена собственные в аспекте культурно-значимых семиотических систем // [62]. С.413-414.

67. Егорова Т.П. Названия улиц в семиотическом аспекте общности стилей на материале скандинавских и английских урбанонимов // Ономастика: Типология, Стратиграфия / Отв. ред. А.В.Суперанская. М., 1988. С.112-119.

68. Ершова И.А. О факторах, определивших формирование древнеисландского словаря // [62]. С.408-410.

69. Жаров Б.С. Стилистический аспект глагольного замещения в скандинавских языках // Стилистические исследования лексико-синтаксических структур текста на материале романско-германских языков / Отв. ред. А.Ф.Никонова. Якутск, 1983. С.25-33.

70. Жаров Б.С. Глагол-усилитель в датском языке // Значение и смысл синтаксических структур в контексте / Отв. ред. Е.К.Андреанова. Грозный, 1983. С.83-88.

71. Жаров В.С. Замещение как языковое явление [большой дат. материал]. Л., 1984. 116 с.

72. Каров Б.С. Учебно-методическая разработка по курсу "История датского языка: (Новодатский период)". Л., 1984. 56 с.

73. Каров Б.С. Библиография работ советских авторов по скандинавскому языкознанию 1977-1982 // [179]. С.5-21.

74. Каров Б.С. Субституция в новодатском языке (XVI-XVIII вв.) // СС. 1985. № 29. С.123-128 (рез. дат.).

75. Каров Б.С. Эмблематическая глагольная конструкция в скандинавских языках // [62]. С.378-379.

76. Мильцова Е.Л. Опыт типологического анализа сложноподчиненных предложений в современных скандинавских языках (на материале предложений с придаточными, вводимыми асемантическим союзом att/at) // Лингвистические исследования 1984: Типология; Диалектология; Этимология; Компаративистика / Отв. ред. В.И.Подлесная. Ч.1. М., 1984. С.108-113.

77. Мильцова Е.Л. Об опущении союза att в придаточных предложениях после глаголов tro, tуска и tänka в современном шведском языке // Вопросы германского языкознания / Отв. ред. Н.С.Чемоданов. М., 1984. С.127-132.

78. Мильцова Е.Л. Структура и семантика сложноподчиненных предложений с союзом att в современном шведском языке: АКД. М., 1985. 25 с.

79. Мильцова Е.Л. О несогласованном употреблении временных форм в придаточных предложениях в современном шведском языке // [62]. С.383-385.

80. Завгороднев Ю.А. Вживання елементів скандинавського походження із значенням "селище" в структурах англійських топонімів [Употребление элементов скандинавского происхождения со значением "селения" в структурах английских топонимов] // ИФ. 1983. № 69. С.13-17 (на укр. яз., рез.: рус., англ.).

81. Завгороднев Ю.А. Англійська діалектна лексика скандинавського походження [Английская диалектная лексика скандинавского происхождения] // ИФ. 1983. № 71. С.16-20 (на укр.яз., рез.: рус., англ.).

82. Зотеева Е.И. К вопросу о постоянном эпитете в норвежской балладе // [62]. С.424-426.

83. Иваницкий В.В. Глагольные основы с нехарактеризованными акциональными значениями в современном шведском языке // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып.2. Л., 1983. С.119-130.

84. Иваницкий В.В. Обстоятельства внешней характеристики действия и аспектуальная семантика глагола (на материале современного шведского языка) // Семантико-синтаксические связи в языках разных систем / Отв. ред. Е.И.Убрятова. Кемерово, 1983. С.89-94.

85. Иваницкий В.В. Роль контекста в аспектуальной характеристике глагольного действия (на материале шведского и немецкого языков) // Номинатив и контекст / Отв. ред. С.П.Трунова. Кемерово, 1985. С.77-85.

86. Иваницкий В.В. Лексико-конструктивные средства выражения аспектуальности в современном шведском языке // [179]. С.52-61 (рез. швед.).

87. Иваницкий В.В. Типы аспектуального контекста в шведском языке // Сб. 1985. № 29. С.129-136 (рез. швед.).
88. Иваницкий В.В. Синтаксические и аналитические компоненты поля аспектуальности в современном шведском языке // Глагол в языке и речи / Отв. ред. И.П.Иванова. Кемерово, 1986. С.66-75.
89. Иваницкий В.В. Об аспектуальных признаках некоторых ственных глаголов шведского языка (в сопоставлении с русским) // [62]. С.381-382.
90. Иванова И.П. Грамматическая теория в трудах М.И.Стеблин-Каменского // К. 1985. № 35 (3). С.12-21.
91. Клейнер Ю.А. Скандинавское преломление // [62]. С.357-359.
92. Климов В.В. Рефлексы в готском и древнескандинавском языках // Рефлексы глаголы в индоевропейских языках / Отв. ред. В.В.Климов. Калинин, 1985. С.75-98.
93. Комарова О.А. Норвежские эвфемизмы в социолингвистическом плане // [179]. С.61-69 (рез. норв.).
94. Комарова О.А. Вербальные и невербальные средства привлечения внимания в норвежском языке // [62]. С.401-402.
95. Кравцова Л.И. Английские модальные глаголы в сопоставлении со шведскими // Сб. науч. трудов / Моск. пед. ин-т иностр. яз. 1986. № 264. С.108-118.
96. Краснова Е.В. Датские гласные (экспериментально-фонетическое исследование): АКД. Л., 1985. 17 с.
97. Краснова Е.В. Датские гласные с толчком (экспериментально-фонетическое исследование) // [179]. С.70-78 (рез. дат.).
98. Краснова Е.В. Датско-русская интерференция: (К проблеме восприятия звуков неродного языка) // [62]. С.354-356.
99. Краснова Е. The Danish "stød": The problem of phonetic realization and perception // Proceedings of XI International congress of Phonetic Sciences, august 1-7, 1987, Tallinn. Vol.4. Tallinn, 1987. P.225-227.
100. Круглова Н.Н. Двойное употребление артикля в именных группах с суперлативом [в норв. яз.] // [179]. С.78-85 (рез. норв.).
101. Круглова Н.Н. Степени сравнения прилагательных в норвежском языке: АКД. Л., 1986. 15 с.
102. Курьякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Альтернирующие морфемы в грамматике скандинавских языков: Общие замечания и альтернирование в сфере служебных морфем // [180]. С.6-23.
103. Кузнецов С.Н. Теоретическая грамматика датского языка: Синтаксис. М., 1984. 224 с.
104. Кузнецов С.Н. Позиционный синтаксис датского предложения (в сопоставлении с английским и немецким) // [180]. С.120-143.
105. Кузнецов С.Н. Теоретическая грамматика датского языка: Синтаксис: АКД. М., 1985. 51 с.

106. Кузнецов С.Н. Эмотивная характеристика высказываний в датском языке // [179]. С.85-97 (рез. дат.).
107. Кузнецов С.Н. Доминантные и рецессивные структуры предложения в датском языке // [62]. С.378-389.
108. Кузнецов С.Н. Глагол в структуре датского предложения // Глагол в языке и речи / Отв. ред. И.П.Иванова. Кемерово, 1986. С.3-9.
109. Кузьменко Ю.К. От корреляции контакта и слогоморфемности (о тенденции развития датского языка) // Лингвистические исследования 1983: Функциональный анализ языковых единиц / Отв. ред. Н.Д.Андреев. М., 1983. С.123-129.
110. Kuzmenko Ju. Three types of prosodemes in Scandinavian languages (a functional approach to prosodics) // X International congress of phonetic sciences. Utrecht, 1983. Dordrecht, 1983. P.100.
111. Кузьменко Ю.К. Истоки скандинавской метафоники (о саямском влиянии на скандинавские диалекты) // Ареальные исследования в языковедении и этнографии: (Язык и этнос) / Отв. ред. Н.И.Толстой. Л., 1983. С.44-50.
112. Кузьменко Ю.К. Лингвистическая концепция Расмуса Раска // Понимание истории и развития в языковедении первой половины XIX века / Отв. ред. А.В.Десницкая. Л., 1984. С.46-53.
113. Кузьменко Ю.К. Факторы фонологической эволюции скандинавских языков: АФД. Л., 1984. 37 с.
114. Кузьменко Ю.К. "Шведское u" // Лингвистические исследования 1984: Историко-типологическое изучение разнотипных языков / Отв. ред. Н.Д.Андреев. М., 1984. С.122-127.
115. Кузьменко Ю.К. Датские дифтонги // [179]. С.97-102 (рез. дат.).
116. Кузьменко Ю.К. Скандинавские просодемы // К. 1986. № 36(3). С.47-55 (рез. англ.).
117. Кузьменко Ю.К. Западноютский толчок // [62]. С.356-357.
118. Кузьменко Ю.К. Западноютский толчок // Лингвистические исследования 1986: Социальное и системное на различных уровнях языка / Отв. ред. Н.Д.Андреев. М., 1986. С.128-135.
119. Кульчицкий Е.А. Дистрибуция союзных da и påg в современном датском языке // Сборник статей по языковедению. № 14 (18). М., 1983. С.87-104.
120. Кульчицкий Е.А. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в современном датском языке: АФД. Л., 1986. 16 с.
121. Кульчицкий Е.А. Синонимика темпоральных конструкций в датском языке // [62]. С.368-369.
122. Деушева В.В., Чекалина Е.М. Новый учебник шведского языка [рец.: Маслова-Лашанская С.С., Толстая Н.Н., Учебник шведского языка. Л., 1984] // ВМУ. 1983. № 5. С.87-88.
123. Деушева В.В. Роль *v*-пассивных форм глагола в формировании структурно-коммуникативных типов предложения в совре-

менном шведском языке // Глагол в языке и речи / Отв. ред. И.П.Иванова. Кемерово, 1986. С.9-15.

124. Деушева В.В. Основные направления в описании грамматического строя современного шведского языка в Швеции (обзор литературы XX в.) // [62]. С.363-365.

125. Диванова А.Н. Апокопа и безударные гласные окончаний в некоторых норвежских диалектах // [62]. С.361-363.

126. Догутенкова Т.Г. Степень развития конверсии на разных участках словообразовательной системы древнеисландского языка // [62]. С.411-412.

127. Локштанова Л.М. О структуре грамматической категории наклонения в датском языке // ВЯ. 1983. № 5. С.70-80.

128. Локштанова Л.М. Видовая конструкция fä+ причастие II в датском языке // Вопросы германского языкознания / Отв. ред. Н.С.Чемоданов. М., 1984. С.112-121.

129. Локштанова Л.М. Семантика перфекта в датском языке // ВМУ. 1984. № 6. С.40-51.

130. Локштанова Л.М. Система форм индикатива в датском языке // [180]. С.59-99.

131. Локштанова Л.М. Теоретические проблемы датского синтаксиса [рец.: 103] // ВМУ. 1985. № 5. С.73-76.

132. Локштанова Л.М. Датский глагол: Категориальные значения и употребление финитных форм: АДД. М., 1986. 54 с.

133. Локштанова Л.М. О категориальных значениях форм индикатива в датском языке // ВЯ. 1986. № 1. С.111-121.

134. Локштанова Л.М. Об употреблении претеритальных форм глагола с модальной коннотацией субъективности [в дат. яз.] // [62]. С.375-377.

135. Локштанова Л.М. Семантика плюсквамперфекта в датском языке // Глагол в языке и речи / Отв. ред. И.П.Иванова. Кемерово, 1986. С.22-30.

136. Lokshjanova L. Om moduskategoriens struktur i dansk // Nydanske studier. 1987. N 2. S.20-26.

137. Маслова-Лашанская С.С. О типах номинационной структуры слов в шведском языке // К. 1983. № 34(3). С.59-63 (рез. нем.).

138. Маслова-Лашанская С.С. Некоторые сведения о грамматике и фонетике шведского языка // [165]. С.937-959.

139. Маслова-Лашанская С.С. Методы семантического анализа предлогов [швед. материал] // [179]. С.119-127 (рез. швед.).

140. Маслова-Лашанская С.С. Краткий очерк грамматики шведского языка // [147]. С.725-760.

141. Маслова-Лашанская С.С., Савицкая А.В. Учебные задания по истории шведского языка: Древнешведский период. Л., 1986. 30 с.

142. Матюшина И.Г. Эволюция хендинга в скальдическом стихе // [62]. С.423-424.

143. Медведева М.И. Смягчение категоричности в побудительных высказываниях (на материале современного норвежского языка) // *Сб.* 1988. № 32. С.208-216 (рез. норв.).

144. Мельникова Е.А., Седова М.В., Штыхов Г.В. Новые находки скандинавских рунических надписей на территории СССР // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1981. М., 1983. С.182-188.

145. Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1982. М., 1984. С.62-75 (рез. англ.).

146. Мельникова Е.А. Новые находки скандинавских рунических надписей в СССР // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18-25 сент. 1985 г. Т.3, вып.16, секц. 5. М., 1987. С.19-25.

147. Миланова Д.Э. Шведско-русский словарь = Svensk-rysk ordbok: Около 63 500 слов / С приложением кратк. грам. очерка, сост. С.С.Масловой-Лашанской. 5-е изд. М., 1985. 760 с.

148. Mullamaa I. Rootsi keele õpik [Учебник шведского языка]. Tallinn, 1985. 336 lk. (на эст. яз.).

149. Мулламаа Т. и И. Некоторые аспекты англо-американского влияния на современный шведский язык // УЗТУ. 1984. № 684. С.84-89 (рез. англ.).

150. Мичинская Э.И. Скандинавское влияние в истории английского языка // [62]. С.428-430.

151. Неделяева-Степановичене С.И. [Рец.:] Маслова-Лашанская С.С., Толстая Н.Н. Учебник шведского языка. Л., 1981 // К. 1983. № 34(3). С.142-145.

152. Ненецкая М.Г. Источники происхождения и особенности дистрибуции ækerþingil в фарерском языке // [62]. С.359-361.

153. Никulichева Д.В. Глагольная группа в датском языке // [180]. С.144-164.

154. Никulichева Д.В. Функционирование тяжелых глагольных адъюнктов в речи на материале датского языка // Семантические проблемы речевой деятельности / Отв. ред. Г.С.Романова. М., 1984. С.164-172.

155. Новакович А.С. К вопросу о полисемии фразеологических единиц в современном датском языке // Вопросы лексической и грамматической семантики / Отв. ред. Д.А.Штелинг. М., 1983. С.75-81.

156. Новакович А.С. О характеристике номинативных фразеологических единиц в современном датском языке // [62]. С.394-395.

157. Новикова Г.И. Некоторые наблюдения над языком современной шведской прессы // [62]. С.398-399.

158. Павлова О.А. О роли англо-скандинавских языковых контактов в сохранении неассимилированных гуттуральных в северноанглийских и шотландских диалектах // [62]. С.430-432.

159. Петрик Л.П. К проблеме выражения понятий, характеризующих личность раннего средневековья (на материале исландских sag) // Синхронические и диахронические исследования по романским и германским языкам / Отв. ред. Г.С.Чикллей. Калинин, 1983. С.144-152.

160. Плоткин В.Я. Стенени синтетизации в скандинавском словоизменении // [180]. С.24-32.

161. Погодина Н.Е. "Монопредлоги" и проблема синонимичных отношений в системе шведских предлогов // Вопросы лексической и прагматической семантики / Отв. ред. Д.А.Штелинг. М., 1983. С.90-96.

162. Погодина Н.Е. Читайте по-шведски: Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. М., 1984. 171 с.

163. Погодина Н.Е. Практический курс шведского языка. 3-е изд. М., 1983. 295 с.

164. Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на датском, норвежском, шведском языках) / М.И.Дубровин, Б.С.Жаров, В.П.Берков, С.С.Маслова-Лашанская = Russiske idiommer i billeder oversat til dansk; Russiske idiommer i bilder oversatt til norsk; Ryska idiom i bilder oversatta till svenska. М., 1988. 326 с.

165. Русско-шведский словарь = Rysk-svensk ordbok: Около 50 000 слов / С.С.Маслова-Лашанская, И.В.Каллистова, А.Г.Густавссон и др. 2-е изд. М., 1985. 959 с.

166. Савицкая А.В. Аспектуальные значения шведских глаголов, образованных с постпозитивом till // Способы действия германского глагола в синхронии и диахронии / Отв. ред. В.В.Климов. Калинин, 1988. С.36-46.

167. Савицкая А.В. Семантическое развитие родительного падежа в шведском языке (сопоставительный анализ родительного падежа в VGI и его современном переводе) // ВУЛ. 1984. Вып.3. С.111-113.

168. Савицкая А.В. Анализ динамики падежной системы шведского языка (на материале истории родительного падежа): АКД. Л., 1984. 16 с.

169. Савицкая А.В. Проблемы семантического анализа родительного падежа в современном шведском языке // [179]. С.128-136 (рез. швед.).

170. Савицкая А.В. Сложные слова в современном шведском языке как эквиваленты древнешведского генитива // [62]. С.365-367.

171. Савицкая А.В. Проблематика шведской падежной системы (концепции шведских языковедов) // Проблемы грамматики германских и романских языков / Отв. ред. Т.А.Резина. Л., 1987. С.65-72.

172. Савицкая А.В. Родительный падеж в религиозных памятниках раннего новшведского // Динамика морфологических категорий в германских языках / Отв. ред. В.В.Климов. Калинин, 1988. С.71-80.

173. Саусверд Э.Ф. "Морские" слова в скандинавских языках // [62]. С.415-416.

174. Сафонова Н.В. К вопросу о падежных флексиях в некоторых современных норвежских диалектах // [62]. С.390-392.

175. Сафонова Н.В. О некоторых морфологических особенностях имени существительного в современных норвежских диалектах // Проблемы референции в языке и литературе / Отв.ред. В.И.Блондин. Тбилиси, 1987. С.179-180.

176. Сафонова Н.В. Морфология имени существительного в современных норвежских диалектах (структурное описание косвенных падежей); АКД. Л., 1988. 14 с.

177. Семенова Н.Н. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц, выражающих понятия неопределенно большого и неопределенно малого количества (на материале английского, немецкого и шведского языков): АКД. М., 1983. 16 с.

178. Сердюк Е.И. Терминологизация nomina agentis в языке древнеисландского и древнеанглийского права // [62]. С.416-418.

179. Скандинавская филология = Scandinavica / Отв. ред. В.П.Берков. Вып.4. Л., 1985. 172 с.

180. Скандинавские языки: Актуальные проблемы грамматической теории / Отв. ред. В.Н.Ярцева. М., 1984. 189 с.

181. Смирницкая О.А., Берков В.П., Воронкова Г.В. О значении работ М.И.Стеблин-Каменского // СС. 1983. № 28. С.150-167 (рез. норв.).

182. Смирницкая О.А., Гвоздецкая Н.Ю. "Поэтическая грамматика" слабого прилагательного в "Эдде" и "Беовульфе" // Вопросы германского языкознания / Отв. ред. Н.С.Чемоданов. М., 1984. С.3-16.

183. Смирницкая О.А. "Архаизирующие инновации" в современном исландском глаголе // [180]. С.33-42.

184. Смирницкая О.А. Скальдическая синонимика и мифологическая номинация (о двух моделях сложных поэтизмов в древнеисландском) // [179]. С.145-156 (рез. швед.).

185. Смирницкая О.А. Ритм количества в эволюции древнескандинавского стиха (от древнейших рунических имен до скальдической метрики) // [62]. С.418-420.

186. Соболева Е.Р. Особенности функционирования композитивов в газетном стиле (на материале норвежского языка) // [62]. С.395-397.

187. Соболев Ю.А. Островные ареалы норвежского языка в США // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы V конференции на тему "Проблемы атласной картографии". Уфа, 1985. С.159-160.

188. Соболев Ю.А. Языковые контакты в диалектах Верхнего Среднего Запада США (взаимодействие вокалических систем): АКД [норв. материал]. Л., 1986. 16 с.

189. Толстая Н.Н. О некоторых синтаксических особенностях поэзии Томаса Транстрёмера // [179]. С.161-166 (рез. швед.).

190. Толстая Н.Н. Конструкция kommer att + инфинитив как способ выражения будущего в современном шведском языке // Глагол в языке и речи / Отв. ред. И.П.Иванова. Кемерово, 1986. С.39-44.

191. Толстая Н.Н. Хрестоматия по шведскому языку: Учебное пособие. Л., 1986. 467 с.
192. Толстая Н.Н. О двух тенденциях в современной шведской поэзии // [62]. С.400.
193. Топорова Т.В. Семантическая мотивировка концептуально-значимой лексики в древнеисландском языке: АКД. М., 1985. 21 с.
194. Топорова Т.В. Древнеисландское heimdalir: К интерпретации имени и функций // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях / Отв. ред. В.И.Подлеская. Ч.2. М., 1988. С.130-153.
195. Умарова Б.С. Этимология слова "слон" в древнеисландском // Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук 1985. № 2. С.65-68.
196. Усков А.И. Значение глагола væge и семантика простого предложения в датском языке // Вопросы лексической и грамматической семантики / Отв. ред. Д.А.Штелинг. М., 1983. С.144-150.
197. Усков А.И. О значении слова в современной норвежской речи // Семантические проблемы речевой деятельности / Отв. ред. Г.С.Романова. М., 1984. С.223-230.
198. Усков А.И. Об оценке языковой ситуации в Норвегии в период 1844-1850 гг. // [62]. С.402-404.
199. Усков А.И. Развитие нормы в современном норвежском языке // Высказывание и текст / Отв. ред. Е.М.Вольф. М., 1987. С.181-189.
200. Федуленкова Т.Н. Проблема облего и специфического в соматической фразеологии некоторых германских языков (на материале английского, немецкого и шведского языков): АКД. М., 1984. 46 с.
201. Халипов С.Г. Особенности шведского словосложения // [179]. С.166-170 (рез. швед.).
202. Халипов С.Г. Атрибутивное употребление сильной формы суперлатива в шведском языке // [52]. С.367.
203. Хизриева Г.А. "Перечень размеров" Снорри Стурлусона - памятник ученой литературы XII в. // [62]. С.426-428.
204. Чекалина Е.М. Сложные слова с причастием вторым в современном шведском языке // СС. 1983. № 28. С.85-93 (рез.швед.).
205. Чекалина Е.М. Грамматические категории инфинитива в современном шведском языке // ВМУ. 1983. № 6. С.48-55.
206. Чекалина Е.М. Грамматика шведского языка. М., 1984. 107 с. (на швед. яз.).
207. Чекалина Е.М. Сочетание гд с инфинитивом в современном шведском языке // Вопросы германского языкознания / Отв. ред. Н.С.Чемоданов. М., 1984. С.122-126.
208. Чекалина Е.М. Грамматический статус причастий в современном шведском языке // ВМУ. 1985. № 1. С.54-64.
209. Чекалина Е.М. Глагольно-инфинитивные словосочетания в современном шведском языке // СС. 1986. № 30. С.156-166 (рез.швед.).
210. Чекалина Е.М. Описательные глагольные конструкции в современном шведском языке // Глагол в языке и речи / Отв. ред. И.П.Иванова. Кемерово, 1986. С.49-59.
211. Чекалина Е.М. Грамматический статус инфинитива в современном шведском языке // [62]. С.385-387.

Т е м а т и ч е с к и й у к а з а т е л ь

Авторефераты докторских диссертаций: 36, 105, 113, 132.
Авторефераты кандидатских диссертаций: 51, 57, 59, 78, 96,
101, 120, 168, 176, 177, 188, 193, 200.
Библиография: 73.

Датский язык: 9, 23, 27, 32, 33, 35, 57, 58, 61, 70-72,
74, 96-99, 103-109, 115, 117-121, 127-136, 153-156, 164, 196.
Исландский язык: 13, 43, 54-56, 60, 68, 126, 159, 178, 182-
184, 193-195, 203.

Лексикология: 2, 3, 6-8, 13, 19, 34, 49-52, 55-57, 59-61,
64, 66-68, 80-82, 93, 94, 126, 139, 142, 145, 149, 155-157,
159, 161, 164, 166, 173, 177, 186, 193-197, 200, 201, 204.

Морфология: 10, 12, 15, 17, 18, 20, 21, 23-25, 23-33, 35,
38, 47, 48, 54, 58, 95, 100-102, 123, 127-130, 132-137, 143,
153, 154, 160, 167-172, 174-176, 178, 182-184, 190, 202, 205,
207-211.

Норвежский язык: 7, 8, 10-12, 14-16, 18, 19, 21, 22, 36,
38-42, 44-48, 82, 93, 94, 100, 101, 125, 143, 164, 174-176, 186-
188, 197-199.

Рецензии: 5, 43, 122, 131, 151.

Синтаксис: 9, 26, 54, 59-71, 74-79, 83-89, 92, 103-108,
119-121, 131, 189.

Словари: 19, 61, 147, 164, 165.

Учебные пособия: 1, 40, 44, 72, 141, 148, 168, 206.

Фарерский язык: 4, 152.

Фонология и фонетика: 36-42, 44-48, 91, 96-99, 109-111,
113-118, 125, 150, 158, 187, 188.

Хрестоматии: 162, 191.

Шведский язык: 5, 6, 24-26, 30, 31, 49-53, 59, 77-79, 83-
89, 95, 114, 122-124, 137-141, 147-149, 151, 157, 161-172, 177,
189-192, 200-202, 204-211.

С о к р а щ е н и я

АДД - Автореферат докторской диссертации.
АКД - Автореферат кандидатской диссертации.
ВЛУ - Вестник Ленинградского университета. Сер.ист., язы-
ка и лит-ры (1933-1985), сер.2 (1986-1988).
ВМУ - Вестник Московского университета. Сер.9. Филология.
ВЯ - Вопросы языкознания.
ЮФ - Иноземна филология. Львів.
СС - Скандинавский сборник. Таллин.
УЗГУ - Ученые записки Тартуского университета.
К - Kalbotuna (Языкознание). Вильнюс (в сер.: Ученые за-
писки высших учебных заведений Литовской ССР).

В. П. Берков

СОВРЕМЕННЫЕ СКАНДИНАВСКИЕ ЯЗЫКИ И ПУРИЗМ

С точки зрения удельного веса заимствований современные скандинавские языки представляют весьма неоднородную картину. Иными словами, пуристические тенденции играли и играют в развитии этих языков разную роль. В этой статье предпринята попытка дать классификацию видов пуризма и выяснить факторы, способствующие успеху деятельности пуристов.

Прежде чем перейти к теме работы, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Представляется целесообразным различать "заимствования для себя" и алиенизмы (экзотизмы). Под первыми понимаются заимствования, используемые для обозначения понятий из жизни заимствующего языкового коллектива, под вторым — обозначения понятий (реалий) из жизни другого языкового коллектива (других языковых коллективов). С этой точки зрения, есть, например, принципиальная разница между употребляемыми в норвежском языке словами anorakk "анорак(а)" (из эскимосского) и ayatollah "аятолла" (из персидского). Первое обозначает класс предметов также норвежской жизни, тогда как второе используется только при описании иранской действительности. Очевидно, что состав алиенизмов, встречающихся в текстах на каком-либо языке, весьма неоднороден по употребительности: есть алиенизмы, обладающие достаточно высокой частотой, если чужая действительность описывается часто (ср., например, норв. dollar "доллар", apartheid "апартеид"), и весьма редкие, в сущности, окказиональные. Разумеется, в составе алиенизмов разных языков есть своя специфика, поскольку между отдельными языковыми коллективами существуют свои связи, которые определяются географическими, историческими и политическими факторами. Например, в норвежском языке

© В. П. Берков, 1991

КАФЕДРА 5063 17
СКАНДИНАВСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

есть ряд слов, обозначающих реалии жизни сами: komager "сапоги из оленьей шкуры", reuk "длиннопольный кафтан из оленьей шкуры мехом наружу", pulk "небольшие сани без полозьев в форме лодки", kotte "колыбель (деревянный каркас, обтянутый овечьей шкурой)" и т.д.; эти лексемы употребляются в других скандинавских языках, кроме шведского, лишь окказионально.

Конечно, грань между "заимствованиями для себя" и алиенизмами условна: элемент чужой культуры (в широком смысле) может войти в "свою" культуру (ср., например, итальянское блюдо pizza "пицца", которое распространилось во многих странах, в том числе и в скандинавских), и первоначальный алиенизм превращается в таких случаях в обозначение "своего" явления. Особенно часто это происходит с разного рода блюдами, напитками, играми, танцами и т.п.

Условность этой границы проявляется также и в том, что небольшое количество алиенизмов приобретает дополнительное метафорическое значение, ср. норв. visetang "бумеранг", oase "оазис", т.е. есть случаи, когда один лексико-семантический вариант представляет собою алиенизм, другой — "заимствование для себя".

Алиенизмы (экзотизмы) в настоящей работе рассматриваться и учитываться не будут.

Второе замечание касается понятия языка-источника. Когда говорится, что то или иное слово либо выражение восходит к определенному языку, вовсе не обязательно подразумевается, что заимствование происходит непосредственно из данного языка. Так, норвежское слово kosmonaut "космонавт", конечно, восходит к греч. kosmos "мир" и nautes "мореплаватель", но создано оно не в Норвегии, а заимствовано из русского. Исландское skápur "шкаф" восходит к средненижнемецкому schar, но, видимо, вошло в язык через посредство датского.

Последнее замечание. Достаточно очевидно, что удельный вес иноязычных элементов в языке и речи существенно различен. Общеизвестен и тот факт, что в книжном стиле эти элементы используются чаще, нежели в разговорном. Однако в исландском языке наблюдается обратная картина: иностранные слова, в соответствии со сложившейся традицией, избегаются на письме, но возможны в разговорной речи (точнее в стиле, который в Скандинавии

называет литературно-разговорным). Например, в исландской речи можно услышать слова *próblem*, *aksetera*, *traktor*, но на письме обычно употребляются эквивалентные им лексемы *vandamáll* "проблема", *fallast á e-ð* "принимать что-л.", *dráttarvél* "трактор". Показательно, что исландский "Словарь сленга"¹ помимо бесспорных сленговых лексем включает в себя следующие иностранные слова (в скобках указаны общепринятые единицы): *kúpp* "переворот" (*valdataka*), *krónískir* "хронический" (*stöðugur*), *garanterera* "гарантировать" (*ábyrgjast*, *tryggja*), *filma* "фильм" (*kvikmynd*), *instrument* "музыкальный инструмент" (*hljóðfæri*) и т.д.

Как известно, наиболее пуристическим среди современных скандинавских языков является исландский. Близок к нему по небольшому количеству прямых заимствований фарерский язык. Затем следует "новонорвежский". Шведский, датский и в несколько меньшей мере норвежский — букмол с этой точки зрения существенно не различаются и, в общем, мало пуристичны. Иными словами, наиболее пуристичны западноскандинавские языки (букмол, как мы знаем, занимает промежуточное положение между западными и восточными скандинавскими языками).

Пуризм, свойственный западноскандинавским языкам, носит различный характер. Достаточно отчетливо выделяются две его разновидности.

Первую разновидность можно назвать г л о б а л ь н ы м пуризмом. Пуризм такого вида направлен против любых иностранных слов, независимо от их происхождения. Таков среди рассматриваемых здесь языков прежде всего исландский пуризм. Исландскому языку в равной степени присуще стремление избегать интернационализмов, созданных из элементов латини и греческого, слов из английского, датского, французского и т.д. языков, ср. геронтология — *öldrunarfræði*, интерференция (физ.) — *ölduvíxl*, компьютер — *tölva*, клиринг — *jafnkeypisviðskipti*, увертюра — *forleikur*, коллаж — *urplímingarmynd*, сигара — *vindill* и т.д.

Сходное положение наблюдается в фарерском языке. Основным способом создания обозначений для новых понятий является калькирование (особенно датских и исландских слов), а также прямые заимствования из исландского, ср. лаборатория — *royndarstofa* (исл. *tilraunastofa*), телетайп — *fjarskrivari* (дат. *fjernskri-*

ver), пенсия - eftirlön (исл. eftirlaun), экземпляр - eintak (так же по-исландски), кризис - kreppa (то же), рекорд - met (то же) и т.д. Есть, конечно, и чисто фарерские неологизмы, например, mannagonga "метод", ítriv "хобби", kjak (tjak) "дискуссия, дебаты", но их, в общем, немного. Характерно, что есть немало примеров параллельного употребления калек (с исландского) и интернационализмов: stjörnufræði и astronomi "астрономия", skurðlækni и kirurgur "хирург", tónleikur и músikur "музыка" и др. Таким образом, фарерский язык в определенной степени менее пуритичен, нежели исландский, а глобальный характер фарерского пуризма не распространяется на исландский языковой материал. Более того, исландское влияние на фарерский столь велико, что вызывает опасения у ряда фарерцев².

Вторая разновидность может быть названа и з б и р а - т е л ь н ы м пуризмом. В этом случае избегаются заимствования из какого-либо одного конкретного языка, тогда как иностранные слова иного происхождения в язык допускаются. Эта разновидность пуризма прежде всего характерна для современного "новонорвежского", нормализаторы которого нетерпимы в первую очередь к словам, общим для букмола и датского (в частности, нижненемецкого происхождения), особенно к тем, которые имеют аффиксы, не характерные для норвежских диалектов (безударные приставки, некоторые суффиксы и т.п.). Следует помнить, что "новонорвежский" - язык не естественный, а синтезированный, и поэтому лексика его - результат целенаправленной деятельности, продуманного отбора. При формировании его лексики нормализаторы зачастую как бы "отталкивались" от датско-норвежских лексем, даже если те были достаточно широко распространены в диалектах, ствергали их как "не норвежские". Примерами таких "новонорвежских" слов могут быть следующие (в скобках даны слова букмола): byrja "начинать(ся)" (begynne), rørslе "движение" (bevegelse), kjensle "чувство" (følelse), løyve "разрешение" (tillatelse), halda fram með "продолжать" (fortsette) и т.п. Примеры слов с иными аффиксами, нежели в букмол: friðon "свобода" (букмол: frihet), motsetnad "противоречие" (motsætning), storleik "величина" (størrelse), skilnad "различие" (forskjell), uliksкаp "неравенство" (ulikhet) и т.д.

Избирательность пуризма – явление для "новонорвежского" сравнительно новое. С момента создания "новонорвежского" – выхода в свет известной книги Ивара Осена в 1853 г. – для языка был характерен глобальный пуризм, причем весьма жесткий. Изменение в отношении к иноязычным заимствованиям связано, как представляется, с желанием сторонников "новонорвежского" изменить его статус и повысить его престиж: превратить его из языка прежде всего сельской Норвегии в полноценный язык культуры и науки. Это, естественно, можно сделать, лишь допустив в широком масштабе в язык интернациональные термины. (Конечно, теоретически возможен и исландский путь – создание научно-технической терминологии из элементов родного языка, что, по ряду причин, в Норвегии едва ли осуществимо. Главнейшая причина: увеличился бы разрыв между этим вариантом норвежского языка и букмолем.)

В сущности, избирательным пуризмом является и осуществляющаяся исподволь и понемногу "норвегизация" букмола. Этот сложный и неравномерно протекающий процесс затрагивает также морфологию языка, но это – особая тема³. Объект "норвегизации" – тот же, что и у "новонорвежского", – изначально датские лексемы и формы. Однако между "новонорвежским" и букмолем есть одна существенная разница, связанная с самим направлением пуристической деятельности. Это приводит нас к другой, пересекающейся с данной выше, классификации пуризма.

Объектом пуристической деятельности могут быть лексические единицы иностранного происхождения, уже проникшие в язык, укоренившиеся в нем в большей или меньшей степени, и слова – обозначения новых понятий, еще не получившие наименования в данном языке. Иными словами, один вид пуризма заключается в том, что из языка изгоняются лексемы, уже в нем бытующие, и заменяются другими, другой – в том, что с самого начала не допускаются в язык прямые иноязычные заимствования, а из средств родного языка создаются новые слова – эквиваленты иностранным. Первый тип пуризма можно назвать изменительным, второй – охранительным.

"Норвегизация" букмола – характерный пример изменительного пуризма. Деятельность эта началась еще в прошлом веке. Наиболее значительной фигурой был Кнуд Кнудсен (1812–1895), в своей известной книге "Неорвежское и норвежское, или замена ино-

странных слов" (1881) предложивший многие тысячи пуристических замен иноязычных заимствований; характерно, что вошло в язык всего несколько созданных им слов, причем лишь как параллельные к сохранившимся иноязычным. Оставляя в стороне проблему "фонетической норвегизации" букмола, т.е. придания "датско-норвежским" словам специфически норвежской звуковой формы (дат.-норв. *ø; dugg, bro, kurv, hånd* → *øy, dogg, bru, korg, hand*⁴), а также категорию чисто норвежских лексем, т.е. единиц, не имеющих этимологических соответствий в датском и вошедших в литературный язык из диалектов (типа *jente* "девушка", *li* "склон, поросший лесом" и аналогичные), отметим некоторые результаты изменительной пуристической деятельности норвежских нормализаторов. Это прежде всего изменение морфологической структуры слова - замена словообразовательных форматов (включая использование нулевого). Так, традиционные ("датско-норвежские") формы *ansøknin* "заявление", *unntagelse/unntakelse* "исключение", *skrivelse* "документ (официальная бумага)", *stavelse* "слог", *bemærke* "замечать" и т.п., в общем, вытеснены формами *søknad* (-nad - чисто норвежский суффикс, отсутствующий в датском), *unntak, skriv, staving, merke* и т.д. Впрочем, в данном случае неясно, результат ли это сознательной деятельности нормализаторов либо же результат демократизации языка как следствие демократизации общества. Вместе с тем нет оснований и переоценивать масштабы изменительного пуризма в букмоле.

Хорошо известно, как велико влияние английского языка на современные языки Западной Европы, в том числе скандинавские. В общем, они широко открыты для прямых и семантических заимствований из английского, что хорошо прослеживается как по текстам, так и по словарям новых слов⁵, а также различным периодическим изданиям, посвященным языку⁶.

Во всех скандинавских странах делаются попытки в какой-то мере ограничить проникновение такого множества английских заимствований, бороться с этой, как ее называют, "английской болезнью". Подход, однако, здесь разный. Для исландского и - в несколько меньшей мере - фарерского языков характерен оградительный пуризм, для других - изменительный. Например, если понятие, выражаемое английским термином *feedback* "обратная связь", сразу было обозначено в исландском словом *endurgjöf* букв. "обратная дача", то в норвежском длительное время использовалось

прямое заимствование feedback, лишь в последние годы вытесняемое словами-заменителями tilbakemelding, tilbakekobling, tilbakemating и др.

Итак, наиболее пуристические из современных скандинавских языков - это исландский, фарерский и "новонорвежский". Причина этого, как представляется, достаточно очевидна.

Пуризм возникает не сам по себе, а как проявление определенного умонастроения общества, как его реакция на некоторые социально-исторические условия. Как правило, он связан с национально-патриотическим движением у народов, позднее других приобщающихся к современной культуре, науке и технике. Естественно, что в этих социально-исторических условиях названных языковых коллективов есть и общие, и индивидуальные черты.

Общими в рассматриваемом случае являются следующие моменты. И исландцы, и фарерцы, и говорящие на "новонорвежском" - небольшие языковые коллективы: исландцев - около 240 тысяч, фарерцев - около 50 тысяч, "новонорвежский" является "первым" языком, по нашей оценке, максимум для 600 тысяч (реально, скорее всего, это число много меньше). Все три названных языка до недавнего времени были языком сельского населения - крестьян и рыбаков. Норвегия получила полную государственную самостоятельность в 1905 г., Исландия - в 1944 г., а Фарерские острова до сих пор входят в состав Дании, правда, получили автономию в 1948 г. Все три языка должны были в XX в. стать полноценными языками, способными обслуживать современную науку, технику, культуру, социальные отношения и т.д., сохранив при этом свой характер языка "простого народа".

Есть при этом, разумеется, и особенности в социолингвистической ситуации каждого из этих языков.

Исландский язык - язык с длительной культурной традицией, функционирующей в стране, в которой уже много веков сплошная грамотность. Исландцы ограждали и ограждают свой язык от иностранных слов не только потому, что книга испокон веков была обращена к грамотному, но необразованному крестьянству, но и потому, что для этого народа язык - национальное сокровище, реликвия, символ своей неповторимой культуры⁷. Со многими обозначениями социальных понятий исландец впервые знакомится в иноязычной форме, многие интернационализмы для него вполне ес-

тественны, но, следуя традиции, он по возможности избегает их на письме, о чем уже говорилось.

Фарерский язык стал применяться для научно-технических и аналогичных текстов лишь в самые последние десятилетия. Существенно, что фарерцы — билингвы, по-датски они читают, по крайней мере, не меньше, чем по-фарерски. У них нет такой сильной традиции пуристических замен, как у исландцев, деятельность которых в этой области берется ими за образец.

Специфической является ситуация "новонорвежского". Для успешного его функционирования во всех областях, в том числе в качестве языка науки и техники, он должен не уступать по возможности букмолу по разработанности, точности и — что очень важно — понятности терминологии. В сущности, количество чисто "новонорвежских" лексем (т.е. лексем, не имеющих этимологических соответствий в букмоле, примеры см. выше), в общем, не очень велико. Изучение "новонорвежского" в школе (имеются в виду учащиеся, для которых преподавание ведется на букмоле), использование до 25% времени для радио- и телевизионных передач на "новонорвежском" и т.д. обуславливает довольно хорошее пассивное владение им носителями букмола. Создание особой, чисто "новонорвежской" научно-технической терминологии (по образцу исландской), как уже говорилось, увеличило бы разрыв между этими вариантами норвежского языка, сделало бы "новонорвежский" менее понятным носителям букмола (а их более 80% населения).

Шведский и датский языки, напротив, наименее пуристичны среди скандинавских. Объясняется это, на наш взгляд, социоисторическими моментами: это давно сформировавшиеся полноценные литературные языки крупных социумов, несколько веков являющихся независимыми государственными образованиями.

Примечания

¹ M ö r ð u r Árnason, S v a v a r Sigmundsson, Ór-
n ó l f u r Þorsson. Orðabók um slangur. [Reykjavík], 1982.

² S l a u e s n U. Nyord i färöiskan: Ett bidrag til be-
lysning av språksituationen på Färöerna: (Acta universitatis
Stockholmiensis. New Series, 14). Stockholm, 1978. S.30-31.

³ Подробнее см., в частности: Б е р к о в В.П. 1) Языко-
вое положение в Норвегии / Ареальные исследования в языкозна-
нии и этнографии: Язык и этнос. Л., 1983. С.50-66; 2) О стату-

св грамматического женского рода в современном букмоле: (К вопросу о языковом планировании) // Скандинавские языки: Актуальные проблемы грамматической теории. М., 1984. С.43-58.

⁴ Далеко не все такие "норвегизированные" формы в равной степени характерны для той реальной нормы литературного букмола, который называют *standard østnorsk*. Из приведенных примеров бесспорно закрепились лишь форма *bu*.

⁵ Например: *N o r d i norsk*. 1945-1975. Bergen; Oslo; Tromsø, 1982.

⁶ Например, *Språknytt: Meldingsblad for Norsk språkråd*.

⁷ См., в частности: Б е р к о в В.П. Обозначения новых понятий в современном исландском языке // *Scandinavica I*. Л., 1961. С.74-75; Б е р к о в В.П. *Isländische Entspruchungen internationaler Termini* // *Nordeuropa-Studien*. (Greifswald) 1984. N 18. S.62-63.

V.P.BERKOV. MODERNE NORDISKE SPRÅK OG PURISME

I artikkelen foreslås to klassifikasjoner av purisme. Ifølge den første skjelnes det mellom global og selektiv purisme. Den globale purisme er rettet mot alle fremmedord uansett deres opprinnelse (islandsk, færøysk, den selektive purisme er rettet mot et konkret språk (moderne nynorsk, fornorsk av bokmålet). Ifølge den andre klassifikasjonen skjelnes det mellom vernende og forandrende purisme. Målet til den vernende purisme er at fremmedord ikke engang slippes inn i språket: når det kommer et nytt begrep, får det straks en betegnelse laget av egne språkvidler. Den forandrende purisme består i at fremmedord som alt har fått innpass i språket, avlæses av nye betegnelser. I slutten av artikkelen analyseres de faktorer som forårsaker et språks puristiske karakter.

С.С.Маслова-Ламанская

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

На материале ряда языков установлено, что словообразование имеет две функции: функцию создания номинативных единиц языка, однословно выражающих лексические понятия, и функцию синтаксического средства, передающего отношения, которые складываются в процессе речевой коммуникации.

© С.С.Маслова-Ламанская, 1994

Задача данной статьи -- рассмотреть некоторые аспекты шведского словосложения в функции синтаксического средства.

I. Синтаксическое словосложение

Л.В.Щерба писал: "...многие так называемые "сложные слова", например, немецкого языка или санскрита, являются в этих языках словами лишь по форме, а по существу будут соответствовать тем простейшим единицам речи ("parole"), которые я называю синтагмами: большинство сложных слов этих языков делается в процессе речи и не входит в репертуар языка как системы"¹. Синтаксическое словосложение хорошо изучено на материале немецкого языка². Отмечено существование синтаксического словосложения в русском языке³. Не пользуясь термином, который соответствовал бы "синтаксическому словосложению", У.Телеман указывает, что в шведском языке есть сложные слова, которые "мы создаем, когда говорим и пишем"⁴. В то же время Телеман уделил таким словам мало внимания, и поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос о шведских "синтаксических композициях".

Начнем с некоторых общих замечаний.

1. Композиты в шведском языке объективно выделяются на основе фонетических и морфологических признаков.

а) Важнейшим фонетическим признаком является главное ударение, соединяющее ряд основ: småskolematser (Tel.) "столовая в начальной школе", tillvägagångsätt (SAOL) "способ действия, подход". Наличие двух или более главных ударений в сложном слове -- редкость: 'kol'svart (Th.) "угольно-черный". Для сложных слов характерен (хотя и не является обязательным признаком) второй (грависный) тонический акцент: 'ordbok "словарь", tillintetgöra "уничтожить". Просодические признаки дают основание считать композитами Birger Jarls gatan "улица Биргера Ярла" или Selma Lagerlöf-romanen "роман Сельмы Лагерлёф", несмотря на раздельность написания⁵.

б) Морфологическим признаком композитов является цельнооформленность сложного слова, противостоящая раздельнооформленности словосочетания: словоизменяемая морфема используется только при последнем компоненте композита; ср. ett 'höghus "высотный дом" и ett 'høgt hus "высокий дом", 'höga hus "высо-

кие дома" (в композите компонент, соответствующий прилагательному, не имеет показателя рода и числа)⁶. Есть, правда, случаи использования словоизменительного форманта при первом компоненте: åttatimmarsdag (SAOL) "восьмичасовой рабочий день", en femminutersrast (Palm.) "пятиминутный перерыв" и т.п.

2. Для сложных слов часто характерна цельность значения, но семантическое единство нельзя считать их специфическим признаком, так как такое значение наблюдается также у ряда составных лексем типа läcker riska "рыжик", korta varor "галантерея", göda hund "краснуха" (болезнь) и т.п.⁷

По семантическому признаку шведские композиты образуют два больших класса:

а) цельнозначные композиты, значения которых не сводимы к сумме значений компонентов: значение слова storstad "город с населением не менее 100 тысяч" (SvO) отличается от суммы значений словосочетания en stor stad "большой город";

б) нецельнозначные композиты, у которых значение всего композита совпадает с суммой значений компонентов⁸: nålspets "острие иголки" = spetsen på en nål.

Цельнозначные композиты называют также лексикализованными (lexikaliserade)⁹.

3. Большинство композитов являются двучленными, даже если они состоят из многих основ. Так, композит lastbilsförarprov (Th.) "экзамен на право вождения грузовой автомашины" представляет собой результат словосложения третьей степени:

1) last + bil → 2) (lastbil) + v + förare → 3) (lastbilsförar-) + prov.

Первым компонентом композита может быть целое словосочетание: ingenmansland (Söd.) "ничейная земля" из ingen man + land, envåningehus (Söd.) "одноэтажный дом" из en våning+hus.

Есть, однако, и первично (изначально) многочленные композиты. А.Нурен приводит примеры с тремя и более примарными (primära) членами: förgätmigej "незабудка", två tusentrehundratjugufem "две тысячи триста двадцать пять" и др.¹⁰

Обратимся непосредственно к синтаксическим композитам шведского языка. Несомненно, они входят в группу нецельнозначных слов, но не все нецельнозначные композиты можно считать синтаксическими, хотя они и выражают синтаксические отношения

между компонентами и семантически аналогичны словосочетаниям¹¹. По какому же признаку можно выделить синтаксический композит? Примером такого композита можно считать tvåflugoriensällordet (Sprv., 1981) "слово, убивающее двух зайцев (букв. "мух") одним ударом"; этот композит контекстуально связан, ориентирован на конкретный случай и несет на себе печать индивидуального творчества, он создан автором статьи, а не "извлечен" из глубин памяти. Аналогичным образом слово korthetsraseri (Sprv., 1969) "безумное стремление к краткости" (букв. "бешенство краткости"), направленное против увлечения сокращенными обозначениями, не входит в шведский словарный состав и создано специально для определенного случая. Подобные индивидуальные лексические творения нередко являются элементами поэтической речи. Синтаксическими композитами, не входящими в словарный состав, являются также многочисленные многочленные сложные слова, широко создаваемые в книжном стиле - в "канцелярите", научной прозе, газетах, журналах и т.п.: rivågtucksförsäljningsföregörning (Wl.) "постановление о правилах продажи спиртных напитков", aktieförvärvsrätt (Wl.) "право на приобретение акций", Gamla stanbranden (Åk.) "пожар в Старом городе", Fjättan östern-gevan (Åk.) "поездка на Дальний Восток" и т.п.

Возможности шведского языка в области создания синтаксических композитов практически неограниченны. Так, Р.Сёдерберг пишет, что вполне возможно образовать слово tåskön "имевший красивые пальцы ног"¹². Шведские поборники культуры речи (Велландер, Окермальм и др.) вели и ведут борьбу с чрезмерным, по их мнению, использованием словосложения. Велландер считал даже, что многие многочленные композиты (типа bageriindustriarbetarefackförening "профсоюз работников пекарной промышленности") "не являются словами в собственном смысле слова... являются не знаками для выражения понятий, а настоящими описаниями"¹³. Однако Велландер признает, что такие слова обладают всеми фонетическими и морфологическими признаками слова. К шведским синтаксическим словам применима характеристика: "по структуре - слово, а по функции - словосочетание"¹⁴.

Окермальм, осуждая "тяжеловесные, неуклюжие" многочленные композиты, признает, что "предостережения, направленные против них, тщетны"¹⁵. Языковая тенденция к созданию синтаксических

композигов непресолима, поскольку синтаксическое словосложение - естественный для шведского языка прием.

В то же время многие синтаксические композиты имеют тенденцию утрачивать свой изначальный характер, превращаясь в постоянные обозначения предметов, организаций, разного рода явлений; они втягиваются в устойчивый словарный состав и фиксируются словарями. Примеры: *arbetamarknadsvaktkort* (SAOL) "комитет по вопросам рынка рабочей силы", (*från*) *rättssäkerhetsutvalpunkt* (SAOL) "(с) точки зрения правовой защищенности", *tidvattenskraftverk* (SAOL) "электростанция, использующая силу приливов" и т.д. Таким образом, функция номинативного средства выходит в композите на передний план, а функция связи элементов высказывания стесняется.

В ряде случаев изначальный синтаксический композит, превратившийся в обычный - номинативный, служит моделью для создания новых композитов, появляющихся по аналогии, минуя фазу синтаксического словосложения. Так, композит *engångsutgift* "одноразовая затрата" (Ö, bd 1) первоначально имел синтаксический характер, а затем дал модель "engångs- + существительное", по которой образованы *engångsglas* (SAOL) "стакан одноразового использования", *engångsspruta* (SAOL) "одноразовый шприц" и др.

Многие из синтаксических композитов представляют собой "потенциальные слова". Отметим некоторые модели таких композитов.

4. Композиты - "гипонимы" широкоупотребительных номинативных композитов с тем же вторым компонентом (который представляет собой гипероним). Поясним сказанное с помощью примера, который приводит Телеман: в шведских словарях есть слова *hästhuvud* "голова лошади", *hästsvans* "хвост лошади", но нет *zebrahuvud* "голова зебры", *zebrasvans* "хвост зебры"¹⁶. И *hästhuvud*, и *zebrahuvud* - гипонимы по отношению к гиперониму *huvud* "голова", но первое сложное слово входит в словарный запас нормального шведа, а второе создано свободно по модели "название целого + название части". Естественно, что словарь SAOL дает *hästhuvud*, но *zebrahuvud* в словаре нет: отсутствуют в SAOL также *musihuvud* "голова мыши", *tigrehuvud* "голова тигра" и т.п.; в случае необходимости эти потенциальные слова будут созданы.

Композиты-"согипонимы" широко распространены. Так, по образцу слов со вторым компонентом -serie (artikelserie "серия статей", föredragsserie "серия докладов" и т.д.) возникло слово Veta-serien (Uppåt) "серия (книг) "Знание" и Veta mera-serien "серия "Знать больше".

Распространены "потенциальные" композиты, вторым компонентом которых является отглагольное существительное, а первым - обозначение объекта. Например, в SAOL указаны композиты, образованные с förbrukning "потребление": elförbrukning "потребление электричества", energiförbrukning "потребление энергии"; в словаре Ö. есть еще gasförbrukning "потребление газа"; потенциально допустимо также kaffeförbrukning(en) вместо förbrukningen av kaffe (Ö) "потребление кофе".

2. Другая модель для создания "потенциальных" композитов: "предложение, включающее в себя повелительное наклонение + существительное": gör-det-själv-grejer (Vi) "вещи типа "сделай сам", plockasjälv-gårdar (DN) "хозяйства "собирай сам" (в которых желающие могут на определенных условиях собирать для себя урожай), lär-på-lekserien (Uppåt) "серия "Учись играть", den gröna kom-in-lampan (Karn.) "зеленая лампочка - сигнал "войдите", ravsaråpris (Th.) "цена "обрати внимание" (очень выгодная).

3. Широко используется модель композитов, включающая в себя числительное как переменный член, например ett åtta-till-femjobb (Vi) "работа от восьми до пяти"; включаемые в композит числительные варьируются в зависимости от конкретной ситуации. Слово sjuvåningshus "семиэтажный дом" отсутствует в SAOL, но может быть легко создано по образцу tvåvåningshus (SAOL) "двухэтажный дом", sexvåningshus (SAOL) "шестиэтажный дом" и т.п.

4. Есть модель "наращивания" первого компонента - добавления слов той же логической группы: слово köp-slit-och-släng-mentalitet (Fm) "психология "купи-поноси-выбрось" является результатом добавления элемента köp- к слову, ранее вошедшему в лексику и включенному в SAOL.

5. Любопытная модель - "определяемое существительное + характеризующий второй компонент, выражающий одновременно эмоциональное отношение говорящего": Nu är bokfan klar (Boëth.) "Вот

чертова книга (букв. "книга-черт") и готова"; ... att hitta nånting att kasta på kattfan (Kyrk.) "найти что-нибудь, чтобы бросить чертовой кошке"; Blomma, du häggdjävul (Thorv.) "Цвети ты, чертова черемуха". Первый компонент (определяемое) в таких композитах отличается вариабельностью, второй же, эмоционально насыщенный, однообразен.

II. Синтаксическая деривация

Как показал Курилович, среди производных слов есть два семантических типа. Один из них - слова, создаваемые для выражения определенного понятия, другой - слова, которые создаются для того, чтобы понятие, выражаемое определенной частью речи, получило языковую форму другой части речи, обладающей иными синтаксическими функциями: фр. hauteur представляет собой синтаксическую деривацию от être haut; в противоположность этому семантическое развитие hauteur "высота" → hauteur "возвышенность" представляет собой лексическую деривацию¹⁷.

Синтаксическая деривация порождена тем, что понятийный фонд языка реализуется в лексических единицах, имеющих специфическую частеречную принадлежность и не совпадающие синтаксические способности. Сопоставляя слова веселый, веселье, веселиться, Л.В.Щерба писал: "Содержание этих слов в известном смысле тождественно и лишь воспринимается сквозь призму разных обших категорий - качества, субстанции, действия"¹⁸.

Примером синтаксической деривации в шведском языке можно считать следующий случай окказионального, индивидуального словопроизводства: во фразе Börjar man morfemanalysera dessa ord... (Benny) "Если начать (проводить) морфемный анализ этих слов..." мы встречаем глагол morfemanalysera, передающий то же понятие, что и morfemanalys "морфемный анализ" + указание на процесс, проводимый каким-то субъектом; глагольная форма как бы восполняет отсутствующие у существительного синтаксические свойства.

От синтаксической деривации отличается словопроизводство, приносящее специфические семантические элементы. Так, в примере Hela vänteriet var otrivsamt (Boëth.) "Все это нудное ожидание было неприятно" значение существительного (vänteriet) не только передает понятие "ожидание", соответствующее глаголу

vänta "ждать", но и содержит коннотацию эмоционального - отрицательного отношения субъекта к этому ожиданию; следовательно, здесь мы имеем дело с лексической деривацией.

Образование слова одной части речи от другой иногда называется транспозицией (шв. *transponering*)¹⁹; в качестве шведских примеров транспозиции У. Турель приводит слова *brottslighet* "преступность" (от *brottlig* "преступный"), *dramatisk* "драматичный" (от *drama*), *sjukdom* "болезнь" (от *sjuk* "больной") и др. Термин "транспозиция" используют также иначе - как полный синоним термина Куриловича "синтаксическая деривация"²⁰.

На синтаксическую деривацию нередко наслаивается лексическая, создавая новый лексико-семантический вариант того же слова, что Курилович демонстрирует на примере фр. *hauteur* (см. выше). Шведским примером такого "наслоения" может служить прилагательное *dramatisk*, например, в словосочетании *i dramatisk form* (ö.) "в форме драмы" это прилагательное предстает как результат синтаксической деривации от существительного *drama* "драма"; в результате же семантической (=лексической) деривации оно приобрело второй лексико-семантический вариант - *dramatisk₂* "полный драматизма, драматический", как, например, в словосочетании *de dramatiska omkastningarna i hennes liv* (SvO) "драматические повороты в ее жизни".

Очерчивая круг действия синтаксической деривации в шведском языке, мы обнаружим ее, в частности:

1) среди абстрактных существительных - названий качеств (а) и действий (б). Некоторые примеры: а) в тексте *Blommor behålla bättre sin friskhet om...* (ö.) "Цветы лучше сохраняют свежесть, если..." существительное идентично по содержанию прилагательному *frisk* в *Rosorna hålla sig friska...* (ö.) "Розы сохраняются свежими..."; в тексте *Statens medverkan är en nödvändighet* (ö.) "Содействие государства является необходимостью" существительное *nödvändighet* совершенно равнозначно *nödvändig* "необходимый"; б) существительное в *Rökning förbjuden* (ö.) "Курение запрещено" равно по значению инфинитиву *röka* (*Förbjudet att röka* "Курить запрещено"); 2) в сфере глагольного образования; см. вышеприведенное *morfemanalysera*, также *turista* "быть (ездить) туристом" и глаголы, возникшие в результате "обратного словопроизводства", например *terränglöpa* "участвовать в кроссе" (от *terränglöpning* "кросс").

П р и м е ч а н и я

¹ Щ е р б а Л.В. Очередные проблемы языковедения // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С.43.

² См., в частности: П а в л о в В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985. С.3-299.

³ Так, Ю.С.Маслов пишет: "Наряду с... сложными словами - номинативными единицами словаря - встречаются... сложные слова - эквиваленты свободных синтаксических сочетаний. В русском языке ярким примером являются сложные слова с первым компонентом числительным, например, девяти-, двенадцати-, шестидесяти- и т.д. -этажный" (М а с л о в Ю.С. Введение в языковедение. М., 1975. С.230).

⁴ Т е л е м а н U. Om svenska ord. Lund, 1970. S.20.

⁵ Э.Велландер считает более логичными написания типа Birgerjarlsгатan, так как первым компонентом сложного слова является целое словосочетание Birger Jarl. См.: W e l l a n d e r E. Riktig svenska. 3 uppl. Stockholm, 1963. S.584.

⁶ См.: Т h o r e l l O. Att bilda ord. Stockholm, 1984. S.13.

⁷ См.: М а с л о в а - Д а ш а н с к а я С.С. Лексикология шведского языка. Л., 1973. С.121.

⁸ М а с л о в а - Д а ш а н с к а я С.С. Указ.соч. С.157.

⁹ См.: Т е л е м а н U. Op. cit. S.20; J ö r g e n s e n N., S v e n s o n J. Nusvensk grammatik. Stockholm, 1986. S.51. - Турель противопоставляет лексикализованным композитам "прозрачные" (genomskinliga); см.: Т h o r e l l O. Svensk ordbildning. Stockholm, 1981. S.6.

¹⁰ N o r e e n A. Vårt språk. Bd 7. Lund, 1906. S.377.

¹¹ Семантически аналогичные словосочетаниям сложные существительные рассмотрела детально И.В.Каллистова. См.: К а л л и с т о в а И.В. О синонимии сложных существительных и сходных с ними словосочетаний в современном шведском языке // Скандинавская филология, I. Л., 1962. С.44-57.

¹² S ö d e r b e r g h R. Svensk ordbildning. 2 uppl. Stockholm, 1968. S.22.

¹³ W e l l a n d e r E. Op. cit. S.141.

¹⁴ М а с л о в Ю.С. Введение в языковедение. 2-е изд. М., 1987. С.177.

¹⁵ Å k e r m a l m A. Modern svenska. 2 uppl. Lund, 1972. S.57.

¹⁶ Т е л е м а н U. Op. cit. S.18.

¹⁷ См.: K u r y ł o w i c z J. Dérivation lexicale et dérivation syntaxique // Kuryłowicz J. Esquisses linguistiques. Wrocław;Krakow, 1960. S.46.

18 Щерба Л.В. Указ. соч. С.59.

49 Thorell O. Op. cit. S.74.

20 "Под транспозицией понимается такой словообразовательный акт, в результате которого изменяется только синтаксическая функция исходного слова, в то время как его основное, "вещественное" значение... остается неизменным" (Мурисов Р.З. Словообразование и теории номинализации // Вopr. языкозн. 1989. № 2. С.40-41).

С о к р а щ е н и я

- Benny - Benny R., Brodda A. Några semantiska grundbegrepp. Stockholm, 1973.
- Boëth. - Boëthius M.-P. Svensson, Svensson. Stockholm, 1979.
- DN - Dagens Nyheter. 1980.
- Fm - Femina. Stockholm, 1982. N 5.
- Karn. - Karnstedt T. Slanfabriken. Stockholm, 1980.
- Kyrk. - Kyrklund W. Katten // Novellanalyser. Stockholm, 1970.
- Palm. - Palmér F. Språkutveckling och språkvård. 3 uppl. Malmö, 1953.
- SAOL - Svenska Akademiens ordlista. 11 uppl. Stockholm, 1986.
- Sprv. - Språkvård. Stockholm, 1969. N 2; 1981. N 1.
- SvO - Svensk ordbok. Stockholm, 1986.
- Söd. - Söderbergh R. Svensk ordbildning. Stockholm, 1968.
- Tel. - Telemann U. Om svenska ord. Stockholm, 1970.
- Th. - Thorell O. 1) Svensk ordbildning. Stockholm, 1981; 2) Att bilda ord. Stockholm, 1984.
- Thorv. - Thorvall K. Ensam dam reser ensam. Stockholm, 1979.
- Uppåt - Uppåt med böcker. Stockholm, 1975 (каталог детских книг).
- Vi - Vi (Stockholm). 1974. N 26, 45.
- Wl. - Wellander E. Riktig svenska. 3 uppl. Stockholm, 1963.
- Åk. - Åkermalm A. Modern svenska. Lund, 1972.
- Ö. - Östergren O. Musvensk ordbok. Bd 1-10. Stockholm, 1919-1972.

S.S.MASLOVA-LASJANSKAJA. OM ORDBILDNINGENS SYNTAKTISKA
FUNKTIONER I SVENSKAN

Både sammansättningen och avledningen kan i svenskan tjäna som ett syntaktiskt medel.

Sammansättning. En mängd svenska sammansatta ord skapas "medan vi talar och skriver" (U. Telemann), dvs tillhör inte språkystemet. Sådana med produktiva ordbildningsregler bildade ord (t.ex. Camla stan-bränden eller blåsippkantad i "de blåsippkantade rännilarna" av V. Ekelund) förtecknas inte i lexikon. Om detta slags tillfälliga ord upprepas ofta, förvandlas de till lexikaliserade benämningar på något och förtecknas då i lexikon (t.ex. alit-och-slangmentalitet; se SAOL, 11 uppl.; jfr ordet köp-slit-och-slangmentalitet som förekommit i en text men inte finns i svenska ordböcker).

Avledning. Det finns avledda ord som skapas i syfte att ändra på utgångsordets syntaktiska funktioner. Ett exempel: verbet morfemanalysera har bildats av substantivet morfemanalys för att brukas som predikat i en sats (t.ex. På vilket sätt kan man morfemanalysera dessa ord?); substantivet morfemanalys kan inte brukas på samma sätt som verbet.

A. B. Савицкая

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ В ВЕСТЪЕТСКОМ ПРАВЕ

Словосложение является в современном шведском языке одним из важнейших способов создания новой лексики. Как отмечает У. Турель, возможности шведского языка в образовании сложных слов в принципе безграничны¹. Вопросам словосложения в скандинавских языках посвящено значительное число работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Именно в силу актуальности данного вида словообразования для современного шведского языка, интересным представляется обратиться к материалу древнешведского периода. С этой целью в статье использованы два издания древнейшего письменного памятника шведского языка, Вестъетского права (далее - VGL), толковый словарь К. Шютера, входящий в издание древнешведских законов (далее - S), и перевод VGL на современный шведский язык, выполненный О. Хольмбеком и Э. Вессеном².

Прежде всего надо отметить, что даже при сплошной выборке композитов из текста VGL указать их точное количество достаточно сложно. Дело в том, что, как известно, уже в древнешведских текстах композиты могли употребляться как эквиваленты словосочетаний, причем между первыми и последними далеко не всегда можно провести четкую грань. Если для современного языка обычно можно говорить о различном оформлении компонентов сложного слова и составных частей словосочетания, то для древнешведского основным критерием отличия, как правило, оказывается слитное/раздельное написание компонентов. Однако этот критерий в применении к тексту VGL часто оказывается ненадежным, поскольку установить какую-либо последовательность в использовании композитов-эквивалентов крайне сложно. Так, например, в одной и той же главе есть два варианта³: *þings manna vittni* и *þingamanna vittni* (KB, 3). Не вносит полной ясности и словарь Шютера. В целом ряде случаев в словарной статье дается и слитное и раздельное написание (*kirkiubol* - *kirkiu bol*, *samulund* - *sama lund*). Очевидно, здесь проявляется аналогичное отмеченному В.М.Павловым на немецком материале "колебание в осознании этих лексических единиц как сочетаний или слов"⁴. Для носителя современного языка эти "колебания" в большинстве случаев устранимы в пользу "слов". Э.Вессен, издавая древнешведский текст VGL в 1954 г., несколько меняет орфографию оригинала с целью облегчить его чтение. Во вступлении он объясняет: "Сложные слова (композиты) пишутся слитно... и наоборот..."⁵ В результате в издании Вессена композитов оказывается значительно больше, чем в издании Шютера. Интересно, что тот же Вессен, переводя VGL на современный шведский язык, в ряде случаев заменяет композиты словосочетаниями. В тех случаях, когда вместо древнешведского композита дается предложный оборот, это можно связать со стремлением автора дать пояснение современному читателю: *vaðæskenu* - *skråna av våda* (VS, 4) (в издании Шютера было два слова), *saræsbötaer* - *böter för sår* (ÆB, 18) (у Шютера было два слова). Замена же композита на определительное сочетание с существительным в род. падеже или прилагательным носит, скорее, чисто грамматический или стилистический характер: *konongegarðer* - *konungens gård* (PB, 3), *þa ær þæt fulsæri* (SB, 1) - *då är det fult sår* (у Шютера в первом случае был композит, во втором - два слова).

В общей сложности из текста VGL было выписано около 300 сложных слов (сложные числительные не рассматривались). Все эти слова можно считать двукомпонентными. Лишь в 40 случаях первый компонент является сложным, состоящим из двух частей. Аналогичные композиты современного языка Р.Сёдерберг рассматривает как двукомпонентные: *arbetsmarknadsstyrelsen* - *arbetsmarknads-styrelsen*⁶. Думается, что справедливо так же рассматривать и композиты из VGL, поскольку в большинстве случаев в тексте можно обнаружить употребленный самостоятельно первый компонент такого композита: *siumættingsgyarð* (BB, 1) - *siumætting* (BB, 1), *hindradaxgiæf* (ÆB, 25) - *af hindradax* (BB, 7). Остальные композиты состоят из двух "простых" компонентов. В подавляющем большинстве случаев это сложные существительные. Зафиксировано 46 сложных глаголов и причастий, а также единичные примеры употребления сложных прилагательных и наречий.

Среди сложных существительных доминирующей является группа с первым компонентом - существительным (более 70%). В 17 случаях первым компонентом является глагольная форма, в 14 случаях - прилагательное, в 5 - наречие. Похожая картина наблюдается и при исследовании современного текста. Рассматривая 276 сложных существительных, Р.Сёдерберг отмечает 80% с субстантивным первым компонентом, 8% - с наречием или предлогом в качестве первого компонента, 6% - с прилагательным и 4% - с глаголом⁷.

В тех случаях, когда первым компонентом сложного слова является существительное, оно может иметь разное морфологическое оформление. Здесь представляется возможным выделить три более или менее одинаковые в количественном отношении группы:

- 1) первый компонент сохраняет словарную форму, не имея соединительной морфемы: *utæn* *vak**sökten* (AM, 5), *skroksak* (SB, 2);
- 2) первый компонент представляет собой основу, т.е. происходит усечение окончания (соединительной морфемы нет): *banorð* (AM, 1) < *bani*, *varðvetæ* (KE, 1) < *varðet*;
- 3) первый компонент сохраняет окончание род. падежа, становящееся соединительной морфемой композита: *bykkihvælp* (KB, 5) < *bikia*, *hælgihisbot* (AM, 1) < *hælgih*, *bygmærk* (JB, 17) < *by*, *haldgæsla* (AM, 1) (здесь первый компонент образован от глагола *háll*).

В крайне редких случаях первый компонент имел форму мн. числа (*i bondalaghum* (AM, 5)) и никогда - форму с определенным артиклем.

Имеющийся перевод VGL на современный шведский язык, выполненный Вессеном, дает возможность увидеть морфологическое оформление тех же компонентов сложных слов в современном тексте, хотя и не всегда, в силу изменений, произошедших в лексическом составе языка, а также замены в ряде случаев композитов различными словосочетаниями, о чем говорилось выше. Однако сделать некоторые наблюдения представляется возможным. Так, в тех случаях, когда сложное слово имело в древнешведском нулевую соединительную морфему, оно, как правило, в том же виде сохранялось и в современном переводе (таких примеров 58). Своего рода исключением является слово *fridbrut* (KB, 12) - *fridbrott*, получившее в современном переводе соединительную морфему *-s-*. Если в древнешведском композите в качестве соединительной морфемы выступало генитивное окончание *-s*, оно почти всегда сохранялось в современном переводе (12 случаев). Лишь иногда на его месте появлялась другая соединительная морфема: *innan konungarikis* (AM, 5) - *utanför konungariket*. Если в качестве соединительной морфемы в древнешведском слове была использована гласная, то чаще всего эта же гласная сохранялась и в современном тексте (17 примеров). В 9 случаях соединительная гласная древнешведского композита в современном переводе выпадала: *fæstiband* (KB, 6) - *fästband*. В 8 случаях она заменялась другой гласной, особенно часто *-e-*: *i bondalaghum* (AM, 5) - *i bondelag*, *fiskigarþ* (FS, 9) - *fiskegård*. В отдельных случаях древнешведская соединительная гласная заменялась в переводе на *-v-*: *vittorþ* (JB, 16) - *vitsord*.

Рассмотрим древнешведские композиты с семантической точки зрения. Композиты современного шведского языка обычно делят на две большие группы: цельнозначные, значения которых представляют собой сумму значений компонентов, и нецельнозначные, значения которых не сводимы к сумме значений компонентов⁸. При этом шведские исследователи обычно акцентируют внимание на понятности для носителя языка значений отдельных компонентов в первой группе и на их "затемненности" во второй, приводящей в целом ряде случаев к восприятию композита как простого слова,

т.е. однокомпонентного⁹. У. Турель, например, называет композиты первой группы "прозрачными" (*genomskeinliga*), а второй - "лексикализованными" (*lexikaliserade*) словами¹⁰. Думается, что при диахроническом исследовании материала именно степень понятности семантики компонентов композитов в разные периоды развития языка играет весьма существенную роль.

Большая часть рассмотренных сложных слов может быть, несомненно, отнесена к первой группе и с современных позиций, поскольку значения их компонентов понятны без дополнительных комментариев носителю языка и в сумме раскрывают семантику композита, например: *af mandrapi* (AM, 5) - *för mandrär, biskopsstol* (RB, 2) - *biskopsstol*.

Значительная часть композитов может быть отнесена к той же группе для языка времени Вестгётского права, но требует определенного комментария для наших современников в силу изменения лексического состава языка или обстоятельств жизни и деятельности людей. Часто в современном переводе просто производится замена одного (или обоих) из компонентов соответствующей новой лексической единицей: *mylnudörom* (M) - *kvarndörr*. Однако во многих случаях комментарий оказывается необходимым. Так, например, *viðarman* (AM, 5) или *sundriskean* (BB, 2) в современном тексте соответственно *söðerman* или *sudländsk*, но дается пояснение, что здесь имеется в виду немец (*tyesk*); *handvalder*, восходящее к *i hand vælia*, поясняется Шлутером как "переданный в чьи-либо руки, доверенный" (S, 275), и фраза *þæt ær handvalt fæ* (AEB, 17) переводится Вессеном как *det är anförtrött gods*.

Специфика орфографии VGL иногда дает исследователям возможность по-разному толковать семантику компонентов композита. В этом отношении показательным представляется слово *lönærdrotten* (ÖM) или *lanærdrotten* (AEB, 24). Оба варианта переводятся Вессеном на современный язык как *husbonde*, что вполне справедливо, хотя Шлутер, давая их в одной статье, и предлагает различное толкование первых компонентов. В первом случае, если, как подчеркивает Шлутер, здесь нет орфографической ошибки, первый компонент восходит к слову *lön* и композит означает "господин, от которого получают плату", а во втором композит может рассматриваться как заимствование из исландского со значением "гос-

подин, которому должен хранить верность тот, кто что-либо от него получил" или как состоящий из компонентов *land* "недвижимая собственность" и *drotten* "господин". Интересно, что Шюте-ром выделяется и сокращенный вариант *landrotten*, от которого, как он отмечает, пошло неверное словосочетание *land drotten* или *lands drotten* (S, 378).

Небольшой по количеству является группа слов, которые можно считать лексикализованными уже для древнешведского периода. Это такие слова, как *invistærhus* (ФВ, 5) - *utvistærhus* (ФВ, 7), *undirvip* - *aldinviper* (ФС, 2). Думается, что к этой же группе можно отнести слово *gullfingrini* (РВ, 2). У Шютера дается толкование: *guldfingerring* (S, 241). В эту же группу входит, очевидно, и слово *dansæarf* (АВВ, 14) - *danaarv*. Давая такой перевод на современный язык, Вессен на с.90 поясняет, что это "наследство, оставшееся после иностранца, не имевшего наследников". Интересно, что уже в XIX в. исследователи не имели единого мнения по вопросу о происхождении первого компонента композита. Согласно одной точке зрения, первый компонент восходит к слову *danar* "датчане", согласно другой - к исландскому слову *dáinn* "мертвый", но тогда, как отмечает Шютер, *dansæarf* означает "мертвое наследство, поскольку нет наследников" (S, 117).

Надо также отметить, что в ряде случаев Шютер в словарной статье особо выделяет значения, свойственные слову именно как компоненту композита. Так, помимо четырех значений слова *bo* даются два его значения при употреблении в составе сложного слова: 1) *som bog*, 2) *inbyggare* (S, 76). Аналогично в статье слова *öl* помимо значения "пиво" при самостоятельном употреблении выделяется значение *gästabud* (S, 781) в составе сложного слова: *ölstæþrinn* (GB, 9).

К лексикализованной группе примыкает и небольшое число композитов-заимствований, преимущественно из исландского языка: *firnæværk* (GB, 8) < *firinverk* (af *firn* 'vidunder') (S, 164, 165); *skirkutæ* (ФВ, 5), *skyrkutæ* (РВ, 5) < *skirkota* (S, 577); *stjornfastr* (ФС, 3) < *stjornfastr* (af *stjorn* 'styr, roder') (S, 599).

Анализ композитов, обнаруженных в Вестьетском праве, показал высокую степень продуктивности словосложения в древнешведском языке. Следует, однако, отметить, что на исследуемой

стадии наблюдается лишь процесс становления словосложения как одного из важнейших способов словообразования в шведском языке. Об этом свидетельствует отсутствие во многих случаях четкой грани между сложным словом и словосочетанием, отсутствие поликомпонентных композитов, наличие лишь небольшого числа композитов со сложным первым компонентом, низкая степень лексикализации композитов. В то же время древнешведский материал уже дает возможность выделить наиболее важные структурные типы, присущие шведскому словосложению, убедительно демонстрирует широкие возможности синтаксического словосложения в шведском языке.

П р и м е ч а н и я

¹ Thorell O. Svensk ordbildningslära. Stockholm, 1981. S.14.

² Collin H., Schlyter C. Samling av Sveriges Gamla Lagar. Bd 1; Westgotalagen. Stockholm, 1827; Wevén E. Äldre Västgotalagen. Stockholm, 1954; Schlyter C. Ordbok till Samlingen af Sveriges Gamla Lagar. Lund, 1877. Bd 13; Holmbäck Å., Wevén E. Svenska landskapslagar. Bd 5. Stockholm, 1946.

³ Примеры из Вестгетского права приводятся по изданию: Collin H., Schlyter C. Samling av Sveriges Gamla Lagar. Bd 1; Westgotalagen. Stockholm, 1827. - Условные обозначения отдельных глав: AM - Af mandrapi; BB - Bardaghæ bolkaer; FS - Fornæmix sakir; GB - Giptar bolkaer; JB - Jordfaer bolkaer; KB - Kirkiu bolkaer; RB - Retlosæ bolkaer; SB - Af saeræe malum bolkaer; VS - Af vaeræ sarum; AEB - Arifaer bolkaer; ÖM - Örbotæ mal; FB - Fiurae bolkaer.

⁴ Павлов В.М. Развитие определительного сложного существительного в немецком языке // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1958. Т.190, ч.II. С.25.

⁵ Wevén E. Äldre Västgotalagen. Stockholm, 1954. S.X.

⁶ Söderbergh R. Svensk ordbildning // Skrifter utgivna av Nämnden för svensk språkvård. N 34. Stockholm, 1968. S.8.

⁷ Ibid. S.9.

⁸ Маслова-Дашанская С.С. Лексикология шведского языка. Л., 1973. С.157.

⁹ Söderbergh R. Op. cit. S.7.

¹⁰ Thorell O. Op. cit. S.6.

A.V.SAVITSKAJA. SAMMANSÄTTNINGEN I ÄLDRE VÄSTGÖTALAGEN

I artikeln analyseras från olika synpunkter cirka 300 komposita ur VGL I. Den fornsvenska texten jämförs också med dess moderna översättning gjord av E.Weasén. Trots att gränsen mellan sammansättningarna och de motsvarande ordgrupperna i VGL är ganska fördunklad får man se att komposita var rätt vanliga redan då. Men genom att det i VGL I bara finns tvåledskomposita och att inte så många av dem kan betraktas som lexikaliserade ser man att på det fornsvenska stadiet var sammansättningen ännu inte ett lika produktivt ordbildnings sätt som i den moderna svenskan.

С.Г.Халипов

АТРИБУТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СИЛЬНОЙ ФОРМЫ СУПЕРЛАТИВА В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Атрибутивное употребление сильной формы шведских суперлативов до сих пор не нашло освещения в нормативных грамматиках шведского языка. По свидетельству доцента кафедры скандинавских языков Класа Онемана (Klas Öne²man) (в личном письме от 12 сент. 1986), данное явление шведской грамматики еще не вошло в научный обиход, хотя впервые словарь SAOB зарегистрировал его еще в 1925 г.¹ Трудно установить причину отсутствия хотя бы одной научной статьи об этом морфолого-синтаксическом явлении шведской грамматики, ведь оно представляет собой факт языка, что явствует из наблюдения над газетным материалом последнего десятилетия.

Исследование ограничено хронологическими рамками синхронического среза. Оно не имеет целью анализировать явление вглубь истории языка. Употребление атрибутивного сильного суперлатива свойственно почти исключительно разговорному языку, а также языку газеты, так как важной характеристикой последнего является лапидарность. В художественной литературе атрибутивный сильный суперлатив, напротив, встречается редко.

В силу вышеприведенных обстоятельств удобнее всего исследовать атрибутивный сильный суперлатив комплексным методом, пользуясь как морфологическим, так и семантико-синтаксическим анализом.

© С.Г.Халипов, 1991

В связи с вопросом о развитии употребления атрибутивного сильного суперлатива можно, казалось бы, предположить, что это развитие могло пойти по линии дифференциации от элатива, т.е. абсолютного слабого суперлатива, обозначающего просто высокую степень качества без признака относительности. Например, *Mont-Blanc är det högsta berg* "Монблан - высочайшая гора" (но не самая высокая)². Обратите внимание на отсутствие суффиксированного артикля и наличие свободностоящего. В отличие от атрибутивного сильного суперлатива абсолютный слабый суперлатив хорошо известен нормативным грамматикам. Шведская элативная группа вообще характеризуется отсутствием артикля при слабой форме прилагательного. Ср. элатив в *i flesta fall* "в большинстве случаев" и относительность в *han fick flest röster* "он получил больше всего голосов".

Сходство в артиклевом оформлении налицо. Но поскольку по значению элатив и относительность - антиподы, атрибутивный сильный суперлатив не мог развиваться из элативного слабого суперлатива. Зато обращает на себя внимание формальное сходство атрибутивного сильного суперлатива с предикативным сильным суперлативом. Ср. *Här är floden bredast* "Река здесь шире всего".

Этот факт наталкивает на мысль о том, что при всем их различии (предикативный сильный суперлатив указывает на внутреннее сравнение, а атрибутивный - на внешнее) их все же объединяет важный признак - относительность. К тому же об их смысловом сходстве свидетельствует полная тождественность их лексического наполнения: любой предикативный сильный суперлатив может быть атрибутивным сильным суперлативом и наоборот.

Главный признак суперлатива - указание на то, что "качество, называемое прилагательным, свойственно данному предмету или предметам в ряду однородных предметов в наивысшей степени, т.е. более, чем всем остальным подобным предметам"³. Этот главный признак присущ атрибутивному сильному суперлативу в полной мере, так как именно в атрибутивном сильном суперлативе как нельзя нагляднее проявляется основное значение суперлатива - относительность максимальности признака. В самом деле, суперлатив подразумевает наличие субъекта и объекта сравнения, объединяемых общим качеством, свойственным объекту и субъекту сравнения, но в разной степени. Относительный суперлатив сме-

кается с компаративом в том смысле, что в самой суперлативности уже заложена идея сравнения. Отличие же от компаратива здесь в том, что сравнение осуществляется в среде однородных предметов и объект прямо не называется, а лишь подразумевается. Например: *Mest sprit dricker man i Stockholm* "Больше всего спиртных напитков пьют в Стокгольме". Здесь проводится сравнение с остальными шведскими городами, которые, однако, не названы, а лишь подразумеваются.

Гораздо чаще, чем рассматриваемый здесь атрибутивный сильный суперлатив, употребляется атрибутивный слабый суперлатив. Как будет показано в дальнейшем, эти две формы суперлатива не взаимозаменяемы, так как диапазон употребления атрибутивного сильного суперлатива намного уже, чем диапазон слабого. Но зато атрибутивный сильный суперлатив во всех случаях можно заменить слабой формой. Это подтвердил эксперимент, проведенный с информантами. Имми были переводчики Мартин Лундгрэн, архитектор Свен Сунемарк и учительница Лотта Эльфвинг. Они считают, что атрибутивный сильный суперлатив можно без ущерба для смысла заменять соответствующими слабыми формами: Например, коммуникативно не значимой будет замена *Vi fick flest röster* на *Vi fick de flesta röster*. И все же различие между обоими вариантами наблюдается. В один голос информанты заявили, что если пример с атрибутивным сильным суперлативом — разговорный и газетный вариант, то слабый суперлатив характерен для литературного языка. Итак, разница только стилистическая.

С семантической точки зрения в данном употреблении выступают далеко не любые прилагательные, а ограниченная, определенная группа некоторых употребительных прилагательных. Это качественные прилагательные со значением общей качественной и количественной оценки: *mången, liten, stark* и т.д. Будучи антонимическими, данные прилагательные могут образовывать атрибутивный сильный суперлатив восходящего и нисходящего ряда: *flest - minst, starkast - svagast* и т.д. Характерно, что в качестве атрибутивного сильного суперлатива чаще всего выступают односложные формы превосходной степени, образованные с помощью переноски: *stor störst, låg lägst, lång längst* и т.д., а также супплетивно: *mången flest, liten minst*.

Статистическая обработка примеров (всего свыше сотни), полученных из материала прессы, дает возможность установить следующее. Подавляющее большинство атрибутивных сильных суперлативов образовано исключительно от антонимических качественных одноосновных прилагательных, обозначающих какое-либо измерение: величину, длину, ширину и т.д.

Это прежде всего атрибутивный сильный суперлатив *störst*, составляющий вместе с антонимом *minst* 35% общего количества примеров: *Detta anbud har störst chans* "У этого предложения больше всего шансов"; *Detta parti har störst chanser* "У этой партии шансов больше всего"; *Centern har minst chans att vinna i valet* "У партии "Центр" меньше всего шансов победить на выборах".

Почти столько же примеров набралось на *flest* и его антоним *minst*, причем примечательно, что форма *färst*, не свойственная разговорному языку, вообще употребляется крайне редко и никогда — как атрибутивный сильный суперлатив. Суперлатив *flest* употребляется только с исчисляемыми существительными: *Denna sjukdom har flest biverkningar* "Больше всего побочных последствий у этой болезни"; *Vem plockar ut flest ord ur texten?* "Кто выберет больше всего слов из текста?"; *Centern har minst kvinnor i riksdagen* "Меньше всего женщины в риксдаге у партии "Центр". Далее по убывающей следует форма *mest* и ее антоним *minst*. *Mest* употребляется с неисчисляемыми или абстрактными существительными: *Mest malm bröt man i Kiruna* "Больше всего руды добывали в Кируне".

В отдельных случаях *mest* может употребляться параллельно со *störst*: *Elevernas hemförhållanden har störst betydelse* "Домашние условия учеников имеют наибольшее значение"; *Vilken faktor får mest betydelse för fetma?* "Какой фактор будет иметь наибольшее значение при ожирении?"

Вслед за *minst*, *störst*, *flest*, *mest* следует *bäst*, *starkast*, *högst* и т.д. с соответствующими антонимами: *Just denna roman gjorde starkast intryck på mig vid den tiden* "Именно этот роман произвел на меня самое сильное впечатление в то время"; *Detta är äldst namn på de svenska vikingarna i Ryssland* "Это самое древнее название шведских викингов в России".

Определяемые существительные составляют следующие разряды:

1) конкретные исчисляемые. В силу своей семантики с ними как раз и употребляется суперлатив *flest* и его антоним *minst*: *Han fick minst poäng* "Он набрал меньше всего очков";

2) обозначения вещества: *Mest olja utvann man i norr* "Больше всего нефти добывали на севере";

3) абстрактные существительные: *Vad får man störst glädje och nytta av?* "От чего получаешь больше всего радости и пользы?"; *Detta alternativ har rönt störst motstånd* "Эта альтернатива вызвала наибольшее сопротивление";

4) обозначение меры: *Denna malm har högst fosforhalt* "Эта руда имеет наивысшее содержание фосфора".

Синтаксический анализ примеров дает следующие данные. Удалось установить, что именная группа с атрибутивным сильным суперлативом располагает узким функциональным диапазоном. 70% всех примеров приходится на беспредложное дополнение, управляемое глаголами *ha* и *få*. На шведском материале не было зафиксировано ни одного предложного дополнения с атрибутивным сильным суперлативом.

Возникает вопрос, может ли шведский язык обойтись без атрибутивного сильного суперлатива. Языковая действительность дает положительный ответ. Тем не менее атрибутивный сильный суперлатив — факт современного шведского языка. И это — несомненное следствие действия принципа языковой экономии, как ее понимают советские лингвисты Б.А.Серебренников, Л.М.Скредина и Н.Д.Климов: "Отрицание роли принципа экономии в языке равносильно отрицанию всех защитных функций человеческого организма"⁴; "Экономия свойственна языковой системе"⁵; "Экономия — это стремление выбрать такой способ, который позволяет обойтись как можно меньшими энергетическими затратами...", "Принцип экономии охватывает всю языковую систему и действует постоянно"⁶. Факт налицо: будучи предельно кратким по форме, но емким по содержанию, атрибутивный сильный суперлатив полностью отвечает принципу языковой экономии.

Наличие в языке такой оптимально краткой формы, как атрибутивный сильный суперлатив, согласуется также и с общей тенденцией шведского языка к краткости во всем, включая длину слова. Так, по подсчетам шведской исследовательницы Черстин Те-

ландер, средняя длина слова даже в языке политиков - а их слова длинные - составляет всего лишь 5,39 буквы (на 1979 г.)⁷.

Атрибутивные суперлативы в сильной форме присущи всем скандинавским языкам, но наибольшее распространение получили в исландском языке. Эти формы были свойственны скандинавским языкам и в далеком прошлом. Так, М.И.Стеблин-Каменский отмечает, что основным средством обозначения относительного суперлатива в древненорвежском языке была сильная форма без артикля, а абсолютного - слабая форма суперлатива с одним свободностоящим артиклем: *Hrolftr konungr var mestr maður á Norðurlandum* "Король Хрольф был самым великим человеком в Скандинавии"⁸.

Такое положение вещей в исландском языке и ныне, причем именная группа с атрибутивным сильным суперлативом пользуется настолько неограниченной синтаксической свободой, что может выполнять почти любые функции в предложении, за исключением тех, которые имеют явно абсолютное значение, типа *á minnsta kosti* "по крайней мере". Здесь целесообразно привести примеры из периодики на современных скандинавских языках⁹. Исландский: *Flestirforeldrar vilja það* "Большинство родителей хотят этого"; фарерский: *Flestir fýroyingar hava verið í Hetlandi* "Большинство фарерцев бывали на Шетландских островах"; датский: *Á de tre lægste bvede han størst indflydelse* "Из трех учителей он оказывал наибольшее влияние"; норвежский: *Størst motstand møter den vantro* "Маловер встречает наибольшее сопротивление".

С точки зрения актуального членения в шведском языке именная группа с атрибутивным сильным суперлативом всегда входит в рему высказывания. В связи с этим атрибутивному суперлативу сопутствует определенное распределение фразового ударения, при котором логическое ударение всегда падает на атрибутивный сильный суперлатив, а также на указательное местоимение существительного, подвергаемого сравнению, например: *Just denna roman gjorde starkast intryck* "Именно этот роман произвел наиболее сильное впечатление".

Примечания

¹ Språkvärd. 1980. N 1. S.32.

² Все шведские примеры взяты из газеты "Дагенс Нюхетер".

- 3 Русский язык. 1952. № 2. С.80.
- 4 Серебrenников Б.А. Вероятностные отношения в компаративистике. М., 1974. С.35-36.
- 5 Скредлиа И.М. Противоречия как источник развития языка // Науч. докл. высшей школы. 1970. № 4. С.91.
- 6 Климов Н.Д. О действии принципа экономии в языке: Автореф. канд. дис. М., 1969. С.23, 49.
- 7 Thelander K. Politikerspråk i könsperspektiv. Stockholm, 1986. S.50.
- 8 Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык. М., 1955. С.78.
- 9 Morgunblaðið, Dimmalættng, Information, Aftenposten.

S.G.HALIPOV. ATTRIBUTIV ANVÄNDNING AV SUPERLATIVETS
STARKA FORM I SVENSKAN

Föreliggande artikel behandlar ett ämne som aldrig har publicerats i vetenskapligt skick. Den attributiva användningen av superlativets starka form av typen "Han fick flest röster" har nämligen varit föremål endast för enstaka omnämmanden. Här belyses företeelsens flera aspekter genom att bland annat jämföra den föreliggande formen med den vanligare typen "Han fick de flesta rösterna". Dessutom anføres exempel från de andra nordiska språken. Viss inblick ges även i formens historia. Slutligen konstateras att sådana uttryck utan tvivel är en tydlig tillgång i språket tack vare sitt preciserande betydelse.

И.С.Круглова

СЕМАНТИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ
С СУПЕРЛАТИВОМ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Суперлатив – третий член парадигмы грамматической категории степеней сравнения прилагательных. При рассмотрении семантики суперлатива выделяется обычно два значения: собственно суперлативное и элативное (абсолютный суперлатив). Как и компаратив, суперлатив подразумевает наличие субъекта (то, что сравнивается) и объекта сравнения (то, с чем сравнивается), объеди-

© И.С.Круглова, 1991

ненных общим качеством, свойственным субъекту и объекту сравнения в разной степени.

Превосходной степени в норвежском языке свойственна в большей степени атрибутивная функция в предложении. Соотношение атрибутивной и предикативной функции суперлатива составляет, по нашим данным, 4 к 1. Значительно более частое употребление в атрибутивной функции объясняется тем, что в силу своего значения суперлатив с определяемым существительным составляет коммуникативно единое целое. Обследованный нами материал с точки зрения обязательности/факультативности суперлатива в именных группах свидетельствует о том, что они представляют собой тесные семантические единства, где суперлатив чаще всего обязательный элемент: *Derfor burde den raskeste skiløperen, Bentsein, ha lagt avsted til hotellet (FA, 202) "Поэтому следовало бы отправиться к отелю самому быстрому лыжнику, Бентейну!"* Если в подобных случаях опустить суперлатив, то высказывания станут неинформативными. Склонность к факультативности в некоторых случаях объясняется наличием в высказывании других определителей.

Все примеры, содержащие прилагательные в форме суперлатива, были расклассифицированы по характеру субъекта и объекта сравнения: 1) субъект и объект сравнения разные; 2) субъект и объект сравнения совпадают, т.е. предмет сравнивается с самим собой. Данная классификация проводится с целью выявления контекстуально обусловленных вариантов значения формы суперлатива, а также формального контекста для реализации вариантных значений.

Значения суперлатива при несовпадении субъекта и объекта сравнения. В зависимости от характера множества сравниваемых предметов при несовпадении субъекта и объекта сравнения суперлатив реализует разные дополнительные значения. Важным свойством суперлатива в норвежском языке следует признать возможность сочетаться с предлогом *av* и входить в состав выделительных конструкций. Способность образовывать посредством предлога *iz* конструкцию с выделительным значением признается важным свойством и особенностью суперлатива и в русском языке. По мнению акад. В.В.Виноградова, предлог *из* служит наряду с суффиксами суперлатива формальным признаком превосходной степени в собственном смысле⁴.

Среди конструкций, содержащих суперлатив в сочетании с предлогом *av*, можно выделить два основных типа: конструкции с данным предлогом в постпозиции по отношению к суперлативу и конструкции с предлогом в препозиции по отношению к суперлативу. Эти конструкции различаются не только формально, но и по значению.

Конструкции первого типа употребляются при сравнении двух однородных предметов по степени проявления признака: *...du er blitt sterkest av oss to* (JB, 8) "...ты стал сильнее из нас двоих". В подобных случаях выделительная конструкция обязательно выполняет предикативную функцию². Ее значение — относительное превосходство признака. Синтаксическое построение суперлатив + *av* + существительное употребляется также и при сравнении одного или совокупности предметов со множеством подобных: *Nans far skrev at håpet kan være den mest nagende av alle smerter* (TN, 112) "Его отец писал, что надежда может быть самым мучительным из всех страданий". Существительное во мн. числе (объект сравнения) в подобных случаях квалифицирует определяемое суперлативом существительное или обобщенно указывает на класс явлений, событий, лиц, из которого выделяется субъект сравнения, обладающий наивысшим качеством. При сравнении одного или совокупности предметов с множеством подобных субъект и объект сравнения в ряде случаев характеризуются тем, что только субъект сравнения наделен качеством, названным суперлативом, в наивысшей степени, например: *Sammen med de største av sine faste leieboere utgjorde de den klassen som loven kalte "husfaste menn"* (AN, 296) "Вместе с самыми крупными из своих постоянных арендаторов они составляли класс, который закон называл "людьми с постоянным местом жительства". В подобных примерах суперлатив обозначает качественное превосходство над той категорией, из которой выделяется предмет или лицо по степени проявления признака. Синтаксическая особенность конструкций такого типа заключается в том, что субъект и объект сравнения названы одним существительным, расположенным в конце конструкции. Таким образом, конструкция с предлогом *av* в постпозиции при сравнении одного или совокупности предметов со множеством подобных имеет выделительное значение относительной максимальной признака. При сравнении же двух предметов значение суперлатива мож-

но характеризовать без оценки максимальности, а как относительное превосходство признака, что сближает его со значением компаратива.

Конструкции с предлогом *av* в препозиции по отношению к суперлативу (второй тип) употребляются при сравнении одного или совокупности предметов со множеством подобных. Основное семантическое отличие данного типа конструкций заключается в том, что и субъект, и объект сравнения в них обладают качеством, названным суперлативом, в одинаковой наивысшей степени: *Og denne dikteren er samtidig en av de mest stridbare individualister i sin generasjon av norske forfatter* (OS, 10) "И этот поэт одновременно один из самых воинственных индивидуалистов своего поколения норвежских писателей". В данном примере субъект сравнения входит в число лиц, обладающих наивысшим проявлением качества. Объект сравнения представлен совокупностью, которая характеризуется тем же качеством в той же степени проявления. Выделительное значение в конструкциях такого типа отсутствует. Здесь, скорее, можно проследить значение включения в совокупность сравниваемых предметов. Наиболее четко значение включения реализуется в конструкциях типа *av*+существительное (мн. числа) без *en* "один". *Selv før sin sykdom var min pasient av de magreste blant maskinister* (BG, 68) "Даже до болезни мой пациент был в числе самых худых среди механиков". Субъект сравнения в примере *pasient* включается в число *de magreste* "самых худых". Таким образом, конструкции с предлогом *av* в препозиции по отношению к суперлативу имеют относительное значение включения в совокупность предметов, обладающих данным признаком в наивысшей степени (*av de vakreste i byen, av de klokeste blant jevnaldrende*).

В большинстве высказываний, содержащих суперлатив, в которых субъект и объект сравнения разные, а объект сравнения представляет собой множество или совокупность однородных предметов, уточняется широта охвата сравниваемых предметов. Наличие уточнителей, выраженных тем или иным построением, лексическое наполнение данных построений, их семантика оказывают влияние на объективность/субъективность оценки, на соотношение денотативного и коннотативного значений в суперлативе. Часть высказывания, способствующую уточнению широты охвата множества

сравниваемых предметов, назовем уточнителями. Были выделены следующие типы уточнителей: 1) предложные сочетания; 2) существительное в род.падеже; 3) придаточные предложения; 4) прилагательные местоимения.

Предложные сочетания при суперлативе содержат чаще всего существительные со значением пространственной и временной характеристики, а также существительные, обозначающие обобщающее понятие по отношению к определяемому (субъекту сравнения). Предложные сочетания, уточняя широту охвата множества сравниваемых предметов, влияют на характер сравнения с точки зрения объективности/субъективности оценки: чем шире круг сравниваемых предметов, т.е. чем неопределеннее объект сравнения, тем субъективнее оценка качества, выраженного суперлативом. Так, например, из двух словосочетаний с пространственными уточнителями *den største begivenhet i vår by* "самое большое событие в нашем городе" и *den største begivenhet i verden* "самое большое событие в мире" более объективной оценкой будет значение суперлатива в первом словосочетании.

Существительные в род.падеже, употребленные в качестве уточнителей при суперлативе, могут быть в большинстве случаев без ущерба для смысла заменены предложными сочетаниями, например: *Sør-Afrikas vakreste pyramide* "самая красивая пирамида Южной Африки" можно заменить на *den vakreste pyramide i Sør-Afrika*. Конструкции, в которых прилагательное в суперлативе управляет существительным в род.падеже, существовали и в древнеисландском: *Hon var kvenna vænst* "она была очень красивая женщина" (букв. "женщин")³. В норвежском языке выражение принадлежности или отношения синтетическим способом, т.е. при помощи падежного окончания, не типично⁴. В грамматиках норвежского языка отмечается возможность употребления род.падежа при прилагательном, причастии или наречии и не указывается на ограниченность такого употребления, однако в наших примерах с уточнителями при суперлативе существительное в род.падеже встречается в два раза реже, чем уточнители, выраженные предложным сочетанием. Семантика уточнителей, выраженных существительными в род.падеже, влияет на характер сравнения с точки зрения объективности/субъективности оценки аналогично уточнителям, выраженным предложными сочетаниями. Отличительной же чертой су-

существительных в род. падеже при суперлативе является их способность превращаться из уточнителя в интенсификатор: *Of dermed var teppet falt for tidenes største tragedie* (FA, 100) "И на этом был опущен занавес над самой большой трагедией всех времен". Существительное в род. падеже *tidenes* в данном примере способствует выражению суперлативом значения гиперболизации признака, а не уточнению или ограничению совокупности сравниваемых предметов.

Придаточные определительные при суперлативе, так же как предложные сочетания и существительные в род. падеже, с одной стороны, способствуют реализации значения сравнения или относительности признака, с другой — в зависимости от лексического наполнения обуславливают большую или меньшую степень объективности/субъективности оценки. При суперлативе могут использоваться придаточные ограничительные и придаточные выделительные. *Hun var den nydeligste vi vivste, min bror og jeg* (JB, 104) "Она была самой прелестной из тех, что мы знали, мой брат и я". В данном примере придаточное с ограничительным значением усиливает интенсивность проявления признака. Лексическая наполняемость придаточных с ограничительным значением не отличается большим разнообразием. Сказуемые в таких предложениях — как правило, глаголы восприятия и глаголы бытия. Второй тип придаточных, определяющих суперлатив, — придаточные выделительные выполняют функцию аналогично предлогу "из" в выделительных конструкциях, например: *Gjengivelsen av Olines bibelsprengte ondskapsheter er kanskje det beste Hamsun har gjort når det gjelder å karakterisere en person gjennom personens egne replikker* (NK, 84) "Воспроизведение начитанных библейскими цитатами злых высказываний Улины, может быть, самое лучшее из того, что создал Гамсун, что касается характеристики действующего лица посредством реплик самого героя". Придаточное выделительное в данном случае способствует реализации значения объективного сравнения. Объект сравнения здесь конкретен — все творчество Гамсуна. Однако, как и придаточные ограничительные, они могут способствовать реализации значения гиперболического проявления признака, правда значительно реже.

Близки по значению к суперлативу с придаточным определительным суперлативы в именной группе с притяжательным место-

именным: Først svømte Georges fire ganger under hele båten på tvers med våre tykkeste rep (Ra, 248) "Сначала Жорж плавал четыре раза под лодку с нашими самыми толстыми веревками". Именная группа "наши самые толстые веревки" имеет значение "самые толстые веревки из тех, что мы имеем", т.е. сочетание суперлатива с притяжательным местоимением имеет, на первый взгляд, то же значение, что и суперлатив, поясняемый придаточным определительным. В современной лингвистике существует мнение, что между сочетаниями такого типа есть различие не только в синтаксической структуре, но и в способе передачи семантического содержания⁵. Различие заключается в степени уверенности в принадлежности объекта лицу и объясняется тем, что в глагольной структуре существительное, обозначающее принадлежащий объект, имеет сигнификативное значение, а в именной — денотативное. "Именная структура создается для передачи значения принадлежности, представляемого как нечто неизменное и не вызывающее сомнений, тогда как глагольная структура оставляет вопрос о степени достоверности отношения принадлежности открытым"⁶. Наш материал показал, что для передачи значения принадлежности объекта, выраженного именной группой с суперлативом, обычно употребляется притяжательное местоимение, а не придаточное ограничительное со значением "владеть", "иметь". Кроме того, трансформация именной группы, включающей в себя суперлатив с притяжательным местоимением, в структуру с придаточным предложением возможна не всегда. Невозможность свободной замены свидетельствует о том, что притяжательные местоимения и придаточные определительные служат для передачи разного семантического содержания.

Таким образом, анализ контекстуальных условий, типичных для употребления суперлатива, показал, что нет четкой границы между выражением объективной и субъективной оценки проявления признака. Все синтаксические структуры и все выделенные нами типы уточнителей могут способствовать как конкретизации, так и де-конкретизации объекта сравнения. Отмеченное нами тяготение уточнителей, выраженных существительными в род. падеже и придаточными с ограничительным значением, к обозначению субъективной оценки незначительно. Выражение объективной / субъективной

оценки зависит от лексического наполнения синтаксических конструкций и семантики уточнителей.

Значения суперлатива при совпадении субъекта и объекта сравнения. При данном условии, когда суперлатив служит для выражения сравнения интенсивности проявления качества у одного предмета, основным его значением, как и при разных субъекте и объекте, является относительная максимальность проявления качества. Контекстуально обусловленным значением данного типа сравнения можно назвать значение количественности или меры, например: *Størst effekt fikk boka som indirekte kommentar til påstanden om at Hamvun hadde svekkede sjelsevner* (K,93) "Больше всего эффектна была книга как косвенный комментарий к утверждению, что у Гамсуна были ослаблены умственные способности". В приведенном примере суперлатив имеет значение количественного показателя качественной семы, заключенной в значении существительного, которое он определяет. Кроме *størst* со значением количественности встречаются и другие суперлативы, например, *sterkest* "самый сильный": *Man sier at bruken av "dobbel betemmelse" har sterkest utbredelse i lavprosaen* (LL, 197) "Он говорит, что "двойная определенность" сильнее всего распространена в прозе низкого стиля". Контекстуальным условием реализации значения количественности или меры в данном примере является сочетание глагола *ha* "иметь" с отглагольным существительным. Все сочетание обозначает действие, суперлатив же функционирует в качестве количественного показателя действия. Другим контекстуально обусловленным значением суперлатива при сравнении предмета с самим собой по степени интенсивности проявления признака является констатация наивысшей точки проявления данного признака, повторяющегося периодически при определенном условии или в определенный период времени: *Beate er vakrest når ansiktet hennes speiler gåtene* (KS, 7) "Беата красивее всего тогда, когда ее лицо выражает загадочность". Для выражения подобного значения, но при однократном действии, довольно часто употребляется предложное сочетание с суперлативом в предикативной функции, например: *Man prøvde seg inn i karriolen der den er på det frodigste* (JB,41) "Он пробирался сквозь жимолость в том месте, где она самая густая". Особенность предложных сочетаний типа *på det frodigste* заключается

в том, что они не согласуются с определяемым существительным. Такое явление известно в немецком языке. Сочетание с предлогом auf X.Брипман называет модальным суперлативом⁷.

Таким образом, при условии совпадения субъекта и объекта сравнения наряду с основным значением суперлатив реализует контекстуально обусловленные значения, а именно количественность или меру и констатацию наивысшей точки проявления признака относительно нормы.

С о к р а щ е н и я

- FA - A l n æ s F. Koloss. Oslo, 1969.
AH - H o l m s e n A. Norges historie. Oslo; Bergen, 1961.
BG - B u l l G u n d e r s e n E. En dagdrivers optegnelser. Oslo, 1966.
JB - B o r g e n J. Noveller i utvalg 1936-1961. Oslo, 1963.
KS - S t i g e n K. Kains merke. Oslo, 1971.
LL - L e i t r e A., L u n d e b y A., T o r v i k J. Språket vårt før og nå. Oslo, 1975.
NK - K n u t s e n N. Hamsun: (liv og forfatterskap). Oslo, 1975.
OS - S o l u m s m o e n O. Kristofer Uppdal - domkirkebyggen. Oslo, 1978.
Ra - H e u e r d a h l Th. Ra. Oslo, 1970.
TN - N e d r e a a s T. Ved neste måne. Oslo, 1973.

П р и м е ч а н и я

¹ Винogradов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М. Т., 1947. С.225.

² Western A. Norsk riksmålsgrammatikk for studerende og lærere. Oslo, 1975. S.469.

³ Стеблин-Каменский М.И. Древнеславянский язык. М., 1957. С.77.

⁴ Vinje F.E. Moderne norsk: Råd og regler for praktisk språkbruk. Oslo; Bergen; Tromsø, 1976. S.242.

⁵ Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. С.150.

⁶ Там же. С.151.

N.S.KRUGLOVA. SEMANTIKKEN AV SYNTAKTISKE KONSTRUKSJONER
MED SUPERLATIV I NORSK

I artikkelen beskrives forskjellige typer av syntaktiske strukturer med superlativ. Det undersøkte materialet klassifiseres etter semantisk karakter av subjekt og objekt av sammenlikningen i nevnte konstruksjoner: 1) subjekt og objekt er forskjellige, 2) subjekt og objekt overensstemmer, dvs. subjektet sammenliknes med seg selv. Forfatteren analyserer hoved- og tillegsbetydninger i disse to grupper av konstruksjoner.

M.Л.Алёкина

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ ПРИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОМ
(На материале норвежского языка)

Употребление неопределенного артикля (НА) при имени собственном (ИС) — явление, казалось бы, противоречащее признаку, лежащему в основе всякого ИС: наименование единичного объекта. Естественно, что наблюдается оно достаточно редко² и в норвежской грамматической литературе еще не рассматривалось. Грамматическое значение НА при столь специфическом его употреблении не ограничивается выражением "неопределенности"³ и единичности. Для определения этого значения часто оказывается нужным контекст более широкий, нежели предложение.

Выделяются восемь функций, выполняемых НА перед ИС. Шесть из них связаны с использованием НА при ИС в его прямом значении, две функции проявляются в связи с употреблением НА перед ИС в переносном значении.

1. НА используется для обозначения временного и нехарактерного состояния: Det var en sjokkerende opplysning som knapt har sett sin like siden et lamslått Norge for endel år siden fikk vite at det var ... (Aftp., 1989. 28.10. S.2). Цитируемая статья посвящена потрясенной стране истории обнаружения подлинного авторства политической статьи, опубликованной в одной

из норвежских газет под неизвестным псевдонимом. Hun nikket og åpnet døren inn til det indre kontoret, og en smilende Beauchamp reiste seg for å ta imot henne (IVT, 86). Речь идет о неприветливом по характеру человеке, улыбка на лице которого вызвана исключительно подобострастием перед патронессой. Еще несколько примеров: Det er også en Gro Harlem Brundtland som er beveget til tårer ved gjensynet med Øst-Berlin (Dagb. 1990. 8.02. S.17); ...Utsikten over en islagt Porsangerfjord minner om at dette er nordligste utkant-Norge (A-Mag. 1989. N 19. S.26).

2. НА используется при обозначении еще несуществующего явления или предмета, а также несуществующего состояния реального объекта или периода перехода к этому состоянию⁴. Как правило, предложение содержит в себе оценку этого "несуществующего". Наиболее определенно положительная оценка представлена в предложениях, формулирующих мечту о будущем, веру в него и содержащих лексические единицы типа en drøm, å drømme: Den typiske Sinn Fein-velger er arbeidsløs uten perspektiver om å finne arbeid i overskuelig fremtid, og drømmer om et forent Irland (Aftp. 1989. 4.01. S.5); Kanskje har Tyszkiewicz's drøm om et åpnere Europa rot i hans eget... liv? (Arbg.1986.N12.S.21).

Лексическая единица, изначально задающая отношение к несуществующему, не является обязательной, однако будущее состояние или явление чаще представляется как нечто желательное: Et... friere Europa som inkluderer dagens Øst-Europa og Sovjet, kan bli en inspirasjonskilde til politisk og kulturell tenkning... (Aftp. 1989. 11.10. S.7); Vi skulle en gang bli gamle og mette av dage... Og bak oss skulle en stor og lyshåret Anne-Marie gå mot livet med åpne hender (Ef., 104).

При рассуждениях о происходящем процессе перехода к новому и становлении нового состояния также преобладает позитивная оценка происходящего: Det er derfor all mulig grunn til å se utstillingen som et tegn på et i stadig større grad selvreflekterende og selvkritiserende Sovjet-Unionen (Aftp. 1989. 4.01. S. 6).

Предложения, трактующие будущее исключительно как негативное, не встречены, хотя, вероятно, их нельзя считать грамматически недопустимыми.

3. НА используется для обозначения характерного постоянного свойства.

Достаточно общим местом в скандинавистике является положение о том, что использование при ИС прилагательного в слабой форме служит обозначением типичного свойства и выполняет функцию постоянного эпитета. Подобное обозначение постоянного свойства имеет двойное оформление: с участием определенного свободностоящего артикля перед прилагательным в постпозиции по отношению к ИС (*Peter den Store*) и без участия артикля с прилагательным в препозиции к ИС (*Lille Marius, Gamle Norge*). Особенностью второго типа является возможность слитного написания подобного сочетания и произнесение его с единым ударением. Ср.: *Tjukke Berta, gamle Per u Tjukkeberta, Gamleper, Svarterper*.

В послевоенные годы на основе той же модели возник сходный тип определения характерного признака, для которого не свойственно подобное акцентуальное и орфографическое слияние прилагательного с ИС: *Stådig, tunge Torkild (Ef., 145), rike St. Petersburg (A-Mag. 1989. N 51. S.22)*. Присущие этому типу черты подробно рассмотрены Ф.-Э.Винье, который отмечает, что данный тип характерен для стиля легкого газетного материала и газетных заголовков, вносит особый оттенок доверительности, тональности дружественной беседы в кругу посвященных. Подчеркиваемое прилагательным свойство является более случайным и в меньшей степени присущим главному слову, чем в варианте постоянного эпитета⁶.

Выделяется и третий способ обозначения постоянного свойства, которым является сочетание НА с ИС и определяющим словом или предложением. Столь странное с грамматической точки зрения явление семантически неоднородно. Однако большинству его значений присуще явление эллипса. По связи с обозначением существа или того, что не является существом, значения разделяются на две группы. В пределах первой группы обозначаются черты характера существа или состояния, в котором оно находится.

1) НА в сочетании с определяющим словом (прилагательным или причастием) перед антропонимом служит обозначением доминирующей черты характера и представляет собой предельно сжатую, но, с позиции автора, достаточную характеристику данного лица. В отличие от традиционного постоянного эпитета этот способ базируется на определении не через внешние данные, возраст или физическую особенность (Halte Hulda, Lille Eyolf), а через психологическую черту, присущую индивиду. Уточнение av naturen при эллипсе опускается: Og å snakke med en ivrig Kearns om neste operasjon... (IVT, 33); Og mellom trærne til venstre...den lille sjærmerende paviljongen som Inigo Jonaes hadde bygget etter oppdrag av en romantisk Lady Wyndham engang (A-Mag. 1989. N 38. S.81).

НА с определяющим словом перед обозначением существа выделяет состояние, которое проявляется вопреки обстоятельствам или логике развития событий. Идея противостояния ситуации может быть непосредственно введена в текст или явствовать из широкого контекста предшествующего повествования: Han har fortjent en kongerokal. "Jeg får heller løye meg med den ene jeg har", avslutter en tross alt optimistisk Pål Gunnar Mikkelsplaa (Aftp. 1989. 19.01. S.36). Речь идет о спортсмене, вынужденном по причине болезни отказаться от участия в важных для его спортивной карьеры соревнованиях. Hva betyr et dådt skinn i forhold til en levende Tula? (LpS, 81). Тула - любимая женщина героя романа, спасенная врачом из положения, казавшегося безнадежным. Знаком благодарности за чудесное исцеление стала ценная шкура леопарда.

Обозначение состояния не имеет столь регулярной связи с эллипсом, как обозначение характерной черты.

2) НА перед ИС, за исключением имени существа, подчеркивает черту, концептуально важную для контекста данного повествования или особо существенную для объяснения позиции автора. Между НА и ИС определяющее слово может отсутствовать. В таком случае выделение значимого фактора происходит с помощью определительного придаточного предложения: Østerrike avgjør i år om landet vil søke EF-medlemskap, men blant "de 12" i EF hersker tvisynet: Et Østerrike med sin spesielle nøytralitet må ikke indirekte gi Støtjet-Unionen selv den minste medbestemmelses-

rett i EF's indre saker (Aftp.1989.25.01. S. 20). Karakterной чертой второй группы является эллипс. В приведенном предложении это land som.

Общим для обеих описанных выше групп является использование НА в сочетании с прилагательным типа ny, а также для констатации появления новой черты в характере или облике, понимаемых в самом широком смысле - от психологической до политической характеристики объекта внимания. Эта новая черта, ранее не предполагавшаяся и не являющаяся обязательным следствием естественного развития или хода событий, еще не имеет своего названия и не формулируется конкретно ни самим объектом (если это антропоним), ни лицами, наблюдающими данный объект: Det er et annet Øst-Berlin Gro møter denne varme og solrike februardagen (Dagb. 1990.08.02. S.17); Det er nesten som vi kan snakke om en ny Ingrid Kristiansen i år. Tilværelsen etter at hun... flyttet til Oslo i fjor er blitt ganske anderledes (Dagb.1985. 11.03. s.16). Если ИС имеет два определения, их может соединять союз og, но в случае запятой при втором определении повторяется НА - очевидно, как средство усиления значения: Han husker Sivert ord for to dage siden at han er blitt en anden, en ny Sivert, som ikke har rett til brevene hjemmefra (SGV, 154); Han... ser seg i speilet igjen. Der inne står en fremmed. En ny og ukjent Alberte (LoJ, 249). Ср. определение с определенным артиклем: Den gamle Alberte går der, som om ingenting var hendt... (LoJ, 32).

4. НА используется при обозначении лица или явления, информация о существовании которого оказывается новой и неожиданной. В этом случае НА несет смысловую нагрузку местоимений en viss и noen: Mannen var ungkar og hadde ingen utenomslekteskapelige barn - hele formuen hans var testamentert til en brorsson, en Torger Palna! (A-Mag. 1988. N 39. S.62); Det viste seg at det ikke var Oxford University i England det var snakk om men et Oxford i USA, forteller Hasselskog (Aftp.1989.30.11. S.40).

Эллипс viss является, вероятно, сравнительно недавней, но достаточно выраженной тенденцией в языке. Сочетание en viss было встречено дважды в текстах, относящихся к 20-40-м годам: ...Den utenlandske forfatter - en viss hr. Ibsen - skulle ha noget som helst moralsk krav, enn si et juridisk krav på andel
61

i utbyttet av sine egne verker hos engelske undersåtter (Tr, 177).

5. NA обозначает название сценической постановки или экранизации произведения, отличая его от названия самого произведения: пьесы, сценария и т.п.: På et institusjonsteater kan en mislykket farsøe redde av en vellykket "Hamlet"... Det er nemlig et institusjonsteaters oppgave å spille "Hamlet" så godt at de røde lyktene kan lyse ertende mot underholdningsteatret over gaten (Aft. 1989. 11.10. S.44). Название пьесы Шекспира "Гамлет" может быть отнесено к разряду ИС в узком смысле слова, вторичных⁷, так как первичным по отношению к нему является имя героя. Наименование сценического воплощения пьесы представляет собой, казалось бы, бесспорное ИС. Однако признак единственности объекта нарушается. К такому ИС применима категория мн. числа, возможны сравнения типа "более" и "менее" удачный. Текст и название пьесы неизменны, но вряд ли справедливо считать исходное, порождающее ИС полностью адекватным многочисленным позже возникшим "Гамлетам", обозначающим все новые постановки пьесы. Название постановки в какой-то мере приближается к номеру⁸: "В репертуаре театра - "Ревизор", "Гамлет", "Нора" и т.д.". В таком случае появляется элемент соотносительности объекта с классом однородных объектов, т.е. оказывается не выдержанным основной критерий отделения ИС от нарицательного⁹, о чем, вероятно, и свидетельствует наличие НА. Кроме того, характерным признаком рассматриваемого значения НА является эллипс film или oppsetting: Men så kom altså sjansen til å lage en "East Side Story"... (Aft. 1989. 24.10. S.48). Отсутствие НА при обозначении художественного произведения, на основе которого осуществлена постановка, является регулярным: Jan Kaser - iscenesetter av "Raskolnikov" på Nationalteatret (MN, 132).

6. NA используется при обозначении одного из представителей семейства, носящего данную фамилию. For han er egentlig av god familie, hans mor var en Jægger (LoJ, 137). При наличии придаточного определительного предложения, вводимого относительным местоимением som, НА сближается в значении с указательным местоимением den: En Zapffe som var boktrykker... var far til den første possementmaker Zapffe (BoB. Bd 31. S.173).

NA в рассматриваемой функции далек по значению от числительного én, сочетающегося с антропонимом при явлении эллипса или процессе вторичной номинации: Det fins bare én Bonde i New York-katalogen (VG, 1974. 11.07. S.12); Jeg vil heller ha én Gunde Swan enn ti Geir Hol'ter (Aftp. 1989. 24.01. S.54).

Однако именно данная функция является переходной от употребления NA при ИС в его прямом значении к сочетанию NA с ИС в переносном значении.

В определенном контексте имя семейства является именем-характеристикой, индосказательным обозначением того или иного свойства. Так, в приводимых ниже примерах по значимости информации равны два сугубо различные значения: первое - обозначение представителя семейства, второе - наименование доминирующего свойства в характере семейства. В одном случае это строгий, близкий к аскетизму образ жизни и трудолюбие, в другом - страстность и пылкость натуры: Visst var vi også forekjellige. Han en ekte Ibsen, jeg en ekte Bjørnson. Større motsetninger kan vel ikke tenkes! (Tre, 127).

Нельзя исключить возможность использования сочетания NA с обозначением семейства в нейтральном контексте, не предназначенном для того, чтобы вызывать определенные ассоциации, связанные с данным именем. Однако сочетание NA с именем, не отягощенным историческими или культурными коннотациями и не охарактеризованным через контекст, не встречено.

Возможно, сочетание NA с именем семьи способно служить индосказательным обозначением не только положительных, но и отрицательных качеств и связанных с ними аллюзий, но подобные случаи также не были найдены.

7. NA сопровождает ИС в случае метафорического переноса названия. В этот процесс утраты ИС своего прямого значения и перехода в нарицательное вовлечено значительное количество антропонимов, в том числе и фиктонимов, что делает возможным выделение узуальных и окказиональных метафор. Ср.: Som en Greta Garbo har hun (Lisbet Palme) skydd offentlighetens, og spesielt massemediene, lys (Aftp. 1989. 28.10. S.7); ... De færreste har en Magne Raundalen å støtte seg til (A-Mag. 1988.N 41.S.6).

Переход в категорию имени нарицательного сопровождается появлением новых морфологических свойств, не присущих имени

ранее, в частности, категории мн. числа: Noget av en Don Quijote... mas enhver den vægte, som vil vinde Menneskene (NRG, 494); Verden vilde gaa tilgrunde av egoisme uten Don Quijoterne (NRG, 417).

НА, участвующий в процессе метафорического переноса наименования, может соответствовать значению местоимения noen и чередоваться с ним в предложении. При этом для НА в отличие от местоимения не характерно сочетание с отрицанием ikke: Og når de syv årene var omme, så var piken din med Cude hjelp ikke lenger noen søt Rakel, men en sur og blengete Lea (MvM, 180). Cp.: Han er en Don Juan (NRG, 504); Noen Adonis er han ikke. (Aof. 283).

В ряде случаев НА соответствует значению местоимений slik и sådan, sånn: Sannelig, Upper Nettlefold er en idyllisk liten oase - en High Street med statelige gamle hus... (A-Mag. 1988. N 38. S.80). Это значение НА проявляется при сочетании ИС с определяющими его словами типа mini: Prøv denne kinesiske desserten etter et deilig kinesisk grillspyd hos ASIAN MIXED GRILL - et mini-Kina med duftende blomster, kimonokledd servitør og kinesiske toner (A-Mag. 1989. N 39. S.1). Бводя ИС с определением mini, НА может также соответствовать значению сочетания noe i retning av: I Nordenfjeldske distrikt gjelder det fremtiden for rundt regnet 1500 medlemsbedrifter med ca. 47000 ansatte, et mini-Norge med allsidig bedrifteliv (Arbg.1987.N 2. S. 5).

НА участвует в создании самых разных типов метафорического переноса. Однако, поскольку создание типологической классификации метафоры ИС не входит в задачи данной статьи, ограничимся рядом примеров. Перенос, основанный на сходстве внешних атрибутов существования: Han hadde alt i ånden sett seg som en ny Sinatra (LpS, 42). Перенос, имеющий в своей основе сходство внутреннего мироощущения: ...Han blir et barn, en voksen Jack med Pønneatengelen (Aftp. 1989. 18.01. S.56); Jeg forekommer mig selv som en ren Methusalem, idet jeg skriver disse tal (Tre, 28). Перенос, основанный на идее сходства моральных качеств: ...Denne hovedstaden var et Sodoma og Gomorra... (MvM. 148); Det vi frykter, er at etter Stroessner kommer en annen stroessner med et annet nan (A-Mag. 1989. N 11.

S. 16). Перенос по функциональному сходству: ...Slik at man for eksempel kan tale om gasakamrene i Auschwitz som et "masse-Golgota" (A-Mag. 1989. N 11. S.78).

НА, непосредственно не участвующий в процессе вторичной номинации, как это происходит при создании прозвищ, образованных на основе общих признаков, например, Newton и Einstein (прозвища физиков в пьесе Дюрренматта "Физики"), может вносить дополнительную оценочную характеристику. Так, на основе сходства внешних данных фамилия актрисы Монро становится прозвищем женщины, обладающей эффектной внешностью. Использование при этом прозвище НА говорит об ироническом отношении и вносит уничижительное значение. Ср.: "Monroe" var en ny operasjonsbæter hvis borgerlige navn var Else Petersen (IpS, 8); Men så var det kommet en høybrystet "Monroe" i veien og hadde veltet alle drømmeene hennes som korthus (IpS, 59).

8. НА используется при метонимическом переносе значения ИС. Чаще всего представлен перенос имени создателя на произведение: Tenk å kunne gå på de største kunst-auksjoner i London og New York og peke ut de beste bildene av gamle og nye mestre og si: "Jeg vil ha det og det og det!" En Dürer, en Rembrandt, en van Gogh, en Monet... Eller kanskje en Renoir? (A-Mag. 1988. N 41. S.18). Подобный перенос характерен в особенности для сферы живописи и значительно более редок в литературной сфере: ...Og nå får også TV-sæerne møte "en Shakespeare" ("En sommer-nattsdrøm") for vår tid i en morsom, romantisk og musikalsk forestilling" (A-Mag. 1989. N 50. S.47). НА при имени автора как обозначение музыкального произведения в пределах исследованного материала не встречен. Типично следующее употребление: Først midtbordet med plysjteppene på og de lave stabelene av praktverker som ligger der. Buch der Lieder på Kongedatterens Brudfeerd, Den Engelske Lods på Dore's billedbibel, Snorre på Tusen og en natt, Asbjørnsen på Holberg (AoS, 15); Du store gud, du fortjener å bli sperret inne på et rom og få Wagner i høytaler hele døgn i flere år (Er., 153).

Употребление НА парад именем музыканта говорит об ином виде метонимического переноса: "исполнитель" - "произведение" или "исполнение": Da jeg sendte demo-taper rundt til plateselskapene, fikk jeg en haug standard svar om at jeg ikke passet

helt inn i utgivelsesprogrammet deres. Andre slo til - under forutsetning av at jeg forandret meg til noe de kunne selge som en Bryan Adams for eksempel, forteller Dag (A-Mag. 1988. N 17. S.24). В случае же употребления НА перед именем писателя чаще имеет место не метонимический, а метафорический перенос: Det gjelder meget de gamle mestere - en Tolstoj, en Ibsen - som samtidens ledende litterare navn (Arbb.1984. 10.03. S. 16). НА здесь равнозначен сочетанию noen som. Повторное употребление НА при втором элементе перечисления вносит усиление значения, как это отмечалось выше: en annen, en ny Sivert. Рассматриваемое вне контекста, данное предложение дает возможность трактовать значение НА как "будь то... или...". Однако следующее предложение, начинающееся с конструкции det være seg, в свою очередь, содержит сочетание НА с ИС, что означало бы тавтологию при подобном значении НА: Det være seg en Mailer - eller Faldbakken. Отсутствие артикля у последнего элемента перечисления можно принять за регулярное при наличии союза eller (ср. предложение ниже).

НА используется при образовании многочисленных цепочек переноса значения, осуществленных по схеме: "имя владельца или название местности" - "название предприятия" - "обозначение единицы выпускаемой продукции". В первом звене представлен метонимический перенос, во втором на базе метонимического переноса осуществлено создание номена, стоящего в ряду класса объектов. НА участвует в последнем звене цепочки: Skal solisten lede det hele fra sin pianokrakk, eller foretrekkes den gamle konstellasjonen der pianisten trakterer et Steinway¹⁰ eller Bøendorfer (A-Mag. 1989. N 9. S.58).

Не пытаясь классифицировать типы метонимии ИС, отметим лишь некоторые из них с участием НА. Использование имени действующего лица или названия роли для обозначения исполнителя или исполнения: Jeg har aldri sett en bedre Raskolnikov (VG, 1974. 16.03. S. 34). Особый вид метонимии: "пьеса" - "постановка", "исполнение", - вероятно, присутствует в сочетании en vellykket "Hamlet" (см. выше). Метонимический перенос "топоним" - "событие" и метафорическое употребление наименования создают звенья цепочки, представленной в сочетании et nytt Tsjernobyi: Og reduseres naturen til fysikk og kjemi, blir resultatet et nytt Tsjernobyi eller et økologisk sammenbrudd" (Aftp. 1989. 04.01. S.9).

Итак, НА перед ИС выполняет целый ряд функций в диапазоне от превращения ИС в номен или в нарицательное обозначение свойства или качества до выделения в значении, близком к постоянному эпитету, черты или состояния, характеризующего объект, обозначенный ИС. Для использования НА при ИС не характерно сочетание с отрицанием *ikke*, типичен эллипс термина.

П р и м е ч а н и я

1 "... Всякое собственное имя нейтрально в отношении "определенности" и "неопределенности" и либо вообще не имеет артикля, либо имеет определенный артикль, который, однако, не выражает "определенности" данного имени, а является только показателем рода, числа или существительного как части речи" (С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957. С.62).

2 Например, на 1564 страницах и меров популярного журнала *A-Magasinet* за 1988-1989 гг. нам встретилось всего 25 случаев употребления НА при ИС, хотя этот журнал характеризуется обилием авторов и корреспондентов, разнообразием тем и широкой репрезентативностью такой лексической категории, как ИС.

3 О выражении "определенности" и "неопределенности" существительного см.: С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. Указ. соч. С.57-67.

4 Ср. заголовки в журнале "*På vei mot et nytt Europa*" (*A-Mag.* 1988. N 38) и рубрику в программе телепередач "*Med Kjent-folk mot 90-arene*": *Willy Brandt - om det nye Europa* (*A-Mag.* 1989. N 50. S. 61). В первом случае речь идет о неизвестной Европе будущего, во втором - о Европе, обладающей многими новыми чертами, сформировавшимися к началу 1990 г.

5 Об этом подробнее см.: *W e s t e r n A. Norsk Riksmålsgrammatikk for studerende og lærere.* Kristiania, 1921. S.460; *V i n j e F.-E. Moderne norsk avispråk.* Oslo, 1970. S.76.

6 *V i n j e E.-E. Op. cit.* S.75; *Moderne norsk.* Oslo, 1976. S.120-121.

7 Используется классификация ИС, предложенная в работе: *Б е р к о в В.П. Вопросы двуязычной лексикографии.* Л. 1973. С.89.

8 Значение термина понимается в соответствии с его трактовкой в *Словаре русской ономастической терминологии* (сост. Подольская Н.В. М., 1978).

9 Об определении ИС см.: *Б е р к о в В.П. Указ.соч.* С.89.

10 НА ср. рода объясняется в данном случае родом оупущенного термина *piano, et* (а также *klaver, flygel*). Ср.: *en Ford,*

en Farris, где общий род обусловлен соответственно терминами en bil и en drikk. Однако ср. род существительных skuespill и bilde не находит отражения в статье в случае метонимического употребления имени создателя для обозначения произведения, так как здесь не происходит образование номена (en Monet, en Shakespeare). В свою очередь, артикль общего рода в сочетании en "Hamlet" (см. выше), понимаемом нами как номен, объясняется родом термина, т.е. существительного forestilling или oppsetning, но не skuespill, et, так как речь идет не о пьесе, а о постановке.

С о к р а щ е н и я

- A-Mag. - A-Magasinet.
 Aftp. - Aftenposten.
 AoJ - S a n d e l G. Alberte og Jakob. Samlede verker. B.1. Oslo, 1950.
 Arbbl. - Arbeiderbladet.
 Arbg. - Arbeidsgiveren.
 BoB - By og Bygd.
 Dagb. - Dagbladet.
 Ef. - E v e n s m o S. Englandsfarere. Oslo, 1968.
 IVT - M i t c h e l l K. Inger vei tilbake. Trondheim, 1965.
 LpS - C a v l i n g H. Legen på Svanø. Oslo, 1964.
 MN - V i n j e F.-E. Moderne Norsk. Oslo, 1976.
 MvM - H o e l S. Møte ved milepelen. Oslo, 1978.
 NRG - W e s t e r n A. Norsk riksmåls-grammatikk for studerende og lærere. Kristiania, 1921.
 SGV - G r i e g H. Skibet gaar videre. Oslo, 1926.
 Tre - I b s e n B. De tre. Oslo, 1948.
 VG - Verdens Gang.

M.L.ALJOKSJINA. OM BRUK AV DEN UBESTEMTE ARTIKKELEN

VED EGGENAVN I NORSK

I artikkelen behandles forekjellige tilfeller av bruk av ubestemt artikkel foran et egennavn og analyseres de funksjoner og betydninger den har. I alt beskrives det åtte av dem med deres semantiske eiendommeligheter.

Ubestemt artikkel kan betegne 1) en forbigående, ubetydelig tilstand, 2) et ennå ikke eksisterende fenomen eller en kommende tilstand, 3) en stadig, karakteristisk egenskap, 4) når en person eller et fenomen oppfattes som noe nytt og uventet, 5) en oppsetning eller filmatisering i motsetning til navnet på et skuespill eller manus, 6) et medlem av en familie, 7) en metaforisk overføring, 8) en metonymisk overføring.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Важным фактором коммуникации является побуждение к действию. До сих пор ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике не было попыток подвергнуть проблему выражения побуждения в датском языке специальному рассмотрению. Датские лингвисты О.Хансен, П.Дидериксен, К.Миккельсен и др. приводят лишь некоторые примеры побудительных конструкций в своих работах по проблемам грамматики датского языка, однако без достаточно подробного научного анализа¹.

Невербальные побудительные конструкции (НПК) характеризуются тем, что в них логическое модальное отношение побуждения, касающееся деятельности, состояния, а также сохранения, приобретения или потери признака, находит свое выражение при отсутствии глагола.

Вопрос о признании за НПК статуса самостоятельного предложения является дискуссионным. Дискуссия ведется между лингвистами, представляющими две противоположные точки зрения: исследуя НПК в современных германских языках, ряд ученых считает конструкции данного типа неполными, эллиптическими, не имеющими самостоятельного значения²; другая группа ученых понимает НПК как самостоятельные структуры, как цельные, законченные высказывания, где главный член предложения без финитной формы глагола не связан ни с каким членом полного предложения и не должен рассматриваться как только часть предложения³.

О.Хансен в своем трехтомном труде рассматривает подобные конструкции в связи с проблемой эллипса, счита их эллиптическими⁴. Однако эллипс им понимается не всегда как простое сокращение, "укорочение" предложения. Он отмечает, что в ряде случаев в языке "сосуществуют" два выражения для обозначения одного и того же явления; они имеют одинаковое содержание, но используются в разных ситуациях. С точки зрения синхронии языка трудно определить, являются ли такие "сокращенные" выражения результатом языкового развития или следствием контекста, делающего "наполнение" схемы предложения ненужным. О. Хансен

считает, что добавление в скобках недостающих членов такого предложения не всегда будет означать, что именно эти члены подразумевались, и относит предложения такого типа к самостоятельным.

Классификация НПК дается в соответствии с морфологической характеристикой главного члена конструкций. В роли ведущего члена рассматриваемых конструкций выступают: 1) имя существительное, 2) наречие, 3) междометие. В соответствии с этим проанализированные конструкции разделяются следующим образом.

В первую группу вошли субстантивные конструкции, характеризующиеся большой семантической и структурной вариативностью и наибольшей частотностью употребления среди НПК. В субстантивных НПК представлен широкий семантический диапазон имени существительного, составляющего главный член побудительных сочетаний: это конкретные и абстрактные, одушевленные и неодушевленные, отглагольные и предметные существительные. Такая употребительность имени существительного в сфере, где господствует глагол, по мнению многих лингвистов, объясняется теми особенностями этой части речи, которые позволяют противопоставить ее глаголу, обозначая два основных момента в языке - предметность и действие.

В состав субстантивных НПК входит ряд подгрупп. К первой подгруппе относятся беспредложно-именные сочетания. В конструкциях, где в роли ведущего члена выступает конкретное существительное, обозначающее вещество или предмет, называется то, что говорящий хочет получить от собеседника. Некоторые лингвисты считают, что такого рода конструкции возникают как результат семантического эллипсиса от структуры со значением "дать". Такие структуры выражают отношения приема-передачи, являющиеся самими типичными для конкретных существительных: Tjener, et glas øl til denne gentleman! "Официант, стакан пива этому джентельмену!"

Основная отличительная черта конструкций этой подгруппы состоит в том, что наличие в них только одного ведущего члена достаточно для грамматической маркированности конструкции. Данные модели предоставляют большую свободу лексического наполнения по сравнению с конструкциями с абстрактными существительными. Говорящий может вносить в конструкцию какие-либо добав-

ления, уточнения, диктуемые ситуацией. Такие конструкции могут быть распространены по правилам обстоятельственной или объектной детерминации: *Tak, et glas her! Og et her!* "Спасибо, один стакан сюда! И один сюда!"

Беспредложно-именные конструкции, главным членом которых является абстрактное существительное, относятся в большинстве случаев к числу образований, называемых стандартизованными фразами, воспроизводимыми, а не производимыми в речи каждый раз заново: *Lige et øjeblik* "Минуточку"; *Nåde! Nåde!* "Пощади! Пощади!"

Употребление абстрактных существительных ограничено по сравнению с конкретными. Кроме того, в качестве ведущего члена выступают слова-синонимы: *Ingen frygt! Ingen angst!* "Не болтаться! Не пугаться!" Это приводит к еще большей ограниченности лексического диапазона абстрактных существительных в НПК. Большинство таких предложений формируется с помощью отглагольных имен, что обуславливает трудность введения глагола в структуру НПК: *Ingen springen over!* "Никаких перепрыгиваний!"; *Ingen tuder!* "Не реветь!" (букв. "Никакого рева!").

Вторую подгруппу субстантивных НПК составляют предложно-именные модели. В этих моделях действие выражено имплицитно: *På plads!* "На место!" В структуре таких НПК присутствуют предлоги, актуализирующие и уточняющие характер требуемого действия, что определяет большую однородность семантики конструкций данного типа. Предлоги, входящие в состав этих НПК, чаще всего обладают пространственным значением и передают идею перемещения в пространстве, направления действия: *Om bag muren!* "За стену!"

Конструкции с предлогами пространственной семантики имеют иногда переносное значение изменения внутреннего состояния лица, к которому обращено побуждение: *Op med hagen, økat!* "Выше голову, дорогой!" Это, как правило, устойчивые сочетания, характеризующиеся высокой степенью синтаксической слитности.

Употребление имени существительного в данных конструкциях ограничено. В основном это конкретные существительные с семантикой перемещения в пространстве. Однако встречаются и абстрактные существительные, как правило, в устойчивых, стандартизованных выражениях; в таких случаях называется уже не про-

странственная цель передвижения, а деятельность, к которой побуждается адресат: *Til arbejdet, brummede han sammenbidt "За работу"*, - проворчал он сквозь зубы".

В третью подгруппу включены двусоставные именные конструкции, которые имеют два обязательных структурных компонента, один из которых - существительное, а другой - оборот, структурный показатель направленности, который может быть оформлен существительным с предлогом или наречием и в предложении, как правило, выполняет роль обстоятельства места: *Gevær på skulder!* "Ружье на плечо!"; *Rigtig, støvlerne paa - frakken ud af skabet - åbren op* "Правильно, сапоги на себя - пальто из шкафа - дверь открыть". Данные конструкции отличаются от конструкций первой подгруппы - беспредложных субстантивных сочетаний с распространением в форме предложного оборота, например: *Mutter, hvad til de godtfolk her!* "Мамаша, еду сюда, добрым людям!", где все последующие компоненты могут быть опущены без нанесения существенного ущерба для понимания побудительного смысла предложения. Конструкции же третьей подгруппы представляют собой синтаксически слитные конструкции, второй компонент которых тесно связан с первым, и оба компонента составляют основу всего высказывания. Опущение же второго компонента означает нарушение смысла всего высказывания. Конструкции такого типа встречаются в кратких категорических командах, лозунгах: *Hænderne væk fra Nicaragua!* "Руки прочь от Никарагуа!", в устойчивых идиоматических сочетаниях: *Spåg til side!* "Шутки в сторону!"

Употребление конструкций этой группы - очень распространенное явление в современном датском языке. Именно они могут служить ярким примером того, как безглагольный вариант становится в речи более популярным, чем соответствующий глагольный. В некоторых конструкциях этой группы бывает невозможно домыслить глагол, обозначающий предполагаемое действие. Ненужность примысливания глагола создает не просто экономически эффективную форму, где глагол становится избыточным. Эта безглагольность базируется на регулярности употребления данного определенного структурного типа конструкций и обеспечивает функциональную оптимальность этой структуры при наименьшей сложности.

Вторая группа НК включает в себя адвербиальные конструкции, в которых в роли ведущего члена выступает наречие: это НК

с обстоятельственными и качественными наречиями. НПК с обстоятельственными наречиями, обозначающими направление действия, перемещение в пространстве, характеризуются широкой употребительностью. Несмотря на это, в таких НПК представлен довольно ограниченный набор наречий — это, как правило, *ud, op, væk, frem, fremad, tilbage, ned* и т.д. Очень часто такие наречия выступают в конструкции без каких-либо распространителей, представляя собой самостоятельное предложение: *Op! "Вверх!" Ud! "Вон!"* Если же направление, обозначенное наречием, требует конкретизации, то подобные конструкции распространяются более детальными характеристиками требуемого действия: *Aah, væk - væk fra det hele, væk "О, прочь, прочь ото всего, прочь, прочь"*.

Адресат в таких конструкциях выражен местоимением 2-го или 3-го лица в составе предложного оборота: *Saa - ind med dig! "Ну, вход!"*; *Ud med' jer, ud! "Уойдитесь вон, вон!"*

Ряд наречий, не указывая конкретного направления, передает целевую установку говорящего на начало перемещения: *Af sted med dig! "Отправляйся!"* В некоторых конструкциях интенсивность перемещения актуализируется при помощи качественных наречий, которые являются здесь факультативными: *...nu langsomt op! "...теперь медленно вверх!"*. Локальные наречия со статическим значением, как правило, выступают в отрицательных конструкциях: *Poul - ikke herinde. Det var cigaren hun hentede til "Поуль - не здесь!"* Она намекала на сигару".

НПК с обстоятельственными наречиями составляют группу, наиболее однородную в отношении выражаемого побуждения (приказ, категорическое требование); благодаря способности к распространению своего структурного состава данные НПК получают возможность выражать и другие побудительные оттенки (совет, просьбу, шумливую просьбу). Лексические ограничения структурной схемы конструкций этой группы связаны, прежде всего, с тем, что вся категория слов, являющихся ведущим членом этих конструкций, представляет собой закрытый список, так как включает в себя ограниченный ряд лексем: обстоятельственные наречия.

НПК с наречиями образа действия выражают качественную характеристику требуемого действия: *Hurtigt! "Быстро!" Stille! "Тихо!"* Если в НПК с обстоятельственными наречиями ведущий член конструкций указывает в большинстве случаев на направле-

ние перемещения, на место предполагаемого перемещения, то НПК с качественными наречиями обращают внимание адресата на то, как должно быть выполнено действие. Само действие как процесс включено из побудительной конструкции в силу более свободной связи качественного наречия с глаголом. Побудительное высказывание типа Hurtigere! "Быстрее!" может быть обращено к адресату, от которого требуется более быстрое выполнение действия. Виды действия здесь могут быть самые разнообразные.

Наречий, употребляемых в этой функции в языке, немного. Причем большинство из них представляет собой вариации нескольких основных значений, которые часто выражаются синонимами или антонимами: Hurtigt! Rask! Ikke så langsomt! "Быстро! Проворно! Не так медленно!" В НПК такого рода нередко встречаются наречия в сравнительной степени: Raskere, min ven, raskere (Danske prosa) "Живее, мой друг, живее". Само грамматическое значение сравнительных форм обуславливает их соотносительность с определенной ситуацией. Большинство наречий включены в указанную структуру как в положительной, так и в отрицательной форме: Være rolig "Спокойно"; Ikke så hårdt! "Не так сильно!" Своеобразным актуализатором данных конструкций можно считать сочетание ikke + så, так как, введенное в структурную схему с качественным наречием, оно чаще всего придает ему характер побуждения: Nuvs! sagde Knagsted... - ikke så højt! "Тс! - сказал Кнагстед... - Не так громко!"

В отличие от наречий с семантикой направления, представляющих большую свободу для распространения их состава факультативными дополнениями, структура НПК рассматриваемого типа почти не поддается усложнению. Кроме наречий altid и nu в конструкции с качественными наречиями могут быть введены уточняющие обстоятельства меры и степени: ganske, helt, endnu mere, meget и др. Все приведенные способы распространения этой структуры не приводят к каким-либо качественным сдвигам.

Третья группа составляют междометные НПК. О. Хансен отмечает, что класс междометий включает в себя такие слова, которые в речевой цепочке выступают в качестве самостоятельного предложения, имеющего определенное содержание и не являющегося сокращением от каких-либо других более полных структур. Междометие имеет статус предложения как синтаксически, так и семан-

тически⁵. А.М.Нордентофт называет междометия "однополюсными структурами" (etfeltshelheder), понимая под этим неделимость высказывая и "заполненность всех полей схемы предложения". Междометия представляют собой самую чистую форму таких "однополюсных структур". "Они не вступают в какие либо связи с другими членами. Только у этого класса слов морфология и синтаксис совпадают"⁶.

Большинство побудительных междометий, обращенных к человеку, выражают запрет, призыв к прекращению действия: *Hvys, hvys! sagde Karen.* "Тсс, тсс!" - сказала Карен". Такие междометия, как *sssh* (на письме они еще могут обозначаться как *shhh* или *scsj*), а также *hys, schuss* и др., которые употребляются с целью побуждения адресата прекратить действие, в некоторых ситуациях используются как синонимы адвербиальной НПК *Stille!* "Тихо!". В отличие от междометных НПК, обращенных к людям, побудительные междометия, обращенные к животным, менее дифференцированы: *mis-mis-mis*, *kis-kis* (обращение к кошке), *putte-putte-putte* (к птице), *hup! pru!* (к лошади), *puh!* (к собаке). Такие побудительные высказывания передают команду животным: подойти, остановиться, поехать, наброситься на кого-либо и др.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить сравнительно широкую употребительность НПК в современном датском языке, прежде всего в разговорной речи, в процессе которой говорящий чаще всего стремится к выбору экономичных форм выражения побуждения. Отсутствие глагола придает речи особую динамичность и экспрессивность.

П р и м е ч а н и я

¹ Н а п с е н, Ааге. 1) *Moderne dansk*. Bd 1-3. København, 1967; 2) *Vort vanskelige sprog*. København, 1961; *Diderichsen P. Elementaer dansk grammatik*. København, 1957; *Mikkelsen K. Dansk Ordforfjningslaere med sproghistoriske Tillaeg*. København, 1911.

² Н а т а н з о н Е.А. Побудительное предложение в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1955; Ш е н д е л ь с Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970; Б а б а х а н о в а С.Н.К. Побудительные предложения в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1983.

3 Бузаров В.В. Безглагольные побудительные предложения в языке Шекспира // Вопросы филологии. Ставрополь, 1974. С.43; Москальская О.И. Грамматика немецкого языка. М., 1974. С.304-308; Милосердова Е.В. Структура побудительных предложений в современном немецком языке: Дис... канд. филол. наук. Минск, 1973.

4 И а н с е н, Aage. Moderne dansk. Bd 3.

5 Ibid. S.477.

6 Nordentoft, A.Hunk. Hovedtræk af dansk grammatik: Syntaks. København, 1982. S.54.

O.I.BYSTROVA. BYDEKONSTRUKTIONER UDEN VERBUM I MODERNE DANSK

For at få mennesker til at handle bruger man forskellige grammatiske midler. De danske bydekonstruktioner uden verbum, som har en stor udbredelse, er meget dynamiske og udtryksfulde. Artiklen analyserer konstruktioner, som har noget substantiv (et substantiv uden præpositioner: Nåde!, et substantiv med en præposition: På plads! eller to substantiver: Gevær på skulder!), et adverbium (Ud med dig!) eller en interjektion (Hyss!).

Е.А.Кульчицкий

РОЛЬ АСПЕКТОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА В ФОРМИРОВАНИИ ВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ (На материале датского языка)

В датском языке лексический, или видовой, характер глагола является важным фактором, влияющим на выбор формы глагола, а в сложноподчиненных предложениях (СПП) с придаточными времени (ПВ) определяющим еще и вид временной соотнесенности (одно-временность - одновременность) ПВ и главного предложения (ГП). Однако специальных исследований, посвященных аспектологии датского глагола, нет. В работах скандинавских лингвистов можно найти лишь отдельные замечания по этой теме¹. В настоящей статье предпринята попытка анализа взаимодействия лексического характера (ЛХ) глаголов-сказуемых ПВ и ГП и роль этого взаимодействия в формировании временной ситуации, т.е. вида временной

© Е.А.Кульчицкий, 1991

соотнесенности частей СПП, в плане претерита. Этот план представляет в данном случае наибольший интерес, поскольку здесь в подавляющем большинстве СПП с ПВ используются союзы общезременного значения, особенно союз *da*, способный выражать все три вида временной соотнесенности (одновременность, предшествование, следование), и поэтому закономерности взаимодействия ЛХ глаголов-сказуемых для него наиболее релевантны. При этом следует заметить, что эти закономерности едины для всех временных планов, а следовательно, распространяются практически на все СПП с ПВ.

По мнению большинства авторов, все германские глаголы с точки зрения их аспектологической окрашенности распадаются на три группы: предельные, или терминативные (Т глаголы), неопределенные, или дуративные (Д глаголы), и глаголы смешанного лексического характера, или нейтральные (Н глаголы), способные принимать либо предельное, либо неопределенное значение (Нт и Нд глаголы).

Число возможных комбинаций глаголов-сказуемых ПВ и ПП с точки зрения ЛХ равно, таким образом, шестнадцать: Д-Д, Д-Нд, Д-Т, Д-Нт, Нд-Д, Нд-Нд, Нд-Т, Нд-Нт, Т-Д, Т-Нд, Т-Т, Т-Нт, Нт-Д, Нт-Нд, Нт-Т, Нт-Нт. Складывавшиеся в каждом СПП с ПВ комбинации глаголов-сказуемых ПВ и ПП с точки зрения ЛХ этих глаголов мы называем аспектологическим контекстом².

Результаты анализа аспектологического контекста в СПП с ПВ со значением одновременности в плане претерита показывают, что оба сказуемых могут быть выражены глаголами любого ЛХ в форме претерита. При этом сказуемое ПВ, выраженное Д(Нд) глаголом, допускает любой ЛХ глагола-сказуемого ПП, в то время как сказуемое ПВ, выраженное Т(Нт) глаголом, требует от глагола-сказуемого ПП неопределенности. Взаимозависимость ЛХ глаголов-сказуемых ПВ и ПП в СПП со значением одновременности можно показать на схеме 1 (ввф - видо-временная форма):

С х е м а 1

ввф в ПВ		претерит	
ЛХ сказуемого	в ПВ	Д(Нд)	Т(Нт)
	в ПП	Д(Нд), Т(Нт)	Д(Нд), [Т(Нт)]
ввф в ПП		претерит	

Возможные аспектологические контексты, отраженные в левой части схемы 1, а также контексты в правой ее части, исключая группу глаголов T(Ht), заключенную в квадратные скобки, являются типичными для СПП со значением одновременности. В этом смысле их можно назвать регулярными аспектологическими контекстами. Квадратные же скобки в правой части схемы 1 означают, что все комбинации с T(Ht) глаголами в обеих частях СПП, т.е. комбинации T-T, T-Ht, Ht-T и Ht-Ht, не характерны для предложений со значением одновременности. Это объясняется, по-видимому, тем, что ситуации полного совпадения двух точечных действий в реальной действительности встречаются крайне редко. Поэтому в СПП с ПВ, вводимыми временным союзом недифференцированного значения, точечные действия, как правило, воспринимаются как следующие одно за другим: *Men da han kom ind i stuen igen, begynder han atter sin rastløse vandring* (Kris., 231) "Но когда он опять вошел в комнату, он снова начал нервно ходить взад и вперед".

Когда в СПП со значением одновременности сказуемые обеих частей все же оказываются выраженными T(Ht) глаголами, то речь идет либо об одном и том же действии: *Da jeg endelig svarede, sagde jeg så noget af det uærligste jeg har sagt i mit liv* (Cl., 24) "Когда я наконец ответила, то сказала самые неискренние слова за всю свою жизнь",— либо о непосредственном чувственном восприятии точечного действия в момент его совершения: *Amy hørte da de slukkede...* (Riel, 85) "Ами услышала, когда они выключили свет..." На этом основании сказуемые III, выраженные T(Ht) глаголами, можно выделить в особую группу (в схеме 1 она заключена в квадратные скобки). Условно назовем ее группой ограниченной аспектологической совместимости. А контексты, в создании которых участвуют глаголы данной группы, назовем иррегулярными.

В речи, тем не менее, нередко возникает необходимость переложить значение одновременности двух действий, выраженных T(Ht) глаголами. В таких случаях в силу вступает явление, которое Э.Коммидер называет "вторичным урегулированием"³ и которое применительно к данному случаю можно назвать дуратизацией глагольного действия. Действие III, выступающее в качестве фона для действия ПВ, с помощью специальных средств как бы развертыва-

ется во времени, и возможность восприятия значения глагола как предельного устраняется.

В датском языке имеется несколько средств дуратизации глагольного действия, наиболее употребительным из которых является оборот *at være ved at + inf I* "заниматься чем-то, быть в процессе чего-то", а также синонимичные ему обороты *at være i færd med at + inf I*, *at være optaget med at + inf I*, *at være i gang med at + inf I*⁴: *Diskussionsmødet var ved at begynde, da jeg kom* (Gr., 107) "Дискуссия только начиналась, когда я пришел".

Другим средством дуратизации является употребление перед сказуемым, выраженным Т(Ит) глаголом, однородного сказуемого, выраженного Д глаголом (обычно в этой роли выступают глаголы *at sidde* "сидеть", *at ligge* "лежать", *at stå* "стоять", *at gå* (omkring) "ходить"⁵). Например: *Da han med de tre flasker og tobakken ugenert svingede ind gennem porten igen, stod den rødhaarede vicevært og grinede svedent* (Kris., 260) "Когда он с тремя бутылками и сигаретами свернул в подворотню, рыжий управляющий стоял и хитро улыбался".

Нередко в качестве средства дуратизации выступает контекст - главным образом, обстоятельства времени, благодаря которым И глагол, выполняющий функцию сказуемого III, приобретает непредельное значение: *Og vi mødte dem de to gange om året, da der var fest* (Bjar., 129) "И мы встречали их два раза в год, когда были праздники". Без обстоятельства времени в III предложение допускает и другую трактовку: "И мы встретили их, когда был праздник". В тех случаях, когда ни то ни другое аспектологическое значение И глагола не получает поддержки в тексте и он (глагол) сохраняет амбивалентность, переводить его на русский язык можно глаголом любого вида: *Da jeg gik op ad trappen derhjemme, følte jeg mig tørstig* (Ung., 41) "Когда я дома поднималась по лестнице, я (по)чувствовала жажду".

Анализ взаимодействия ЛХ глаголов-сказуемых обеих частей СIII со значением разновременности в плане претерита (он проводился на примерах со значением предшествования действия ПВ действием III, поскольку СIII со значением следования подчиняется тем же закономерностям) показал, что в III этих предложений всегда употребляется одна и та же ввф - претерит. Сказуемые ПВ и ПП

могут быть выражены глаголами любого ЛХ. Как и в СПП со значением одновременности, в СПП со значением предшествования сказуемое ПВ, выраженное Д(Нд) глаголом, допускает любой ЛХ глагола-сказуемого ПП. Сказуемое ПВ, выраженное Т(Нт) глаголом, в СПП со значением предшествования, в отличие от СПП со значением одновременности, может иметь форму как претерита, так и плюсквамперфекта. Взаимозависимость ЛХ глаголов-сказуемых ПВ и ПП в СПП со значением одновременности представлена в схеме 2.

С х е м а 2

вф в ПВ		претерит	плюсквамперфект
ЛХ ска- зуемого	в ПВ	Т(Нт) Д(Нд)	
	в ПП	[Д(Нд)], Т(Нт)	Д(Нд), Т(Нт)
вф в ПП		претерит	

Как видно из схемы 2, сказуемые ПП, выраженные Д(Нд) глаголами, в предложениях, где сказуемое ПВ выражено Т(Нт) глаголом, составляет группу ограниченной аспектологической совместимости (заключена в квадратные скобки). Это вполне естественно, поскольку, как было показано выше (см. правую часть схемы 1), комбинации, состоящие из Т(Нт) и Д(Нд) глаголов, являются составной частью регулярного аспектологического контекста для ситуаций одновременности. Другими словами, если сказуемое ПВ выражено Т(Нт) глаголом, а сказуемое ПП Д(Нд) глаголом, то в СПП неизбежно формируется ситуация одновременности.

Если сопоставить правую часть схемы 1 с левой частью схемы 2, обнаруживается много общего. Для удобства анализа представим функционирование Т(Нт) глаголов в ПВ в схеме 3.

С х е м а 3

Вр. соотн-сть		Одновременность	Предшествование
вф в ПВ		претерит	претерит
ЛХ ска- зуемого	в ПВ	Т(Нт) Т(Нт)	
	в ПП	Д(Нд), [Т(Нт)]	[Д(Нд)], Т(Нт)
вф в ПП		претерит претерит	

Как видим, одновременность и предшествование могут передаваться одними и теми же комбинациями глаголов с точки зрения ЛХ в одной и той же звѳ -- претерит. Практически это означает, что в речи должны существовать предложения, которые в плане временной соотносительности действий ПВ и ПП можно трактовать двояко. Такие примеры, хотя и не многочисленные, действительно есть. Однако в подавляющем большинстве случаев от СПП с ПВ требуется однозначная временная соотносительность, и ее, как правило, удается достичь за счет других средств формирования аспектологического контекста (чаще всего -- обстоятельств и семантики предложения в целом, реже -- макроконтекста).

Для того чтобы однозначно выразить одновременность или равновременность действий, нужно, чтобы действие ПП получило строго определенную аспектологическую окраску, т.е. чтобы глагол, выступающий в роли сказуемого ПП, приобрел либо предельное, либо неопределенное значение, в зависимости от вида временной соотносительности, которую требуется передать. Приведем пример: Og da Politikeren k o m ind, b r ø l e d e af grin. Само по себе, вне контекста, данное СПП допускает двоякую трактовку временной соотносительности действий ПВ и ПП. Сказуемое ПВ выражено Т глаголом at komme (ind) "входить". Сказуемое ПП выражено Н глаголом at brøle "рычать". Если предположить, что в данном случае этот последний выступает в предельном значении, то комбинация ЛХ глаголов-сказуемых ПВ и ПП будет Т-Нт, и, соответственно, временная соотносительность -- предшествование: "И когда вошел Политик, они взревели от хохота". Если же предположить, что значение глагола в этом предложении предельное, то комбинация ЛХ глаголов-сказуемых в нем -- Т-Нд, а временная соотносительность -- соответственно, одновременность: "И когда вошел Политик, они ревели от хохота". Амбивалентность таких СПП разрешается обычно на уровне макроконтекста. В данном случае два предложения, предшествующих СПП в тексте, делают ситуацию ситуацией одновременности: De begyndte at le. Først stiltørdigt, men vā hōjere og hōjere. Og da Politikeren k o m ind, brøled e af grin (Ung., 28) "Они стали смеяться. Вначале тихо, потом все громче и громче. А когда вошел Политик, они ревели от хохота". Еще пример: ...du g r æ d, da Marie k o m ind ... Если допустить в данном случае неопределенное значение Н глагола

at græde "плакать", то ситуация воспринимается как ситуация одновременности: "... ты плакала, когда вошла Мария..." (ср.: *Da jeg kom ind, var der mor inde i stuen...* (Chr. En, 90) "Когда я вошел, мать сидела в комнате..."). Если же допустить предельное значение глагола at græde, то ситуация превратится в ситуацию предшествования: "... ты заплакала, когда вошла Мария..." (ср.: *Da jeg kom op til mor, græd hun ved synet af mig* (Chr. En, 158) "Когда я поднялся к маме, она заплакала при виде меня"). И только макроконтекст ситуации делает ее ситуацией одновременности: *Du græd hele vejen op ad trappen, du græd, da Marie kom ind...* (Niels, 59) "Ты плакала, пока поднималась по лестнице, ты плакала, когда вошла Мария..." Однако так бывает не всегда. В некоторых случаях, сохраняя неопределенное значение, Н глагол участвует в формировании ситуации предшествования. Этому способствует семантика как СШ в целом, так и каждой из его частей: *Lillian bød l o' og græd af lettelse, da hun fik fast grund under fødderne...* (Cl., 86) "Лилиан смеялась и плакала от облегчения, когда почувствовала под ногами твердую почву..."

Сопоставим теперь левые части схем 1 и 2, представив для наглядности функционирование Н глаголов в ПВ в схеме 4.

С х е м а 4

Вр. соотн-сть		Одновременность	Предшествование
ввф в ПВ		претерит	претерит
ЛХ ска- зуемого	в ПВ	Д(Нд)	Т(Нт)
	в ПП	Д(Нд), Т(Нт)	[Д(Нд)], Т(Нт)
ввф в ПП		претерит	претерит

В схеме 4 интересно то, что в ПВ наряду с Д и Т глаголами употребляются Н глаголы и что в зависимости от того, какое значение (предельное или неопределенное) они принимают, формируется временная ситуация в СШ. Здесь тоже возможны случаи, допускающие двойную трактовку. Однако, как правило, в СШ формируется либо один, либо другой вид временной соотнесенности. Как видно из схемы 4, для формирования в СШ ситуации одновременности, необходимо, чтобы Н глагол, выступающий в роли сказуемого ПВ, при-

нял неопределенное значение. Это достигается с помощью "вторичного урегулирования", т.е. с помощью средств дуратизации глагольного действия (см. выше) и контекста. Что касается средств дуратизации, то к ним в данном случае добавляется еще одно, невозможное в ГП, а именно, семантические временные союзы: *Idet han kom ind, lóftede han ganske svagt på hatten...* (Kris., 47) "Когда он входил, он слегка приподнял шляпу..." (с союзом *da* предложение означало бы: "Когда он вошел..."). Что же касается контекста, то благодаря взаимодействию семантики обеих частей предложения, амбивалентные сами по себе, ПВ обычно воспринимаются однозначно: *Da han gik, vendte han sig ikke om* (Kris., 68) "Когда он уходил, он не оглянулся" (ср.: *Da Søren Peter og de andre gik, begyndte jeg at læse i bogen* (Chr.B., 55) "Когда Сøren Петер и остальные ушли, я стал читать"); *Det lódd lidt hult, da han sagde det* (8:109) "Его слова звучали глуховато, когда он это говорил" (ср.: *Jeg blev lidt sur, da han sagde det* (Dr., 110) "Я немного расстроилась, когда он это сказал").

Как явствует из схемы 4, для формирования в СПШ ситуации предшествования необходимо, чтобы Н глагол, выступающий в роли сказуемого ПВ, принял предельное значение. Это достигается, во-первых, с помощью контекста (см. два последних примера в скобках), во-вторых, путем переосмысления ЛХ глагола-сказуемого ПВ, когда Д глагол, т.е. глагол с явно выраженным значением курсивности, приобретает предельное значение (так называемая "начинательная предельность"⁶): *Da Sally sov den aften, var det vent* (Dr., 55) "Когда Салли в тот вечер уснула (букв.: "спала"), было уже поздно". Значение предельности формируется у Д глаголов чаще всего в результате взаимодействия семантики ПВ и ГП. Это явление, свойственное и другим германским языкам, можно было бы условно, взяв за основу терминологию О.Есперсена⁷, назвать пунктуализацией. По сути оно противоположно дуратизации глагольного действия. (Заметим в скобках, что в СПШ со значением следования тоже встречается явление переосмысления ЛХ глагола, но с обратным знаком: Т(Нт) глагол, выступающий в роли сказуемого ГП, приобретает значение процесса, ему не присущее, и воспринимается как дуративный (т.е. фактически здесь мы имеем дело с еще одним средством дуратизации): *Han blev lam-*

met med et kort blik fra digterens små, hvasse øjne og faldt om på en stol, til oplæsningen var forbi (S.-H., 12) "Он словно оцепенел от быстрого сверлящего взгляда маленьких глазок поэта и как подкошенный опустился на стул, где и просидел до тех пор, пока декламация не окончилась". Подчеркнутые слова приходится вводить в перевод, поскольку возможности датского и русского языков в переосмыслении видового характера глаголов совпадают далеко не всегда.)

Выводы

1. Анализ языкового материала показывает, что решающую роль в формировании той или иной временной ситуации в СПП с ПВ играет аспектологический контекст, складывающийся в результате взаимодействия ЛХ глаголов-сказуемых ПВ и ПП.

2. Для каждого вида временной соотнесенности можно выделить характерные разновидности аспектологического контекста, т.е. такие комбинации ЛХ, наличие которых с СПП необходимо и достаточно для формирования именно этого вида временной соотнесенности. Их совокупность условно можно назвать регулярным аспектологическим контекстом данной временной ситуации.

3. Возможности регулярного аспектологического контекста не покрывают, однако, всего спектра встречающихся в реальной действительности одновременных и разновременных действий. Это объясняется некоторыми особенностями грамматического строя датского языка, в частности, отсутствием категории продолженного времени. Поэтому в речи нередко приходится выходить за рамки регулярных аспектологических комбинаций, создавая так называемый иррегулярный аспектологический контекст, основанный на использовании специальных приемов (дуратизация и пунктуализация глагольного действия, переосмысление ЛХ глагола).

Примечания

¹ N o r g e e n A. Vårt språk // Nysvensk grammatik i utförlig framställning. Bd 5. Lund, 1925. S.607-645; S c h n e i d e r K. Aktionsart och aspekt i svenskan och danskan jämförda med tyskan och nederländskan // Annales Universitatis Turkuensis. 1977. Bd 143.

² Ср.: Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. Moscow, 1982.

³ Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола: Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С.141.

⁴ Schneider K. Op. cit. S.76.

⁵ Ibid.

⁶ Балин Б.М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969. С.40.

⁷ Jespersen O. The Philosophy of Grammar. New York, 1965. P.286.

С о к р а щ е н и я

- Bjar. - B j a r n h o f K. Det gode lys. København, 1964.
Chr.En - C h r i s t e n s e n Ch. En rabarberdreng vokser op. København, 1982.
Chr.B. - C h r i s t e n s e n Ch. Bondekniold og rabarberdreng. København, 1980.
Cl - C l a r k J. Min kone er skør. København, 1964.
Dr - D r e w s e n J. Midtvejsfester. København, 1981.
Gr - G r e s s E. Mellemspil. København, 1972.
Kris - K r i s t e n s e n T. Hærværk. København, 1974.
Riel - R i e l J. Du bor i dit navn. København, 1977.
S.-H. - S k o u - H a n s e n T. De nøgne træer. København, 1972.
Ung - U n g d o m: En antologi / Ved Arne Gammeltoft. København, 1964.

J.A.KULTJITSKIJ. DEN ASPEKTOLOGISKE KONTEKSTS ROLLE I UDFORMNINGEN AF TIDSFORHOLD

Med udgangspunkt i verbernes opdeling i perfekte (punktuelle), imperfektive (durative) og neutrale gøres der forsøg på at studere samspillet mellem tidabisætningens og hovedsætningens finitte verber og disses indvirkning på tidsforholdet i hele sætningen (dvs. om de pågældende handlinger opfattes som samtidige eller ikke).

Der kortlægges alle mulige aktionsartskombinationer (de såkaldte aspektologiske kontekster) og konstateres, at nogle af dem er regulære, hvorimod andre ikke er det. Disse sidste kræver støtte fra deres kontekstuelle omgivelser og får den i form af bl.a. durativering (imperfektivering) eller henholdsvis punktualisering (perfektivering) af det ene af verberne.

Der gøres opmærksom på, at der findes ambivalente tidabisætninger på dansk, og gøres rede for de midler, hvorved denne dobbelthed i opfattelsen opløses.

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ДАТСКОМ ПРОИЗНОШЕНИИ

Датский язык продолжает претерпевать существенные изменения в области фонетической системы. Описание системы датских фонем, данное О.Есперсеном, или даже самый общий слуховой анализ записей 1940–1950-х годов показывают значительные отличия датского языка того времени от языка современных датчан. Некоторые произносительные особенности, считавшиеся в начале (или даже в середине) XX в. отклонением от нормы, признаются в наши дни нормативными.

Изменения в современном датском языке объясняются отчасти сближением литературного языка и разговорной речи, что привело к проникновению в литературный язык фонетических особенностей разговорной речи. Для формирования современного нормативного датского существенное значение имеет также и сглаживание различий между диалектами и социолектами, с одной стороны, и литературным языком, с другой.

Значительных изменений фонемного состава за последнее столетие не отмечено (исключение – заднеязычный щелевой /ʝ/). Основные изменения произошли в сфере реализации фонем, их дистрибуции, в результате чего возникли несколько иные противопоставления в грамматике и лексике, чем в системе датского языка, описанной О.Есперсеном¹. Несколько иными стали и супraseгментные характеристики, в первую очередь движение основного тона. Своеобразны и особенности современной спонтанной речи.

В настоящее время датские лингвисты выделяют обычно два основных нормативных варианта датского языка: современный нормативный копенгагенский и несколько более консервативный вариант, который реализуется в речи части старшего поколения и который был ведущим вариантом 40–50 лет назад.

В связи со сложностью языковой ситуации в Дании естественно встает вопрос о соотношении нормы и действительных реализаций и о кодификации произношения, а в связи с этим – о необходимости подробного рассмотрения всех изменений, которые произошли за последнее время. Дело в том, что в Дании до сих пор не

существует словарь, который бы надежно отражал современное датское произношение.

В настоящем исследовании рассматриваются следующие особенности современного датского произношения: в области гласных — изменения, связанные с безударным гласным [э]; в области согласных — изменения, связанные с заднеязычным щелевым /ʃ/.

Реализация этих особенностей была изучена на материале магнитофонных записей 80-х годов, которые содержали диалоги, тексты, спонтанную речь. Использовался в первую очередь слуховой анализ, для отдельных слов и предложений — данные осциллографического и спектрального анализа. Кроме анализа магнитофонных записей использовались данные, полученные в процессе непосредственного общения с датчанами и наблюдений над их речью. Для сравнения привлекались записи 40-50-х годов.

Одно из самых крупных, хотя, возможно, и не самых заметных изменений в датском произношении за последнее столетие получило в датской лингвистической литературе название "ассимиляция [э]", например: [ko'ɛn] > [ko'on] koeen "корова", [ko:nɛ] > [ko:n] koe "жена". В первом случае происходит изменение [э] под влиянием соседнего гласного звука, во втором случае [э] выпадает, но не полностью, его слогообразующую функцию принимает на себя соседний согласный [n]. Количество слогов остается, таким образом, прежним.

Датские лингвисты обычно объединяют под названием "ассимиляция [э]" целый комплекс изменений, связанных с безударным гласным [э]. Такое название не является точным, так как во многих случаях происходит не ассимиляция [э], а синкопа или апокопа этого звука: [suldənɛ] > [suldɔ] sultende "голодающий", [vdegeɛ] > [sdeg] stikke "колоть".

О неустойчивости безударного гласного [э], неопределенного, смешанного ряда, среднего подъема, о подверженности его ассимиляции в положении между двумя согласными писал еще О.Есперсен, отмечая, что эти свойства [э] проявляются особенно ярко в случае, если [э] находится рядом с [n], [ŋ] или [l].² О случаях полного выпадения [э] О.Есперсен ничего не говорит.

Начало процессов, связанных с изменением [э], некоторые лингвисты относят к первой половине XIX в.³, однако и сейчас развитие продолжается, затрагивая все больше и больше позиций.

Можно выделить следующие особенности "ассимиляции [э]".

1. Это явление затрагивает огромное количество слов, так как возникающий в древнедатском языке (XIV в.) как результат редукции гласных окончаний безударный гласный [э] имеет, или, точнее, еще недавно имел в датском языке высокую частотность.

2. Следствием изменений, связанных с [э], являются большие сдвиги в фонетической системе современного датского языка; возникают, например, новые омонимичные формы. Имперфект от глагола læse "читать" læste может после выпадения [э] совпасть с причастием II læst. Глагол stikke "колоть" может совпасть с существительным stik "укол, укус".

Однако наличие большого количества таких совпадающих форм никоим образом не препятствует пониманию. В ситуации непосредственного общения не осуществляется акустическое осознание текста, ведь слушающий идет не наиболее вероятного звука в данном звуковом ряду, а семантически адекватного сообщения. Важно также, что для датского предложения характерен строгий порядок слов, который помогает правильно распознать омонимичные формы на уровне фразы, не прибегая к широкому контексту.

3. Реализация всех изменений, связанных с [э], происходит независимо от границ слов.

4. "Ассимиляция [э]" не является признаком только разговорной или спонтанной речи. Большинство изменений, связанных с [э], характеризуют нормативное произношение, неторопливую речь, она наблюдается и при чтении заранее подготовленного текста.

Причиной изменений, связанных с безударным [э], является, конечно, прежде всего сама артикуляторная природа этого звука. Существует также зависимость степени подверженности этого звука изменениям от окружающих звуков. Датские лингвисты Л.Бринк и Й.Лунд заметили, что [э] ассимилируется с самым сонорным соседним звуком (гласным или согласным). Если [э] находится рядом с глухим согласным звуком (при отсутствии других близких), то [э] выпадает, не сохраняя свою слогообразующую функцию, так как глухой звук не может быть слогообразующим⁴.

Однако, как показывает исследованный материал, представленная Л.Бринком и Й.Лундом шкала сонорности отражает лишь самые общие особенности изменений, связанных с [э]. Не исследована зависимость степени "ассимиляции [э]" от просодических

характеристик. В реальной звучащей речи вступают в силу множество факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических. Кроме того, основываясь даже на предварительном слуховом анализе, можно было предположить, что современный материал позволяет сделать ряд дополнений к имеющимся в литературе описаниям изменений, связанных с [ə].

При исследовании материала с помощью осциллографического и спектрального анализа во многих случаях трудно провести сегментирование, особенно это касается слов, где [ə] стоит рядом с сонантами (håne, hule, gange). Это говорит о большой степени ассимиляции, так как в данных случаях произносится один звук. Соседние с [ə] согласные становятся слогообразующими, а [ə] выпадает. При этом сохраняются все характеристики, присущие этому слогу, чаще всего это заударный слог, которому свойственна несколько более высокая, чем в ударном слоге, частота основного тона. Это повышение частоты основного тона сохраняется и после выпадения [ə].

В тех случаях, когда [ə] сохраняется, он имеет очень небольшую абсолютную длительность (30 - 60 мс).

В исследованном материале самое сильное влияние на [ə] оказывает [ɹ]. Во всех случаях произносится один звук и сегментация невозможна.

В датском языке нет долгих согласных, однако в случае выпадения [ə] между одинаковыми согласными звуками такие долгие согласные возникали: Er det ikke Kim?{g:] "Это не Ким?", vise sig {s:] "показаться".

Кроме зависимости от степени сонорности соседнего звука при помощи слухового, осциллографического и спектрального анализа был выявлен ряд факторов, от которых зависит степень тех изменений, которым подвергается безударный гласный [ə].

1. Наблюдается зависимость от положения [ə] по отношению к ударному слогу. В словах, где за ударным слогом следуют два безударных, содержащих [ə], первый заударный [ə] в большей степени подвергается изменениям, чем последующий (конечный) [ə]: husene [hu:sge] "дома", fuglene [fu:lne] "птицы".

2. Наблюдается зависимость степени изменения [ə] от места в предложении. Перед паузой или в конце предложения [ə] сохраняется значительно лучше, что, возможно, связано с имеющейся в

датском языке тенденцией к увеличению абсолютной и относительной длительности звуков в конце высказывания.

3. Если [э] находится между одинаковыми согласными, то он практически всегда подвергается синкопе. Влияние одинаковых согласных оказывается более значительным фактором, чем соседство одного, пусть даже более сонорного звука, т.е. выпадение [э] в сочетании *vise sig*, чем в слове *kime*.

4. Имеется зависимость степени "ассимиляции [э]" от темпа речи. Хотя изменения, связанные с [э], присутствуют и в обычной, даже неторопливой речи, все же при увеличении темпа количество ассимилированных форм увеличивается.

5. Степень изменения безударного [э] зависит и от частотности слова или оборота, содержащего этот звук, и от того, какую коммуникативную нагрузку это слово или этот оборот несут. Огромное количество высокочастотных слов и выражений часто с ничтожно малой коммуникативной нагрузкой имеют ассимилированные формы. Грамматическая нагруженность, напротив, позволяет сохранить звуковой облик слова.

В отрицании *ikke*, имеющем высокую частотность, [э] находится рядом со смычным [g], однако в большинстве случаев выпадает, причем независимо от места в предложении: *ikke [eg]* - *Vil du ikke med?* "Ты не хочешь пойти со мной?", *Det gør ikke noget* "Это ничего не значит", *Kan du ikke huske mig?* "Ты не помнишь меня?", *Det ved jeg ikke* "Я не знал этого", *Det kan jeg desværre ikke* "К сожалению, я этого не могу".

Относительно высокую частотность в исследованном материале имеет также наречие *heller* "туда, по направлению к", гласный [э] которого во всех случаях подвергается влиянию предшествующего [r], причем также независимо от места в предложении. Появляется идентичный уже имеющемуся слогаобразующий согласный: *heller [heller]* - *Hvor ligger det heller?* "Где это лежит?", *Hvor er kageerne nu heller?* "Где же пирожные?"

6. В исследованном материале не выявлена зависимость степени "ассимиляции [э]" от того, в утвердительном или вопросительном предложении стоит слово, содержащее [э].

Появление в речи тех или иных фонетических особенностей как на сегментном, так и на просодическом уровне обусловлено определенной экстралингвистической ситуацией, при которой про-

исходит общение. Поэтому и при анализе изменений, связанных с [ə], необходимо иметь в виду не только чисто лингвистические факторы. При неприкнужденном, свободном общении хорошо знакомых людей встречается значительно больше ассимилированных форм, чем в случае, если говорят люди не очень хорошо знакомые или вообще незнакомые или если человек выступает с докладом, речью перед большой аудиторией. Важным экстралингвистическим фактором является и внешняя обстановка (наличие внешнего шума, погодные условия и т.п.). В исследованном материале имеются два диалога, которые представляют собой беседу на фоне довольно громкой музыки (действие происходит в кафе или в дискотеке). В этих диалогах практически отсутствуют ассимилированные формы. Даже отрицание ikke произносится без апокопа [ə].

Для изменений, связанных с [ə], важны также индивидуальные особенности собеседников, их манера говорить, психический склад, темперамент.

Наличие самых разнообразных факторов, определяющих степень "ассимиляции [ə]", говорит о том, что невозможно вывести какое-либо одно правило для всех случаев.

"Ассимиляция [ə]" еще не полностью проведена в языке. Во многих случаях формы с [ə] и без [ə] используются параллельно, причем даже в речи одного человека могут наблюдаться и те и другие. У некоторых дикторов [ə] в основном не подвергается ассимиляции, но все-таки в наши дни в большинстве исконных датских слов (и во многих иностранных) редко встречается неассимилированные формы. Чаще всего в этом случае мы сталкиваемся с четкой, медленной речью.

Начавшаяся в XIX в. "ассимиляция [ə]" затрагивает все больше и больше слов. Отмечается большая неустойчивость [ə]. Встречается больше ассимилированных форм, значительно больше, чем 40-50 лет назад, случаев синкопы или апокопы безударного гласного [ə].

Если соотнести происходящие в настоящее время изменения [ə] с древнедатской редукцией гласных окончаний, то можно сказать, что современные процессы - продолжение развития в том же направлении, приводящее в некоторых случаях к полному исчезновению [ə].

Одной из самых заметных особенностей современного нормативного копенгагенского произношения в области согласных является исчезновение или замена на другой звук заднеязычного щелевого /ʃ/.

В настоящее время в речи людей, владеющих современным нормативным копенгагенским вариантом произношения, этот звук практически исчез. Его можно услышать только в речи пожилых людей, владеющих несколько более консервативным произношением.

С заднеязычным щелевым произошли следующие изменения:

1) /ʃ/ перешел в [ɰ] после гласных переднего ряда [ne: - {ə:}] > [ne:ɰə:] neger "негр", [vø:ʃə] > [vø:ɰə] vørge "искать";

2) /ʃ/ перешел в [j] после /l/: [galʃə] > [galjə] galge "виселица", [bølʃə] > [bøljə] bølge "волна";

3) /ʃ/ перешел в [ç] после гласных заднего ряда и [ɰ]: [vaʃ'fɔ:ɰə:] > [vaç'fɔ:ɰə:] vagfører "адвокат", ['klɔ:ʃsga'b] > ['klɔ:çsga'b] klogskab "ум";

4) во многих случаях, особенно после закрытых гласных и в конце слов, наблюдается полное выпадение /ʃ/: [ri:ʃə] > [ri:ə] pige "девочка".

Последняя особенность не является полностью новой. Выпадение /ʃ/ после закрытых гласных можно услышать и в речи пожилых людей, владеющих консервативным датским произношением, на пластинках 40-50-х годов нашего столетия. При этом в других позициях /ʃ/ в большинстве случаев сохраняется.

Однако в исследованном материале, относящемся к 80-м годам, произношение /ʃ/ не отмечается ни у одного диктора: во всех случаях этот звук либо выпадает, либо заменяется на другой.

В результате изменений согласного /ʃ/ могут возникнуть новые омофоничные пары: sne [sne'] "снег" - snege (sig)[sne'] - имперфект от глагола snige sig "красться".

Таким образом, заднеязычный щелевой /ʃ/, возникший в результате датского перебора согласных, подвергся дальнейшим изменениям, которые привели к его исчезновению в современном нормативном копенгагенском.

Обе описанные яркие черты современного датского произношения связаны с процессами ослабления и упрощения фонетических характеристик звуков.

П р и м е ч а н и я

- 1 J e v e r s e n O. Modersmålets Fonetik. 2 udg. København, 1922. S.197.
- 2 Ibid. S.103.
- 3 B r i n k L., L u n d J. Dansk Rigsmål 1-2. København, 1975. S.191.
- 4 Ibid. S.192.

E.V.KRASNOVA. OM NOGLE ÆNDRINGER I MODERNE DANSK

Den såkaldte [ə] - assimilation er den mest gennemgribende lydovergang, som satte ind i begyndelsen af det 19. århundrede og er langt fra afsluttet nu. Faktorer, der gør sig gældende ved [ə] - assimilationen i moderne tale og assimilationens følger analyseres i artiklen. Sammenligning med [ə] - assimilationen for 40-50 år siden viser, at der kommer flere og flere assimilerede former i sproget. Den anden del af artiklen er viet til spirant /ʃ/, der er næsten forsvundet nu i sproget.

Д.К.Кузьменко

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ СЛОГА В ДИАЛЕКТАХ ЮЖНОЙ ШВЕЦИИ И В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Во всех современных скандинавских языках, кроме датского, ударные слоги, которые являются экспонентами корневых морфем, количественно равноценны: все они долгие и состоят либо из долгого гласного (и краткого согласного), либо из краткого гласного и долгого согласного или сочетания согласных (V̄C̄ - VC̄). Такое состояние называют обычно слоговым равновесием, или изохронией. В датском языке нет долгих согласных и, соответственно, нет количественной равнозначности всех ударных слогов (и корневых морфем). В этом отношении структура датского слога соответствует структуре слога в западногерманских языках: ударные слоги противопоставляются здесь по способу приращения гласного к последующему согласному, что в двусложных словах проявляется в разном слогоделении (CV - CV ~ CVC - V)⁴. Краткость

гласного при этом связана с плотным примыканием (или контактом), а долгота гласного — со свободным примыканием.

На вопрос о том, проходили ли датский язык в своем развитии этап изохронии шведско-норвежского типа или исконные краткосложные типы слогов (=корневых морфем) с кратким гласным и кратким согласным, характерные для всех древних германских языков, никогда не удлинялись в датском языке, отвечают по-разному. По одной точке зрения, исконные краткосложные слова типа *CV̆C* никогда не удлинялись в датском (и слова типа *glad* /*glɑd*/ отражают исконное состояние, а формы типа *flad* /*flɑ'd*/ с долгим гласным и толчком являются вторичными, удлинившимися по аналогии с двусложными формами типа *flade* /*flɑ'de*/)². Существует точка зрения и о всеобщем удлинении исконных краткосложных односложных слов в датском языке³. У сторонников каждой из этих точек зрения есть свои аргументы. Те, кто настаивает на отсутствии общего удлинении всех исконных краткосложных слов, основываются на существовании в современном датском языке целого ряда слов типа *CV̆C*, восходящих к исконным краткосложным словам (ср., например, *ål*, *glad*, *tal*, *hul* и т.п.). Сторонники всеобщего удлинения слога приводят в качестве доказательства данные рукописей, в которых все слова исконного типа *CV̆C* постоянно пишутся с двумя гласными или с двумя согласными буквами, что свидетельствует о прошедшем удлинении ударного слога (ср., например, написания типа *glæath*, *åål*, *huul* и т.п.)⁴. Эти два факта, казалось бы, противоречат друг другу: если произошло всеобщее удлинении краткосложных слов, о чем и свидетельствуют данные рукописей, непонятно, каким образом удлинившиеся краткосложные слова вновь стали краткосложными, а исконные долгосложные слова сохранили свою количественную структуру. Ответить на этот вопрос помогают нам данные диалектов южной Швеции, в которых сокращение исконных краткосложных слов и становление корреляции контакта происходит на наших глазах.

Традиционно шведские диалектологи описывали диалекты южной Швеции в терминах шведской литературной нормы и не делали различий между просодической структурой шведской литературной нормы в ее верхнешведском варианте и просодической структурой юншведских диалектов, обозначая в них долготу согласных. Однако уже давно отмечалось, что долгие согласные в диалектах

Сконе, Блекинге и Халланда (области, отошедшие к Швеции в XVII в.) гораздо короче верхнешведских долгих согласных. Э. Гординг замечает, что длительность краткого согласного составляет 90% длительности долгого согласного в южношведском варианте нормы⁵, а диалектологи, описывающие диалекты южной Швеции, определяют долготу согласного только по длительности предшествующего гласного⁶. Отличие просодической структуры диалектов южной Швеции от просодической структуры верхнешведской литературной нормы проявляется и в существовании в них типа слога с долгим гласным, за которым следует два согласных; при этом возникают противопоставления CV'CC - CVCC (ср., например: /ä'rja/ "пахать" - /bärja/ "давать приют", /gni'sta/ "искра" - /nis-ta/ "незасеянная часть поля", /ræsta/ "трясти" - /ræ'sta/ "отдыхать", /tå'vta/ "тяжело дышать" - /kåsta/ "стоять", /fä'rja/ "красить" - /färja/ "паром", /kå'st/ "метла" - /kast/ "пища", /præ'st/ "священник" - /häst/ "лошадь")⁷. Такое противопоставление корневых морфем типа CV'CC и корневых морфем типа CVCC невозможно в изохронической системе шведско-норвежского типа, где тип CV'CC возможен только при существовании морфологической границы между двумя согласными (ср., например, шв. лит. *fin* - *fint* /fi:nt/, форма ср. рода), тогда как корневая морфема всегда остается долгой (/fi:n/). В диалектах южной Швеции мы имеем дело с "долгими" и "краткими" корневыми морфемами, что роднит их с датской литературной нормой (ср., например, датск. лит. *faste* /fa'sde/, inf. - *faste* /faste/, adj. pl.). Такие противопоставления свидетельствуют об отсутствии изохронии и о релевантности способа примыкания и слога-деления (длительность гласного связана с типом примыкания).

Замена изохронии на примыкание в диалектах южной Швеции происходила без изменения фонологического окружения, при сохраняющемся нередуцированном гласном второго слога. Данные говоров Блекинге и Халланда не позволяют нам ответить на вопрос о причинах изменения слов типа *hul* в датском (судя по рукописям, /hūl/ > /hu:l/; судя по современной норме, /hu:l/ > /hūl/), поскольку судьба исконных краткосложных слов не отличается от судьбы исконных долгосложных слов в этих диалектах. Однако в говорах юго-восточного Сконе мы можем найти свидетельства разного поведения исконных краткосложных и исконных дол-

длительных слов в момент перехода от изохронии к контакту. В этих диалектах отмечают особую просодическую ситуацию. Исконные краткосложные слова могут иметь здесь два варианта — долгосложный и краткосложный (ср., например: /spI:la/ ~ /spIla/, шв. лит. *spela*, /ta:la/ ~ /tala/, шв. лит. *tåla*, /hu:l/ ~ /hul/, шв. лит. *håll*)⁸, а исконные долгосложные слова не могут иметь краткосложных вариантов. О. Ханссон считает, что в данном случае мы имеем дело с сохранением исконной древнескандинавской краткосложности, и слова с нестабильным количеством в говорах юго-восточного Сконе следует интерпретировать как краткосложные⁹. Однако отличие древнескандинавской краткосложности и краткосложности тех архаичных шведских и норвежских диалектов, которые сохранили исконную просодическую систему, от новой краткосложности датского и западногерманского типа заключается в отношении длительности к слогоделению в словах типа CVCV. Если в древних скандинавских языках и в архаичных диалектах долгота и краткость гласного не были связаны со слогоделением и все слоги в словах типа CVCV были открытыми, то в датском и в современных западногерманских языках краткость гласного всегда предполагает плотный контакт и нестделение слоговой границей согласного от предшествующего гласного. Именно с такой краткосложностью мы и имеем дело в диалектах юго-восточного Сконе. О том, что новые формы типа /spIla/ являются здесь вторичными, свидетельствуют и данные Х. Арескуга, который отмечает, что долгосложные варианты слов типа /spI:la/ характерны для говора старшего поколения, тогда как младшее поколение предпочитает краткосложные варианты (/spIla/), т.е. формы типа /spIla/ вытесняют формы типа /spI:la/, а не наоборот¹⁰.

В диалектах юго-восточного Сконе происходит становление корреляции примыкания, причем источниками форм с плотным примыканием являются удлинившиеся исконные краткосложные слова (/spI:la/), однако исконные долгие гласные не подвергаются сокращению. Х. Арескуг полагает, что разная просодическая судьба слов типа др.-исл. *rita* и *vita* в диалектах юго-восточного Сконе связана с особым качеством гласного в исконных краткосложных словах. Гласные в словах типа /spI:la/ качественно отличаются от гласных в словах типа /skri:va/. Фонологизация этих качественных различий произошла в момент становления изо-

хронии, когда просодически различавшиеся слова типа $\text{с}^{\text{в}}\text{с}$ и $\text{св}:\text{с}$ становятся просодически равноценными ($\text{с}^{\text{в}}\text{с} > \text{св}:\text{с}$), однако начинают различаться качеством гласных (т.е. $\text{с}^{\text{в}}\text{с} - \text{св}:\text{с} > \text{св}_1:\text{с} - \text{св}_2:\text{с}$). Такое изменение привело в диалектах юго-восточного Сконе к появлению шести новых гласных фонем /I/, /Y/, /Ü/, /U/, /O/, /A/. Эти новые долгие гласные в отличие от старых не были дифтонгизованы, имели напряженную артикуляцию и "требовали поддержки согласного для сохранения своего особого качества"¹¹. Инструментальные исследования этих гласных О.Ханссоном подтвердили слуховое впечатление Х.Арескуга, который, кроме того, установил различие исконных долгих и новых долгих по интенсивности. Новые долгие гласные имеют ровное распределение интенсивности, а исконные долгие имеют нисходящую интенсивность. Разное распределение интенсивности позволило О.Ханссону говорить о свободном примыкании исконных долгих к последующему согласному и о плотном примыкании исконных кратких¹². При изохронии способ примыкания и слогаделение иррелевантны, при противопоставлении типа /sI:le/, шв. лит. sele, и /si:la/, шв. лит. vila, мы имеем дело с одним изохроническим типом $\text{св}:\text{с}$, но с фонологически релевантным противопоставлением гласных по качеству. Однако при изменении просодической корреляции от изохронии к контакту иррелевантный ранее признак способа примыкания приобретает фонологическую значимость, что и приводит к установлению зависимости длительности гласного от способа примыкания. Устанавливается связь свободного примыкания с долготой гласного, а плотного - с краткостью, что и приводит к сокращению гласного в словах типа /sI:le/ > /sile/. Такое сокращение гласного должно привести и к дефонологизации качественного различия гласных, поскольку гласные одного качества оказываются возможными только в словах со свободным примыканием (ср., например, /si:le/), гласные другого качества - только в словах с плотным примыканием (ср., например, /sile/). Качество гласного оказывается в данном случае выражением типа контакта. Это изменение еще не завершилось в диалектах юго-восточного Сконе. Здесь господствует ситуация сосуществования изохронии и контакта.

Таким образом, ситуация в диалектах юго-восточного Сконе помогает дать ответ на вопрос, почему датские рукописи отража-

ют удлинение исконных краткосложных слов (т.е. становление изохронии), а в современном датском языке эти слова вновь оказываются краткосложными. Если мы предположим, что изменение просодической структуры датского языка происходило по той же модели, что и изменение исконно датских диалектов юго-восточного Сконе, то ответ на этот вопрос оказывается не столь сложным. Вначале в датском происходило удлинение всех типов исконных краткосложных слов, что и нашло отражение в рукописях, однако гласные в новых долгосложных словах качественно отличались от гласных в исконных долгосложных словах теми же характеристиками, которыми отличаются новые и старые долгие гласные в диалектах юго-восточного Сконе. Именно эти характеристики, и прежде всего отсутствие дифтонгизации и ровная интенсивность гласных исконных краткосложных слов, и явились теми признаками, которые способствовали установлению в них плотного контакта, что привело, в свою очередь, к исчезновению качественных различий.

П р и м е ч а н и я

- 1 Кузьменко В.К. Корреляция контакта и толчок в датском языке // Лингвистические исследования 1981: Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков. М., 1981. С.106-114.
- 2 V o b e r g V. Undersøgelse om de danske vokalers kvantitet // Arkiv for nordisk filologi. 1898. Bd 12(8).S.315-320; S k a u t r u p P. Det danske sprogs historie. Bd 1. København, 1944. S.236.
- 3 J a k o b s e n L. Studier til det danske rigesproghistorie fra Eriks lov til Christian III-s bibel. København; Kristiania, 1910. S.42; H a n s e n Aa. Den lydlige udvikling i dansk fra ca 1300 til nutiden. I. København, 1962.S.333-388.
- 4 Ibid.
- 5 G ä r d i n g E. Kontrastiv prosodi. Lund, 1974. S.27.
- 6 W i g f o r s s E. Södra Hallands folkhäl. Ljudlära // Svenska landsmål och svenskt folkliv. 1913-1918. N 123, 131, 138, 141. S.XI.
- 7 H a n s s o n Å. Fonematiska studier i skånska dialekter. Lund, 1969. S.26; A n d e r s e n B. Varianter, manifestation og kvantitet // Studier i dansk dialektologi og sprog-historie tilegnede P.Andersen / Red. K.Hald e.a. København, 1971. S.27-28.

- 8 H a n s s o n Å. Op. cit. S.95-100.
 9 Ibid.
 10 A r e s k o u g H. Studier över det sydöstkäniska dialektområdet. Lund, 1957. S.262.
 11 Ibid. S.698, 708-709.
 12 H a n s s o n Å. Op. cit. S.31-32.

JU.K.KUZMENKO. UTVECKLINGEN AV STAVELSESTRUKTUREN
 I SYDSVENSKA MÅL OCH I DANSKA RIKSSPRÅKET

En del av ursprungliga kortstaviga ord är kortstaviga i danska riksspråket (glad, hul, *øl* m. fl.) fastän handskrifter från 1300-talet visar att dessa ord undergick förlängningen på den tiden (glæsth, huul, *øul* m. fl.) Hur kunde dessa ord bli förkortade medan ursprungliga långstaviga ord bevarade sin kvantitet? Vi kan finna svaret på denna fråga om vi tittar på utvecklingen av stavelsestrukturen i sydöstkäniska dialekter, där förlängda ursprungliga kortstaviga ord håller på att förvandlas till kortstaviga medan ursprungliga långstaviga ord bevarar sin långstavighet. Sådan olika utveckling av förlängda kortstaviga och långstaviga ord beror på vokalerernas olika kvalitet. I de ursprungliga långvokaliska orden är vokalererna mer slutna, diftongiska och har fallande intensitet (och lös tillslutning), i de nya långvokaliska orden är vokalererna rent monoftongiska och har jämn intensitet (och fast tillslutning). Vid övergången från isochroni av högsvensk typ till tillslutningskorrelationen av dansk typ blir tillslutningsarten relevant och vokalererna förkortas just i ursprungliga kortstaviga ord.

Г.В.Воронкова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОНЕТИКИ КОЛИЧЕСТВА
 В НОРВЕЖСКОМ И ШВЕДСКОМ ЯЗЫКАХ

Известно, что количество в норвежском и шведском языках релевантно. Это положение подтверждают общно квазимононимы, в которых наглядно проявляются различительные способности количества: норв. vin - vind /vin - vin:/ "вино" - "ветер", hat - hætt /ha:t - hat:/ "ненависть" - "шляпа", våt - vått /vɔ:t -

vət:/ "мокрый" - "мокро", kule - kulde /kù:le - kùl:e/ "пу-
лч" - "холод", lete - lette /lè:te/ - /lèt:e/ "искать" - "ис-
кал"; шв. tät - tätt /tæ:t - tætt:/ - "плотный" - "плотно",
stöta - stötta /stö:ta - stöt:a/ "толкать" - "поддерживать",
ståt - stått /stø:t - støtt:/ "великолепие" - суффикс от глагола
stå "стоять" и т.д.

Однако такого рода противопоставления составляют лишь часть
возможных случаев функционирования количества в фонологических
системах указанных языков. Существует целый ряд силлабикванти-
тативных типов, которые выходят за рамки той системы, которая
была продемонстрирована выше. Слова, совпадающие с открытыми
слогами, оканчивающимися на долгий гласный, не противопостав-
ляются краткосложным моносиллабам (ср. норв., шв. nå, na, nu).
В силлабических системах указанных языков есть также отдельные
краткосложные слова с определенной морфологической структурой,
в которой как бы нарушается "закон слогового равновесия" (каж-
дый ударный слог - долгий). Ср. норв. fint /fi:nt/, ср.род от
fin "красивый"; шв. fint /fi:nt/, от fin - "тонкий" и т.д.

Дискуссия по вопросу количественных отношений в норвеж-
ском и шведском языках сосредоточена вокруг разных проблем.

Так, согласно теории квантитативности А.Ванвика, в норвеж-
ском языке релевантна долгота гласного¹. (Этой же точки зрения
придерживается М.Кластер-Енсен².) Пользуясь экспериментальными
данными, А.Ванвик доказывает, что долгота гласного при кратко-
сти согласного - автоматическое следствие количества гласного.
Э.Сивертсен, между тем, указывает на относительность долготы
сегментов в разных слогах. Гласный длиннее в сильноударенном,
чем в дополнительно ударенном слоге: /a:/ дольше в первом слоге,
чем во втором в слове latskar /lâ:tska:p/. Гласный дольше в
открытом, чем в закрытом слоге, он дольше перед lenes, чем пе-
ред fortes, /a:/ дольше в va /va:/, чем в vag /sa:g/, и он
самый краткий в /sa:k/³.

Фонологическая аргументация Ванвика построена также на том
фонетическом факте, что различие между долгим и кратким глас-
ными в сочетаниях разного типа оказывается всегда больше, чем
различие между продолжительностью долгого и короткого согласо-
го, из чего, согласно А.Ванвику, следует, что продолжительность
согласного не является индикатором согласного как члена оппо-

зиции. Фонетические эксперименты показывают, что удлинение или укорачивание консонантного звука может быть произведено без изменения значения слова, в то время как удлинение или укорачивание гласного звука приводит к изменению смысла слова. Из этого, в свою очередь, следует, что долгота согласного избыточна.

Нам представляется, однако, что автоматичность долготы согласного является фактом комбинаторики внутри слога, а не доказательством релевантности гласного, тем более, что для общей квантитативной структуры слога важен не коэффициент соотношения между долгими и краткими согласными и гласными в слогах разного типа, а протяженность гласного и согласного по отношению друг к другу в одном слоге. Тот же эксперимент показывает, что долгий гласный и краткий согласный или, наоборот, краткий гласный и долгий согласный составляют, тем не менее, подвижную внутреннюю структуру слога (абсолютная долгота согласного может быть в некоторых случаях несколько меньше абсолютной долготы гласного: последняя, по фонетическим данным, более стабильна, чем долгота согласных).

С.Н. Ла Пелль и С.Элиассон, занимавшиеся количеством также на материале шведского языка, представляют интересную концепцию, согласно которой в шведском релевантна долгота согласного, а долгий согласный — фонологическая гемината⁴. Рассматривая эволюцию восточноскандинавского ареала, В.Я.Плоткин касается вопросов квантитативных изменений в шведском (сходных с восточнонорвежскими историческими процессами) и указывает на то, что один из путей монофонемизации тавтоморфемных геминат является внесение в консонантизм оппозиции протяженности и превращение геминат в долгие согласные, ср. *ny* — *nytt*, *vå* — *våda*⁵. В качестве возражения В.Я.Плоткину можно было бы привести следующее. Сохранение долгого гласного перед сочетанием гласных в пределах одной морфемы (*grēsk*, *fīnt* и т.д.) свидетельствует, скорее, об обратной тенденции — о релевантности долготы гласного или предполагает другое решение, например, релевантность реверсивности ударных количественных структур *V:C* — *VC*: (основная формула) и их нейтрализации в отдельных случаях.

К.Я.Боргстрём считает, что дистриктивность количества в норвежском языке связана с последовательностью гласный — согласный⁶. Согласно Э.Сивертсен, долгота и краткость — это фо-

нетические характеристики долгих и кратких аллофонов одной фонемы, находящихся в комплементарной дистрибуции. Наиболее отчетливо эта точка зрения проглядывает у Э.Сивертсен там, где она описывает систему фонем норвежского языка со всеми ее реализациями⁷. (Ср. также концепцию У.Брока, который отмечает бесспорный факт скольжения с гласного на согласный (и наоборот)⁸.)

Дж.Вайнсток также придерживается мнения, что долгие гласные и согласные в норвежском языке находятся в комплементарной дистрибуции. Он приводит целый ряд правил долготы гласного и его укорачивания, которые являются перечислением многих случаев отклонения от закона "долготы ударного слога", обусловленных морфологическими факторами⁹.

Существует точка зрения, согласно которой релевантно не количество, а качество гласного, так как каждый краткий гласный имеет меньший развор, чем согласный. Поэтому в тоническом языке, каким является норвежский, слова типа *hat - hatt, vin - vind* - не минимальные пары (J.Будал)¹⁰. Нам представляется, что большая степень открытости долгих гласных - это аллофонический зависимый признак внутренней качественной структуры слова, и он может приниматься во внимание, но только как качественный зависимый аллофонический признак.

На условие качества, которое необходимо учитывать при анализе количества гласных, указывает также Л.Р.Зиндер в статье "Из заметок по фонетике современного шведского языка". Он пишет, что основным фонологическим противоположением, делищим в шведском языке гласные на две равные по числу фонем группы, является противоположение, которое условно обозначается как количественное, и отмечает целый ряд признаков, отсутствующих признаку количества: краткие более открыты, чем долгие, за исключением [e] и [ɛ]; [a] и [a] различаются по ряду; некоторые гласные переднего и среднего ряда дифтонгоидны; долгие гласные более напряженные, чем краткие. Опровергая предположения о релевантности только количественных характеристик звуковых единиц в шведском языке, Л.Р.Зиндер приводит следующие возражения: "Во-первых, различение долгих и кратких гласных основывается не только на количественном, но и на ряде других признаков, зависимость которых от длительности согласных была бы фонетически совершенно необъяснимой. Во-вторых, обе категории могут

встречаться в неударенном слоге; благодаря этому, между прочим, возможно факультативное произношение и с долгим и с кратким гласным таких слов, как личное местоимение jeg "я" или предлог på "на"¹¹.

На релевантность более чем одного признака в оппозиции "долгие - краткие" обращает внимание Э. Хауген, а позднее - А. Флифлет¹².

Совершенно в ином ключе анализируемая проблема решается фонологами, принадлежащими к генеративному направлению. Так, Т. Фрегхейм утверждает, что в норвежском языке существуют две формы ударных слогов: (C)V:C и (C)VC: (что, впрочем, не ново), первая формула - поверхностный феномен, вторая - глубинный¹³.

Одной из первых попыток решить проблему количества на уровне акцентов принадлежит А. Нурену, связывавшему краткость и долготу гласных со степенью силы динамического ударения. Нурен считает, что следует различать сильноударенные и слабоударенные гласные: в первом случае они долгие, во втором - краткие¹⁴. Если выразить суждение Нурена в терминах современной фонологии, то можно было бы сказать, что в шведском релевантна ударенность гласных, а их долгота - это редуцированный признак.

Однако первое фонологическое решение вопроса количества на уровне просодики принадлежит Н. С. Трубецкому. Он утверждает, что в норвежском, как и в некоторых других германских языках, происходит корреляция усечения слога, что это - категория просодических противоположений по способу примыкания, сильное и слабое примыкание слога к следующему согласному¹⁵. Б. Матльберг возражает на это, что различие в примыкании между гласным и последующим согласным не регулярно совпадает с различием в количестве и поэтому не существует свободного и плотного примыкания¹⁶.

Есть также мнение, согласно которому следует учитывать в решении исследуемой проблемы морфологический фактор. Так, с точки зрения Э. Гординг, проблему количества в ударенном слоге в шведском можно трактовать следующим образом: гласный долгий, если за ним не следует никакого согласного или только один согласный в пределах одной морфемы, в остальных случаях он краткий¹⁷.

Последовательно аргументированной просодической концепцией является концепция К.-Кр.Элрета, исследовавшего вопрос релевантности количества на материале шведского языка. Согласно К.-Кр.Элрету, просодему долгота нужно выделять как самостоятельную единицу, примыкающую к сегменту¹⁸. Подробное изложение концепции К.-Кр.Элрета и ее критику см. в рецензии С.С.Маслоной-Лашанской и Ю.С.Маслова на его книгу "Phonology Studies of quantity in Swedish based on material from Stockholm speakers". В этой же рецензии предлагается свой подход к решению проблемы релевантности протяженности звуковых реалий в шведском языке: долгота согласных "в громадном большинстве случаев обусловлена в шведском языке фактом краткости предшествующего ударенного гласного"¹⁹. Следует отметить, что в своих более поздних работах К.-Кр.Элрет проводит морфологический анализ количества в шведском, опираясь на другие принципы анализа. Он рассматривает ударные и неударные алломорфы существительных с определенной и неопределенной формой в ед. и мн. числе (4 параметра), подключая к своему анализу также и тонический акцент. Таким образом, он выделяет 68 типов морфофонема. Другие части речи не попадают в сферу его анализа²⁰. Работая дальше над этой проблемой, он создает модель воспроизведения и восприятия шведской просодики, в которой учтены вкуче количественные, динамические и тонические характеристики лексем и синтаксических единиц²¹.

Несколько иначе рассматривал этот вопрос Х.Футт: дистинкция типа /ta:k/ versus /tak:/, /vi:s/ versus /vis:/ в норвежском языке — явление просодическое, поскольку фонемные последовательности противопоставляются как целые единицы: [a:] и [a], [i:] и [i] нельзя рассматривать как пары разных фонем, поскольку члены этих оппозиций никогда не используются для дифференциации значений слов; [a:] и [a] никогда не встречаются в одинаковом положении, они не коммутабельны (то же можно сказать об [k] и [k:]). Как указывает Х.Футт, нам даны лишь систематические оппозиции фонемных последовательностей. Поэтому если следовать обычному определению просодемы, то естественно интерпретировать рассматриваемое явление как дистинкцию между двумя просодическими типами: имеется одна фонема /a/ и одна фонема /k/, их комбинация /ak/ всегда принадлежит к одному из двух

типов, типу I в /a:k/ и типу II в /ak:/²². Эта точка зрения представляется исключительно убедительной.

На слоговом уровне решает вопрос количества в норвежском и шведском языках С.Д.Кацнельсон. Как он считает, все слоги в шведском и норвежском "государственных" языках распадаются на две группы - сильные, к которым относятся слоги с главным и второстепенным ударением в сложных словах и сильноударенные слоги в простых словах, и слабые, к которым относятся слоги со слабым ударением и безударные в простых словах²³. Сильный слог, как известно, в основном, всегда долгий, слабый - почти всегда краток. Говоря о просодической корреляции длительности слога, С.Д.Кацнельсон имеет в виду прежде всего своеобразную структуру закрытых долгих слогов, т.е. слогов, которые, как правило, имеют долгий гласный и соответственно краткий последующий согласный либо еще краткий гласный, "прикрытый группой согласных": tap [ta:p] "потеря" и tapp [tap:] "кран, болт, шип", sen [se:n] "поздний" и send [sen:] императив от sende "отправлять" и т.д. Как указывает С.Д.Кацнельсон (а также и многие другие исследователи), "различие этих типов наблюдается в любом сильноударенном слоге, а следовательно, и в слоге с сильным второстепенным ударением" (там же). Суть концепции С.Д.Кацнельсона заключается в том, что начальновысшие типы слога с долготой на вокалическом компоненте ядра противопоставляются конечновысшим типам с долготой на консонантном компоненте ядра: так "крыша" и так "благодарность" (ср. концепцию Х.Футта). С.Д.Кацнельсон называет это противопоставление просодической корреляцией длительности и считает, что решающим фактором в описываемом явлении является не парадигматическое противопоставление долгих и кратких фонем, а различие в местоположении вершины длительности в синтагматике²⁴. Если строить концепцию количества на материале долгих закрытых ударенных слогов, то концепция С.Д.Кацнельсона представляется неуязвимой. Аналогичной точки зрения придерживается также Ю.К.Кузьменко²⁵.

Как видно из вышеизложенного, концепция количества в норвежском и шведском языках исключительно многообразна, все они основаны на достоверных фактах и достойны большого внимания, так как в каждой из них имеется свое рациональное зерно. Эти концепции имеют разную направленность. Некоторые фонологи ре-

шают вопрос количества на сегментном уровне (релеванты долготы гласного, согласного, геминированность согласного, не существует релевантности одного количественного признака, долгий гласный и краткий согласный (и наоборот) – аллофоны одной фонемы). Другие фонологи настаивают на просодическом характере рассматриваемого явления (релевантно ударение, коррелирует слоги с разной степенью усечения, существует отдельная просодема количества, различаются два просодических типа сочетаний гласного с согласным, релевантно противопоставление слогов с разными точками приложения долготы). Разнообразие описанных концепций не случайно. Оно связано не только с теоретической сложностью вопроса, но также с тем, что само явление имеет непростую фактическую основу, и это позволяет предлагать тем или иным ученым разные фонологические решения. Безусловно, вопрос количества связан с проблемой слога и слогоделения (как в норвежском, так и в шведском), а также с морфологией и морфемикой указанных языков. Трудности сопоставления слоговых и морфологических характеристик заключаются в том, что слог и морфема как в норвежском, так и в шведском языках далеко не всегда совпадают.

В связи с этим представляется целесообразным создать модель количества, которая могла бы покрыть не только основные случаи распределения количества в долгих ударных слогах, но также и те случаи, когда слог имеет второстепенное ударение и соответственно разную степень долготы или когда слог ударен, но краток и т.д., а также могла бы вобрать в себя разные морфологические типы в пределах тех или иных словообразовательных и словоизменительных систем. Такую модель можно было бы назвать морфонологической.

Предлагаемая количественно-морфологическая модель включает в себя три класса (А, В, С), каждый из которых, в свою очередь, включает в себя как морфологические, так и фонетические параметры. Основанием для классификации количественно-морфологических особенностей норвежского языка является деление слов по способу образования: простые и производные словоформы (А), композиты (В), только производные (С). В классе А рассматриваются словоформы без скопления согласных на границах морфем, в классе В – словоформы со скоплением и без скопления согласных на грани-

шах компонентов, в классе С - словоформы со скоплением согласных на стыках морфем и с геминатами. Каждому классу свойственно свое сочетание ударных, безударных слогов и слогов с второстепенным ударением. Класс А: сильноударенные слоги + безударные, безударные + сильноударенные слоги (или, иначе, слоги с главным ударением). Класс В: сильноударенные слоги + слоги с дополнительным ударением. Класс С: сильноударенные слоги + безударные, безударные + сильноударенные слоги. Каждый из классов включает в себя практически все части речи, организованые в виде подклассов, и имеет дополнительные подразделения в этих подклассах как фонетического характера (как например, группы словоформ с разными типами слогов, распределенными по этим группам в зависимости от сочетаемости долгих и кратких элементов), так и морфологического характера (группы с разными типами морфологических единиц, долгих и кратких).

Эта модель, разработанная нами в результате эмпирического опыта, полученного при исследовании норвежского материала, может быть, как нам представляется, в основных чертах применена и к шведскому языку.

П р и м е ч а н и я

¹ V a n v i k A. 1) A phonetic-phonemic analysis of standard Eastern Norwegian // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1972. Bd 26, N 2. S.148-155; 2) Norwegian prosody // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1969. Bd 23. S. 75. - Аналогичную точку зрения на материале шведского языка см.: Linell F. Vowel length and consonant length in Swedish word level phonology // Travaux de l'institut de linguistique de Lund. 1978. XIII. P.123-133.

² K l o s t e r - J e n s e n M. Språklydlære. Bergen; Oslo; Tromsø, 1977. S.90-91.

³ S i v e r t s e n E. Fonetologi. Oslo; Bergen; Tromsø, 1976. S. 121. - В целом ряде работ по экспериментальной фонетике, посвященных количеству в шведском языке, исследуется относительная долгота гласных и согласных, зависящая от позиции того или иного звукового сегмента. См., напр.: F a n t C.G.M. Den akustiska fonetikens grunder. Stockholm, 1959. S.37f; P e t e r s o n G.E., L e h i s t e J. Duration of syllable nuclei in English // Journal of the Acoustic Society of America. 1960. N 32. P.693-703, а также работы Элберта, о которых будет говориться ниже.

⁴ E l i a s s o n S., L a P e l l e S.M. Generative regler för svenskan kvantitet // Svenskan beskrivning. Umeå. 1970. N 6. S.104-122.

5 Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем. М., 1982. С.86. - Интерпретация долготы в шведском как бифонемности согласного есть еще у Дальстеда; см., например: Dahl - v t e d t К.Н. Номонуми i nyuvsenska // Nyuvsenska studier.1965. Bd 45. 3.72.

6 Borgström С.Нж. Innføring i Sprogvidenskap. Осло, 1958. S.34.

7 Siver t s e n E. Op. cit. S.121.

8 Broch O. Rhythm in the Spoken Norwegian language // Phonological Society's Transactions. London, 1935. P.94.

9 Weinstock J.M. A sketch of Norwegian phonology // The Nordic languages and modern linguistics: Proceedings of the International Conference of Nordic and General Linguistics. 1. Reykjavik, 1970. P.574.

10 Budal J. Norsk - eit symmetrisk tonespråk // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1969. Bd 23. S.107.

11 Зиндер Л.Р. Из заметок по фонетике шведского языка // Докл. и сообщения филол. ф-та Ленингр.ун-та. Л., 1949. С.199.

12 См., напр.: Naugen E. Norwegian-English dictionary. Oslo; Madison, 1965. P.37; Fliflet A.L. Syllable type and syllable perception // Phonetica. 1963. Vol.10, N 1-2. P.187-193.

13 Fretheim Th. Norwegian stress and quantity reconsidered // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1969. Bd 23. S. 77, 79, 80.

14 N s g r e e n A. Vårt språk. Lund, 1907. S.102.

15 Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960. С.243.

16 M a l m b e r g B. Quantitet als phonetisch-phonologischer Begriff // Lunds Universitets Årsskrift. 1944.Avd.1, Bd 41, N 2. S.13-41.

17 G å r d i n g E. Kontrastiv prosodi. Lund, 1974. S.27.

18 E l e r t C.-Chr. Phonology studies of quantity in Swedish based on material from Stockholm speakers. Uppsala, 1964, S.24.

19 Маслова-Дашанская С.С., Маслов Ю.С. [Рец]: С.-Chr. Elert. Phonologic Studies of quantity in Swedish based on material from Stockholm speakers. Uppsala, 1964. 225 с. // Вспр.языкозн. 1966. № 6. С.107-111.

20 E l e r t C.-Chr. Ljud och ord i svenskan. Stockholm, 1970. S.138-146.

- 21 E l e r t C.-Chr. Ljud och ord i svenskan. 2. Umeå, 1981. s.35, 38.
- 22 V o g t H. The structure of the Norwegian monosyllables // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1942. Bd 12. S.9.
- 23 Кацнельсон С.Д. Сравнительная акцентуация германских языков. М.;Л., 1966. С.80-81.
- 24 Там же. С.80.
- 25 Кузьменко Ю.К. Факторы фонологической эволюции скандинавских языков: Автореф. докт. дис. Л., 1984. С.13.

G.V.VORONKOVA. NOEN PROBLEMER AV KVANTITETSFONOLOGI
I NORSK OG SVENSK

I artikkelen analyseres forskjellige meninger om enheter som spiller distinktiv rolle i norsk og svensk. Forfatteren skaper sin egen deskriptiv morfonemisk kvantitetsmodell. Modellen består av tre klasser. Hver av dem forener både morfemiske og fonetiske faktorer.

Klass A. Enkle ordformer uten konsonantsekvenser på morfemgrenser. Stavelsestruktur: trykksterke + trykkvake stavelser eller trykkvake + trykksterke stavelser. Klass B. Sammensetninger med og uten konsonantsekvenser på morfemgrenser. Stavelsestruktur: hovedtrykk på det første leddet og bitrykk på det andre leddet eller hovedtrykk på det andre leddet og bitrykk på det første leddet. Klass C. Enkle ordformer og derivasjonsformer med konsonantsekvenser på morfemgrenser. Stavelsestruktur: trykksterke + trykkvake stavelser eller trykkvake + trykksterke stavelser. Disse morfonemiske klasser inkluderer faktisk alle ordklasser og deler seg i mindre underklasser.

H.Н.Толстая

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПЕРЕВОДАМИ НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК
ПРОИЗВЕДИНИЙ АННЫ АХМАТОВОЙ

Самый полный сборник поэзии Анны Ахматовой на шведском языке вышел в 1978 г. в Стокгольме в переводах Ханса Бьёркгрена¹. В нем представлено 40 стихотворений из семи сборников, а также "Северные алегрии", "Реквием" и "Поэма без героя".

Как известно, существует два основных типа перевода. На одном полюсе перевод, воспроизводящий подлинник слово в слово; при этом в жертву нередко приносится эмоциональная, музыкальная и другие стороны поэзии. На другом полюсе — перевод, передающий прежде всего дух подлинника, не стремящийся к точной передаче стилистических фигур и отдельных слов. Конечная цель такого перевода — достижение аналогичного оригиналу художественного впечатления в целом. Перевод первого типа, собственно говоря, не перевод даже, а пересказ. Он может существовать как самостоятельный жанр, но его эстетическое и познавательное значение несравнимо с переводом второго типа. Безусловно, в поэтическом переводе невозможно добиться полного воспроизведения оригинала. Здесь речь может идти лишь о более или менее полном приближении к подлиннику. От степени этого приближения зависит качество перевода.

Особенность переводов Х. Бьёркегрена в том, что он так и не выбрал какую-либо из этих тенденций: в одном переводе преобладает одна, в другом переводе — другая.

Русскому и шведскому языкам одинаково присуще силлабо-тоническое стихосложение. Системы стихосложения этих двух языков соизмеримы, и осуществление одинаковых метрических схем в принципе вполне возможно. Шведская просодия может, таким образом, воспроизвести русскую просодию с большой степенью точности.

Переводчик русской поэзии неизбежно сталкивается с ритмизованной и рифмованной строкой подлинника. Что же касается шведской поэзии, то она приблизительно с конца 40-х годов отказалась и от размера, и от рифмы.

В пяти стихотворениях и в нескольких строфах "Поэмы оез герся" переводчик сохранил метрическую структуру оригинала²:

Перед этим горам гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними "каторжные норы"
И смертельная тоска (214).

Inför denna smärta hukar bergen
och den stora floden stannar upp.
Men av stål är riglarna och låsen,

bakom dem finns "fångenskapens hålor",
ensamhet och sorgenhet till döds (67).

В данном отрывке переводчик, как мы видим, не передает рифмы. В предисловии к сборнику Х. Бьёркегрэн пишет: "Я отказался от рифмы, кроме тех случаев, когда рифма казалась мне естественной и важной, так как возможности шведского языка в этом отношении так же слабы, как богаты в русском"³.

Лишь в одном случае переводчик использует рифму, однако при этом возникали дополнительные трудности — в частности, нарушен размер во второй строке:

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом,
Входит в шапке набекрень,
Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне (215).

Stilla flyter stilla Don.
Månen kommer till stugan grå.
Stiger in med kepsen på.
Ser en skugga i en vrå.
Skuggan av en kvinna spröd,
övergiven, utan stöd.
Fängslad sonen. Manen död.
Bed för mig i denna nöd (69).

Приведенные примеры показывают, что переводчик то использует, то не использует рифму по собственному усмотрению, и у читателя создается впечатление, что таков и оригинал.

При переводе какая-то часть стихотворения неизбежно терится, но при этом по необходимости вводится материал, которого в подлиннике нет. Поэт-переводчик должен обладать большими знаниями и развитой интуицией, так как ему самому приходится определять, какие элементы подлинника наиболее существенны, а какими можно пожертвовать.

Одна из особенностей лирики Ахматовой заключается в лаконичности и простоте поэтических средств. Синтаксические структуры оригинала в большинстве случаев сохранены, но в ряде стихотворений заметна тенденция переводчика к усложнению синтаксических конструкций.

1. Трансформация эллиптических предложений в полные:

Как под стеклом дерева, стены, снег (202),

Som genom glas syns träd och snö och murar (58).

Над мною блуждающий вечер
И дыханье тихой земли (29).

Över mig vandrar vinden
och andas min tysta jord (30).

Встречается и противоположная тенденция - переводчик использует эллиптическую конструкцию, отсутствующую в оригинале:

Птицы смерти в зените стоят (233).

Dödens fåglar i zenit (63).

2. Преобразование односоставных предложений в двусоставные:

Приговор... И сразу слезы хлынут (214).

Domen faller... gnäst kommer gråten (68).

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье (74).

Jag besökte poeten. Det var
vid middagstid, en söndag (38).

Б.М.Эйхенбаум считал основными особенностями поэзии Ахматовой "лаконизм и энергию выражения"⁴. Прилагательные Ахматова употребляет скупое, у нее нет случайных эпитетов. Переводчик, однако, часто опускает и эти немногие прилагательные, никак не компенсируя потери:

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел (220).

Magdalena skakade av gråt,
lärjungen stod som förstenad (74).

Земная слава как дым,
Не этого я просила (138).

Som rök är berömmelsen;
jag önskade den aldrig (47).

А скорбных скрипок голоса
Поэт за стелющимся дымом (47).

Jag hörde fiolernas sånger
som genom rökar (35).

В тесной горнице плакали дети (215).

Från sovrummet hördes barngråt (69).

Из всех переводов сборника наиболее точно передано значение слов, построение фраз и их эмоциональная окраска в "Реквиеме". Однако в силу того, что перевод дан прозаический, исчезли смысловые пропорции, привычные именно для стиха. То, что в оригинале было вполне органично, в переводе воспринимается как стилистическая условность. В "Реквиеме" помимо лирической стороны очень сильно эпическое начало, которое как раз и требует, в известной мере, точной передачи быта и его реалий. Между гирькой опытного бандита, о которой говорит Ахматова, и князем, введенным в стихотворение Х.Бьёркегреном, большая стилистическая разница. Вряд ли слово "спальня", употребленное переводчиком, соответствует ахматовской "тесной горнице".

В мае 1989 г. в Швеции вышла "Антология русской поэзии", охватывающая период от Державина до Бродского. В этой антологии Ахматова представлена 12 стихотворениями в переводе Ханса Бьёркегрена, причем 4 стихотворения ранее входила в упомянутый выше сборник, но даны в новых переводах. Приведем здесь подлинник одного из них и его переводы 1978 и 1989 гг.:

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что зность, что свобода
Пред милой гостьей с лудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: "Ты ль Данту диктовала
Страницы "Ада?" Отвечает: "Я" (196).

När jag väntar på henne om natten
tycks allting ödesdigert.
Vad är ära och ungdom och frihet
mot gästen med sin herdepipa!
Så kom hon. Hon sköt undan slöjan
och såg på mig uppmärksamt.
Jag sade: "Var det du som dikterade
Dantes helvetessidor?" Hon svarade: "Ja" (55).

Om natten när jag väntar hennes ankomst
tycks livet hänga på en tråd ibland.
Men vad är ära, frihet, ungdom, hågkomst
inför en gäst med rörflöjt i sin hand.
Och plötsligt stod hon där. Vek undan kanten
av slöjan. Såg på mig. Då sade jagg:
"Säg, är det du som har dikterat Dantes
infernossidor?" Och hon sade: "Ja" 5.

Как видим, в более позднем переводе переданы размер подлинника и рифма, в то время как в первом варианте этого нет. В первом варианте ахматовские слова "Жизнь, кажется, висит на волоске" переведены высокопарно и банально: "tycks allting ödesdigert". Во втором варианте та же строка передана как "tycks livet hänga på en tråd ibland", что полностью соответствует очень конкретной фразеологии Ахматовой.

Сравнивая два перевода одного и того же стихотворения, можно сделать следующие выводы: если первый перевод дает весьма туманное представление об оригинале, то во втором варианте переводчик приблизился к эмоциональному звучанию ахматовского стихотворения. За годы, прошедшие между выходом в свет первого и второго сборников, переводчик проделал большой путь и доказал, что в шведском языке есть более значительные резервы для перевода русской поэзии, чем мы себе представляем.

Примечания

¹ А с h м а т о в а, Анна. Ett poem utan hjälte och andra dikter. Stockholm, 1978.

² Здесь и далее в скобках указаны страницы сборников: А х м а т о в а, Анна. Лирика. М., 1989; А с h м а т о в а, Анна. Op. cit.

³ А с h м а т о в а, Анна. Op. cit. S.15.

⁴ Э й х е н б а у м Б. О поэзии. Л., 1969. С.89.

⁵ R у с к дikt från Derzjavin till Brodskij. Stockholm, 1989. S.236.

N.N.TOLSTAJA. NÅGRA IAKTTAGELSER OM ÖVERSÄTTNINGEN AV ANNA ACHMATOVAS LYRIK TILL SVENSKA

Hans Björkegrens översättning av Achmatovas poesi (1978) är den största lyrikboken av Anna Achmatova på svenska. Achmatovas poesi är till sin form enkel, talspråkig och lättillgänglig.

H.Björkegrens tolkning kännetecknas av fri versform, oftast undiker översättaren rim. Achmatova använder adjektiv mycket sparsamt, hon har inga tillfälliga epitet. Översättaren avstår ofta från originalets adjektiv utan att kompensera förlusten.

O.A.Комарова

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ ЯЗЫКОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ СКАЗКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Английская литературная сказка, действие которой происходит где-то между миром реального и ирреального, возникла в Англии не так давно, в десятых годах нашего века, но исторически восходит еще к творчеству Свифта¹. Одним из самых популярных авторов этого жанра является А.Милн, книги которого о приключениях Винни-Пуха известны во всем мире. Первый перевод его книги в Норвегии появился еще в 1932 г., но подлинную любовь читателей принес ему перевод Т.Эгнера, выдержавший с 1974 по 1988 г. одиннадцать изданий. Не случайно, конечно, что Т.Эгнер, так же как и Б.Захóдер, автор русского перевода, — известный

детский писатель, автор сказок, любимых детворой. В данной статье мы постараемся выявить те черты языка, которые характерны для жанра сказки, и проследить, как эта специфика отразилась в русском и норвежском переводах, обращая особое внимание на норвежский перевод Т.Эгнера².

Английская литературная сказка обладает устоявшимися традициями в композиционном плане, в методах создания художественных образов и в лексико-синтаксическом строе языка³. Для языка этого жанра характерна особая экспрессивность, рассчитанная на то, чтобы оказать воздействие на детское восприятие. Одно из требований к переводу заключается в его доступности, которая понимается как соответствие языка особенностям детской психологии.

Экспрессивность языка — самая яркая черта литературной сказки. Достигается эта экспрессивность использованием особых средств, как синтаксических, так и лексических. Синтаксис характеризуется обилием коротких, динамических предложений в диалоге и в авторском повествовании. Сложноподчиненные предложения, в основном, содержат придаточные времени и места, что свойственно и живой речи. Восклицательные предложения в авторской речи служат для привлечения внимания детей к наиболее важным моментам повествования. Если обратиться к текстам переводов, мы увидим, что переводчики стремятся сохранить живость и естественность языка оригинала. Выделим некоторые наиболее характерные моменты.

Исследователи отмечают, что авторская сказка строится в Англии как многоголосье: голос автора вмешивается в повествование — это или прямое обращение к читателю, или комментарий к поступкам героев⁴. У Милна в начале книги рассказчик (отец Кристофера Робина) обращается прямо к сыну; рассказывая о приключениях Винни-Пуха, напоминает мальчику об эпизодах из его жизни, естественно всюду появлению личных местоимений 1-го и 2-го лица. Показательно, что этот прием не сохранен ни в норвежском, ни в русском переводах: там всюду ощущается отчужденное рассказчика от персонажей — употребляется местоимение 3-го лица или имя: *said you* (10) — *sa Kristoffer Robin* (14) — сказка Кристофер Робин (333); *You had been to a party* (10) — *Nu var det vâ heldig at Kristoffer Robin...* — А как раз накануне

Кристофер Робин был в гостях (331). И в отступлениях оба переводчика вводят вместо авторского "я" - "папу": I said - (20) - va faren (21) - папа кивнул (335).

На наш взгляд, переводчики не захотели нарушать единый план повествования: следуя литературной сказочной традиции своих стран, они отказались от введения литературной рамки повествования.

Как уже говорилось, для синтаксиса литературной английской сказки характерно употребление простых по структуре предложений, преобладание сочинительной связи. Такие предложения не только описывают последовательные действия, но и придают тексту динамизм. Как правило, переводчики сохраняют эту особенность: So Piglet put the jar at the bottom of the pit, and climbed out, and they went off home together (61) - Nøff satte honningkrukka i bunnen av elefantgruven, klatret opp, og så gikk de sammen hjemover (55) - И вот Пятачок поставил горшок на дно ямы, вылез оттуда, и они пошли домой (358); So he went to the larder, and he stood on a chair and reached up to the top shelf, and found - nothing (61) - Derfor gikk han bort til matskapet, krabbet opp på en stol og strakte seg opp til det øverste hylle og fant - ingenting (56) - Он полез к буфету, влез на стул, пошарил на верхней полке и нашел там пустоту (358). Отметим попутно, что в норвежском переводе пропадает неожиданность английского предложения.

Простота структуры английского текста усиливается в норвежском переводе тем, что сочинительным союзом og в нем открывается гораздо больше предложений, чем в оригинале союзом and: He left Rabbit and hurried down to Piglet's house (111) - Og Brumm forlot Petter Sprøtt og skyndte seg til Nasse Nøff (102). Таких примеров много, и это создает особый ритм и интонацию повествования, близкую к устной речи. Если мы сравним чуть более длинный отрывок текста с норвежским переводом, нельзя не заметить, что они различаются именно по рисунку интонации: Owl lived at the Chestnut's, an oldworld residence of great charm, which was grander than anybody else's, or seemed so to Bear, because it had both a knocker and a bell-pull. Underneath the knocker there was a notice... (46) - Ugla bodde i "Kastanjeslottet", et stort hus som var finere enn alle andre hus, det

syntes i alle fall Ole Brumm. For huset til Uglå hadde både dørhammer til å banke på med og klokkesnor til å ringe på med. Under dørhammeren var det en plakate, og på den sto det skrevet... (43). В переводе предложение поделено на более короткие части, и последняя вводится союзом og. Необходимо отметить и употребление параллельной определительной структуры в переводе: til å banke på med - til å ringe på med. Вообще переводчик любит употреблять двойные сказуемые или обстоятельства, как это часто делается в норвежской народной сказке: ...and they all pulled together (309) - og de dro og de dro og de dro (31); He tried singing "Ho" two or three times... (107) - han prøvde omigjen og omigjen... (98).

В норвежском переводе часто встречаются характерные для жанка сказок сочетания парных прилагательных в прецикative: "Oh", said Pooch (122) - "Åh" sa Ole Brumm forundret og stolt (112); He gave a deep sigh (157) - Han sukket trett og glad (143); ...said Pooch rather dolefully (154) - ...sa Brumm, skuffet og lei seg (140). Это вносит в нейтральный текст оттенок ритма сказочного повествования, особенно если учесть, что и некоторые лексические клише заимствованы переводчиком из сказок: One day when he was out walking, he came to an open place in the middle of the forest, and in the middle of this place was a large oak-tree, and, from the top of the tree, there came a loud buzzing-noise (4) - Da han hadde gått langt og lenge, kom han til en åpen plass i skogen. Der stod et stort eiketre, og oppe fra toppen av eiketreet summet det og summet det (9). Отметим помимо клише gå langt og lenge также измененную структуру фразы и усилительный повтор - summet det. (Особенностью норвежского текста является и использование сочетания глагола движения с причастием другого глагола, характеризующего это действие. Помимо того, что переводчик доносит до читателя структуру оригинала, он и сам использует этот прием: So when Winnie-the-Pooch came stamping along... (43) - da han så Ole Brumm komme traskende... (40). Ср.: Winnie-the-Pooch was walking through the forest one day (20) - Ole Brumm kom en dag ruslende gjennom skogen (22) - услышав тяжелые шаги Винни-Пуха...)

Еще одним из средств создания экспрессивности является использование синтаксической инверсии - инверсии частицы при гла-

голе, особенно во фразах с сильным логическим ударением: "Come in", said Kanga, and in came Christopher Robin (104) - "Kom inn", sa Kengu. Og inn kom Kristoffer Robin (95) - И вошел Кристофер Робин (382). Переводчики часто сохраняют этот прием, хотя в русском переводе он не очень эффектен ввиду свободного порядка слов русского языка.

Особенно бережно доносят оба переводчика этот прием, когда он используется в параллельных конструкциях: "Crash" went the Heffalump's head against the tree-root, "Smash" went the jar, and out came Pooh's head again (68) - *Så Fang - slo elefantens hode mot trerota, krukka gikk i knas og ut kom hodet til Ole Brumm* (63) - Трах! - горшок разбился вдребезги. Бах! - и появилась голова Винни-Пуха (361).

Эмфатический порядок слов может выполнять двойную функцию - экспрессивную и логическую. Логическое ударение широко используется в норвежском переводе в синтаксической форме усиленной конструкции *det var... som*. И этот прием переводчик использует шире, чем А.Мылин, основываясь на распространенности его в народной сказке.

Исследователи английской авторской сказки отмечают присущую ей эмоциональную интонацию, отраженную как в особой синтаксической структуре текста, так и в его графическом оформлении. Эмоциональность отражается не только в обилии восклицательных предложений, но и при помощи выделения слов курсивом или написанием с заглавной буквы. Как справедливо утверждает Т.В.Доброничкая, эта особенность связана с тем, что большинство подобных произведений рассчитано на чтение вслух, при котором важно интонационное выделение⁵. Выделение акцентированных слов написанием с заглавной буквы в русском переводе сохранено почти всегда, в норвежском же почти всегда отсутствует: *The Very Deep Pit* (100) - *den veldig dyre gropa* (92) - Очень Глубокая Яма (355). Правда, норвежский переводчик иногда компенсирует этот прием аллитерацией: *Big Boots* (108) - *de store gumnistøvle sine* (100) - Походные Сапоги (385), однако в целом отказ от такого графического выделения несомненно ведет к утрате передачи внутреннего состояния персонажей. Значительную роль в передаче внутреннего мира героев сказки в английском тексте играет также шрифтовое выделение слов - разрядкой или курсивом.

Надо сказать, что и норвежский, и русский переводы почти всегда передают эту особенность оригинала, при этом создается иллюзия сопереживания, особая выразительность повествования.

Таким образом, особенности структуры предложений и текста передаются в обоих переводах, однако в норвежском ощущается явная связь с традиционным синтаксисом народной сказки, имитирующим устную речь.

Рассмотрим несколько вопросов, связанных с передачей особенностей лексики оригинала. Немаловажную проблему решают переводчики, представляя читателю своих героев. Проблема перевода собственных имен неоднократно рассматривалась в плане теории, так и практики перевода⁶. В книге Милна имена персонажей часто значимые (Rabbit, Owl), имеющие пояснения (Winnie-the-Pooh) или построенные на звукоподражании. В переводе, как известно, возможны различные варианты — от транслитерации и калькирования до смысловых эквивалентов.

Имя главного героя в русском переводе передано путем транслитерации, тогда как имя Пятачок сохраняет как семантическую связь с исходным, так и морфологическую структуру (уменьшительный суффикс). В норвежском переводе вопрос принципиально решается иначе. Имена персонажей максимально приближены к традиционно сложившимся обозначениям зверей в норвежской сказке, как народной, так и литературной. По традиции звери получают сложное имя, состоящее из антропоморфического и анималистического элементов. Так, Ole Brumm соединяет одно из самых распространенных человеческих имен и звукоподражательный элемент brumme (рычать), который присутствует и в других наименованиях медведей, например, в сказке самого Т.Эгнера "Klatremus og de andre dyrene" действует персонаж Brumlemann. То же происходит и при наименовании других персонажей. Rabbit — Кролик получает имя Petter Spret (прыгун). Пятачок — ассоциативно связанное со сказочным обозначением поросенка Nasse Nøff, последний элемент звукоподражательный (фырканье). К сожалению, в норвежском переводе утрачено имя, построенное на звукоподражательном принципе в оригинале, Beure-Tuvvi — Иа-Иа, прелестно найденное полное соответствие в русском переводе. Самым простым оказались значащие имена Owl — Сова — Uglå, отметим присутствие ар-тяги женского рода, что, конечно, соответствует употреблению

его в фольклоре. Таким образом, хотя переводчики решают проблемы наименования персонажей разными способами, и русский, и норвежский читатель попадают в мир, адекватный тому, что изображен в оригинале.

Особая экспрессивность английской авторской сказки, о которой много пишут исследователи⁷, создается и лексическими средствами, среди которых лексические повторы, эпитеты, индидуальные сравнения, окказионализмы.

Наиболее сложные проблемы встают перед переводчиками при встрече с авторским окказионализмом. В книге Милна использованы различные окказионализмы, как по способу образования, так и по функции⁸. Любопытно посмотреть, как решают авторы переводов проблемы, с этим связанные. Так, при употреблении в тексте "орфографических" окказионализмов, отражающих или неправильность произношения, или специфику восприятия канонического слова, переводчики должны найти решение, отражающее внутреннюю логику окказионализма. В английском *plex ring if an rnsr is reqird* (46) отражены принципы фонетического письма, что в какой-то степени сохранено в русском переводе: Прошу нажать если не открывают (350); в норвежском ошибки в написании отражают лишь типичные детские ошибки в написании слов, сходных по звучанию, - *var enill ring på vira svar ånskes* (43). Характерно, что и при переводе поздравления внешне бессмысленный набор букв отражает детское шепелявое произношение, что в некоторой степени отражено в русском переводе и совершенно утрачено в норвежском: *Hiru Pary Bthuthdth thuth - da Bthuthdy* (80) - Про зря вля бя едине мрал дня, про зря вля бя (368) - *Jærtellig til lyk-ke me dagen* (73); опять норвежский переводчик строит фразу, используя орфографические ошибки детей. В английском оригинале окказиональным является название животного, которое хотят поймать Винни Пух и Пятачок, - *Heffalump*. Этот окказионализм строится на сочетании элементов канонической единицы как мотивирующего элемента (*lump*) с отражением неправильности произношения. В русском переводе решение найдено в сочетании элементов двух существующих слов - Слонопотам, что дало переводчику возможность блистательно обыграть окказионализм "слоняться". В норвежском переводчик упрощает задачу, вводя вполне обиденного "слона" и глагол *lumpe* для описания его действий. В

дальнейшем, однако, переводчик компенсирует эту утрату, прибегая к отражению фонетической игры слогами, свойственной оригиналу, при передаче возбужденной и от этого невнятной речи Пятачка: Help! Help! A Horrible Hoffalump! Hoff, hoff, Hellible Horrulump, Holl, holl, a hoffable Hellerump! (62) Hjerp, hjerp - en ele- ele- en eleferdig florefant -en-en forfryktelig elefant! (62). Переводчик передает прием оригинала, но использует большее количество канонических лексических единиц, что не столь экспрессивно (пропадает также аллитерация). Однако в русском переводе тоже не совсем удачно использован этот прием, перевод тяжеловесен: Слонасный ужопотам! Караул! Потасный Слоноужам! Слоноул! (361).

Авторские окказионализмы служат важным средством характеристики персонажей, не только передают их эмоциональное состояние, как в вышеприведенном примере, но и отражают недопонимание или незнание слова. Так обыгрывается автором новое для Винни-Пуха слово *expedition*, в русском переводе удачно найденное "исспедиция" не только близко по звучанию, но и семантически родственно искомому слову. В норвежском переводе автор идет, в основном, от принципа сходства звучания и структуры слова, так появляются *eksplosjon* и *ekkerlesjon*. Однако вариант *eksplosjon* (взрыв) вследствие полноты своего лексического значения несколько огрубляет замысел оригинала. В английском тексте окказионализм часто строится на взаимодействии факторов семантики и фонетики, что, несомненно, трудно полностью передать в переводе, поэтому в норвежском переводе пропадает окказионализм *humpy*, замененный каноническим *hopning*, в русском же написание отражает произношение - "миот". В норвежском тексте переводчик иногда компенсирует утрату окказионализма, усиливая интонационную окраску предложения. Так, не найдя эквивалента окказионализму *missage* (134), переводчик смягчает предложение: "It's a missage", he said to himself (134) - "Det må være en beskjed", sa han til seg selv (121); ср. энергичное: "Это спасание!" (397).

Авторские окказионализмы в значительной степени пронизывают все повествование и нередко являются средством речевой характеристики персонажей, особенно Винни-Пуха. Есть в его речи и окказионализмы, построенные по действующим морфологическим

моделям, но противоречащие узусу в силу своей семантики. Так, упоминавшийся уже *hunny* имеет явную смысловую связь с каноническим *Funny*, но построен по орфографическому принципу. Окказионализм *trappy* выстроен морфологически правильно, но неверен по своему смыслу, поскольку от существительного по такой модели образовать прилагательное нельзя: "Honey was a much more trappy thing than Hayscorns" - honning er mye lukere enn nåtter. В этом предложении окказионализм *hayscorns* чисто фонетический, переводчик переводит его канонической лексической единицей, так же как и прилагательное *trappy*, не решив тем самым проблемы. В русском переводе используется окказионализм "приманочней", что является полным и смысловым и морфологическим эквивалентом английского слова.

Гораздо проще для перевода окказионализмы, сохраняющие связь с опорным элементом: a squeaky Roo-noise (92) - en pipende kengubarn-lyd (94) - Пятачок что-то пискнул, точь-в-точь как Ру (387). Переводчики строят описательный перевод, сохраняя в качестве главного элемента каноническую лексическую единицу. Такой прием помогает переводчикам передать игру слов, нередкую в английском тексте: "It's just the place", he explained, "for an Ambush". - What sort of bush? A gorse-bush?" (119) - "Dette er akkurat et sånt sted hvor man kan vente et busk-angrep", sa han. "Hva slags busk mente han?" (106) "Это как раз подходящее место для засад". - "Какой сад?" В обоих переводах обыгрывается мотивирующая часть непонятого слова. Правда, этот прием не всегда помогает норвежскому переводчику, и в таких случаях он прибегает к упрощению текста, что обедняет атмосферу словесной игры, свойственную сказке Милна. Одним из примеров языковой характеристики персонажей является нарочито наукообразная речь совы: "Well", said Owl, "the customary procedure in such cases is as follows... What does Crustimoney proceed-sake mean? (45). В английском тексте окказионализм строится на использовании канонических лексических единиц в искаженном сочетании, близком по фонетическому облику обыгрываемым словам, в норвежском переводе этот момент не находит отражения, переводчик прибегает к разъяснительной фразе, что сразу делает эпизод менее забавным: "Jaha", sa Ugla, "la meg se. Den sedvanligste framgangsmåten i et sånt tilfelle er at man setter opp

en premie som belønning. - Brumm så alvorlig på ugla. "Ugle", sa han, "du sier så mange vanskelige ord" (35). Научнообразность и книжность лексики Соны отражены вполне адекватно, но утрачен столь важный для детей элемент игры. Сравним с интересной находкой Б.Заходера: - Ну, - сказала Сова, - обычная процедура в таких случаях нижеследующая... - Что значит Бычья Цедура? - сказал Лух (351). Здесь окказионализм строится, как и в оригинале, на фонетическом созвучии при неверном смысловом членении словосочетаний.

Сравнение переводческих поисков решений показывает, как по-разному подходят переводчики к нужному способу. Поучительно, какие соответствия предлагаются для загадочных и по фонетическому облику страшных зверей *Woozle* и *Wizzle*. В русском переводе используются существующие в детском фольклоре обозначения, так же как и английские, построенные на аллитерации, - Бука и Бика. Норвежский переводчик не находит точного обозначения, эквивалентного по форме оригиналу, и прибегает к описательному приему - неназванный зверь может быть еще страшнее для ребенка: "Oh, Pook! Do you think it's a a-a Woozle? (34)", "...It's either Two Woozles and one, as it might be, Wizzles and one, if so it is, Woozle" (38) - "Brumm, tror du det er en - en -en" (33), "Nei", sa Ole Brumm, "dette er et annet slags spor, eller, kanskje det kan være to store og kanskje en liten..." В первом из этих вопросов автор сохраняет неопределенность оригинала, сохраняя неопределенный артикль и опуская существительное, сплать-таки не называя их. Прием смысловой сохранен, форма выражения - иная, чем у Милна и у Заходера, и менее выразительная.

Лексическое своеобразие английского текста состоит и в употреблении автором лексических повторов, часто построенных по звукоподражательному принципу. В переводах - и русском и норвежском - сохранить этот прием удастся не всегда, но в таких случаях переводчики ищут способ компенсации. Так, вместо: He began whistling a whistle - trallet på sin lille vise - He made up a little hum (20) - появляется puplet han en liten vise (21); в русском переводе звуковой образ несколько меняется - "песенка-ворчалка". В норвежском тексте разные виды этих песенок становятся из звукоподражательных различными по настроению

и величине песенками: han trallet en sang; han sang en liten stubb. Однако звукоподражательные элементы не исчезают совсем: ...in a moment I heard Winnie-the-Pooh bump-bump-bump going up the stairs (19) - litt etter hørte faren at det sa donk-donk-donk i trappene (21).

Как уже отмечалось ранее, языковой строй норвежского текста синтаксически, интонационно близок к народной сказке, традициям устной речи, что в значительной мере компенсирует некоторые лексические утраты. В русском переводе, который автор называет "пересказом", ощущается большая вольность в обращении со словом, переводчик стремится донести, скорее, общее настроение и атмосферу английской сказки. Примечательно в этом смысле, что перевод стихов очень ярко показывает позицию каждого из переводчиков. Эта тема заслуживает подробного исследования, необходимо указать лишь, что норвежские стихи тесно связаны с содержанием и формой английских, и переводчик не допускает самовольных вставок, что нередко встречается в русском переводе.

В данной статье отмечены лишь некоторые, самые яркие особенности лексико-синтаксического строя сказки Милна. На наш взгляд, сопоставление способов передачи этой специфики в разных переводах позволяет заглянуть в лабораторию переводчика и, вместе с тем, выявить некоторые закономерности в системе переводческих соответствий.

П р и м е ч а н и я

¹ Брауде Л.Ю. Сказочники Скандинавии. Л., 1974. С.164.

² В статье используются тексты: Милн А.А. Winnie-the-Pooh. London, 1962; Милн А.А. Ole Brudd / Overrett av T.Egner. Oslo, 1988; Заходер Б. Избранное: Стихи, сказки, переводы, пересказы. М., 1981. - Ссылки на страницы даны в тексте.

³ Доброничкая Т.В. Стилистико-синтаксические особенности английской детской литературной сказки: Автореф. канд.дис. М., 1980. С.5.

⁴ Там же. С.10.

⁵ Там же. С.14.

⁶ Тетради переводчика. Вып.18. М., 1981.

7 Ладисова Н.М. Экспрессивность как элемент стиля английской литературной сказки: Автореф. канд. дис. Минск, 1981. С.7.

8 Елисеева В.В. Авторский окказионализм как средство создания комического эффекта: Автореф. канд. дис. Л., 1984. - В дальнейшем мы опираемся на концепцию структуры и функционирования окказионализмов, разработанную В.В.Елисеевой.

O.A.KOMAROVA. NOEN SPRÅKLIGE PROBLEMER VED OVERSETTELSEN
AV A.MILNE'S "WINNIE-THE-POOH"

Forfatteren behandler problemer tilknyttet oversettelsen av det litterære eventyr. Artikkelen bygges på den norske og den engelske oversettelsen av A.Milnes "Winnie-the-Pooh". Begge oversettere er populære i sine land som barnebokforfattere og deres forståelse av barnas psykologi gjør seg gjeldende i oversettelsen. De språklige problemer er tilknyttet eventyrets leksikalske og syntaktiske særegenheter, blant dem oversettelsen av egenhavn og, særlig ord spesielt dannet av Milne. På det syntaktiske planet er den norske oversettelsen nærmere stilen i norske folkeeventyr, mens på det leksikalske er den russiske oversettelsen mye nærmere A.Milnes forgerike språk. Sammenlikningen av de to oversettelsene skaffer en mulighet til å forstå bedre selve oversettelsesprosessen.

И.П.Куприянова

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЙОХАННЕСА В. ЙЕНСЕНА
(Эпопея "Долгий путь")

Йоханнес Вильгельм Йенсен (1873-1950), или Йоханнес В. Йенсен, как он сам называл себя, занимает почетное место в истории датской литературы. Еще при жизни он был причислен к классикам, его творчество оказало влияние на многих выдающихся представителей национальной поэзии и прозы. Богатство фантазии, яркое своеобразие художественной манеры, точность наблюдений - все это завоевало Йенсену высокое признание исследователей и широкий читательский интерес. Его произведения переведены на многие языки; в начале XX в. они пользовались достаточно широкой известностью и в нашей стране: в 1911-1912 гг. издательством В.М.Саблина было выпущено собрание сочинений Йенсена, в 20-х годах был опубликован перевод эпопеи "Долгий путь".

© И.П.Куприянова, 1991

Если художественное совершенство произведений Йенсена, как правило, не вызывает сомнений у литературоведов и критиков, в оценке их идейного содержания присутствуют существенные разногласия. Камнем преткновения неизменно оказывается культурно-историческая концепция развития общества, составляющая основу творчества Йенсена и прежде всего — цикла "Долгий путь". Диапазон упреков, адресуемых автору, простирается от иронических замечаний о наивности и псевдонаучности его взглядов до прямых обвинений в нищенстве, расизме и чуть ли ни в проповеди фашизма. Категорически отрицательные суждения неоднократно высказывались и советскими литературоведами. Вот несколько примеров. "Йенсен... привносил в свои произведения дух расизма (эпопея "Долгий путь")"¹. "Расовая рознь и капиталистическое государство представляются ему естественными и неизбежными... Расовые идеи проникают в его художественные произведения... в повествование "вторгается" навязчивая концепция — о разделении рас, о "единстве" людей Севера — от конунга до бонда"². "Роковую для его творчества роль сыграло увлечение писателя расовыми теориями и выдвигание на первое место чисто биологических и антропологических особенностей. Такова серия романов, объединенных под общим названием "Долгий путь"³.

Насколько обоснованы подобные суждения? Вопрос этот, принимая во внимание то место, которое творчество Йенсена занимает в истории скандинавской литературы, представляется весьма существенным и требующим объективного рассмотрения.

* * *

Йоханнес в Йенсен родился в городке Фарсё, в северной части Ютландского полуострова, по сей день сохранившей свое историческое название Химмерланд (предположительно — "Земля кимбров"). После окончания гимназии поступил на медицинский факультет Копенгагенского университета, но через два года покинул его, чтобы стать профессиональным литератором. В 1896 г. выходит первое значительное произведение Йенсена — роман "Датчане"; вскоре после этого он отправляется в США, где проводит несколько месяцев.

С этого времени странствия становятся неотъемлемой частью жизни Йенсена. Он побывал в большинстве европейских стран, не-

сколько раз совершал длительные поездки по США, в 1902-1903 гг. совершил кругосветное путешествие, посетив Египет, Индию, Малайю, Китай, Японию, Гавайские острова. Через десять лет он снова отправляется на Восток, откуда возвращается через Россию. Во время своих путешествий Йенсен стремится возможно глубже познакомиться с бытом, нравами, культурными традициями представителей различных народностей, составить собственное представление об особенностях их психологического склада. Интерес к проблемам археологии, антропологии, этнографии писатель проявляет постоянно на протяжении всей своей жизни.

Творческий путь Йенсена начинается в самом конце XIX в., в период, отмеченный заметным спадом реалистических тенденций в скандинавской литературе, проникновением в нее крайне пессимистических настроений. Молодой писатель не избежал воздействия веяний времени, что нашло отражение в его первых романах - "Датчане" (1896) и "Эйнар Элькер" (1898). Трагическое представление о бессмысленности бытия, о неизбежной деградации человеческой личности и всего общества определяет тональность как этих произведений, так отчасти и одного из лучших творений Йенсена - исторического романа "Падение короля" (1900-1901).

Поворотным пунктом в развитии взглядов и творчества Йенсена стало посещение Всемирной выставки в Париже в 1901 г., впечатления от которого послужили толчком к созданию программного публицистического сборника "Готический Ренессанс" (1901). Достижения научного и технического прогресса, продемонстрированные на выставке, вселили в писателя веру в силы человеческого разума; этот прогресс он трактует как возрождение беспокойного, вечно ищущего духа, свойственного, по его мнению, народам, ведающим происхождение от древних готам. Он считает, что прочность извечных основ культуры этих народов сделала их менее восприимчивыми к воздействию христианства, веками подавлявшего творческую энергию людей; их естественное стремление к познанию и освоению материального мира.

На протяжении последующих десятилетий Йенсен много и плодотворно работает как прозаик, поэт и публицист; из-под его пера вышло множество различных по жанру и объему произведений, составивших в общей сложности 75 книг.

Велико и разнообразно поэтическое наследие Йенсена. На раннем этапе, по собственному признанию, он испытал влияние Киплинга и Уитмена, а из поэтов прошлого — молодого Гете и Гейне. Этим в большой мере определяется отчетливая антидекадентская направленность его поэзии. Стихи раннего периода отмечены настойчивым поиском новых форм и ритмов — именно Йенсен ввел в обиход датской поэзии "свободный стих". В поэзии зрелых лет преобладает тяготение к национальной романтической традиции, нередко поэт обращается к приемам, характерным для древнескандинавской литературы.

К числу лучших образцов датской художественной прозы принадлежат названный выше роман "Падение короля" и большой цикл "Химмерландские рассказы" — своеобразный эпос, рисующий жизнь, быт и нравы крестьян — обитателей тех мест, где родился и провел свои юные годы автор. Особое место в прозаическом наследии писателя занимает созданный им жанр "мифа" — короткой, чаще всего бессюжетной новеллы философского содержания, исполненной прозаичного лиризма. К этому жанру Йенсен, начиная с 1898 г., обращался на протяжении всей жизни; количество написанных им "мифов" приближается к двум сотням.

Разнообразна публицистика Йенсена — здесь мы находим путевые очерки, литературно-критические работы (о творчестве Киплинга, Уитмена, Гамсуна) и произведения научно-философского характера. Последняя группа имеет своей главной темой интерпретацию эволюционной теории Дарвина и теснейшим образом связана с эпопеей "Долгий путь".

Шесть романов, составляющих эпопею, — "Утраченная земля", "Ледник", "Норне-Гест", "Поход кимбров", "Корабль" и "Христофор Колумб" — были написаны Йенсеном в период с 1908 по 1922 г.; в 1938 г. он объединил их под общим названием "Долгий путь". По замыслу автора, эпопея должна была представить путь культурно-исторического развития, пройденный обитателями северной части европейского континента с доледникового периода до начала "нового времени", которое знаменуется для него открытием Америки.

После 1901 г. Йенсен укрепляется на позициях, характерных для многих писателей конца XIX в.: литература способна обрести новые жизненные силы, опираясь на новейшие достижения естественных наук, открывшие перед человеком возможность постижения

закономерностей бытия. В 1915 г., в эссе "Введение в наш век", он пишет: "Нет, цель еще не достигнута, но то, что мы знаем, дано нам физикой и химией, наблюдением, а не отвлеченными рассуждениями"⁴. С юных лет увлекшись дарвинизмом, писатель постепенно возводит эволюционную теорию в ранг универсального средства познания и объяснения всех явлений действительности. В эволюционной теории он видит "средство, позволяющее рядовому человеку ориентироваться в действительности, постигнуть ее устройство, — взамен религий, которые перестали приносить удовольствие"⁵. Восприятие Йенсеном эволюционной теории точно характеризует датский критик Х.Э.Сёренсен: "Йенсен воспринял дарвинизм не как научную теорию, а как веру... Дарвин обрел в его глазах облик пророка"⁶.

Следует, однако, подчеркнуть, что позиция Йенсена отнюдь не идентична взглядам приверженцев "социального дарвинизма" в духе Спенсера. Логика его рассуждений такова: если в природе путем эволюции возникают все более высокоорганизованные формы жизни, то и человеческое общество должно в своем развитии идти путем совершенствования — "от ужаса к радости". Одним из пороков того, что он именует "дурным дарвинизмом", Йенсен считает примитивно биологическую концепцию человеческой личности: "Вместо того чтобы использовать имя Дарвина для оправдания свободы инстинктов, следует изображать человека таким, каким он всегда был, — создающим и дарующим"⁷. Абсолютно неприемлемы для него и попытки обосновать борьбой за существование неизбежность войн: "Войны как таковые оправданы лишь тогда, когда необходимость в них возникает спонтанно во имя освобождения широких слоев народа"⁸.

Тем не менее, именно биологический фактор играет очень существенную роль в культурно-исторической концепции Йенсена, нашедшей художественное воплощение в эпопее "Долгий путь". Основываясь на гипотезе, согласно которой человек впервые появился в тропических лесах, некогда покрывавших Скандинавский полуостров, Йенсен представляет наступление ледникового периода как некую "точку отсчета", фактор, обусловивший "естественный отбор". Единое человеческое племя разделилось с этого момента на тех, кто бежал, спасаясь от холода, и тех, кто бросил вызов неведомому врагу, выстоял физически и морально в новых, неизме-

римо более трудных условиях существования. Потомки этих последних сохранили, по мысли писателя, в своей коллективной памяти, так сказать, "в крови", тоску своих предков по утраченной благодатной изобильной земле, унаследовали от них жизненную стойкость и тягу к неизведанному, выливавшуюся как в стремление к странствиям (поиски "обетованной земли"), так и в научные и технические изыскания. Таково в изображении Йенсена происхождение "готической расы".

Опасная близость суждений Йенсена к ницшеанской расовой теории была отмечена критикой уже после выхода первых частей эпопеи. Высказывались подобные упреки и позднее — и неизменно вызвали категорические возражения со стороны автора. Дело в том, что термин "раса" наполняется в сознании человека XX столетия содержанием, вызывающим определенные негативные ассоциации. Йенсен же употребляет его в том значении, которое вкладывали в него Ипполит Тэн и другие теоретики натурализма: совокупность врожденных и приобретенных свойств, присущих представителям различных народностей. Реконструируя условия существования обитателей северной Европы на протяжении веков, писатель стремился показать взаимосвязь между этими условиями и процессом эволюции определенной части человечества, установить пути взаимодействия между "средой" и "расой".

Следует отметить, что в тексте эпопеи не содержится никаких намеков на биологически обусловленное превосходство "готической расы" над иными людьми. В эссе "Эстетика и эволюция" (1923) Йенсен прямо говорит о том, что "не верит в арийские понятия", подчеркивая, что "не разделяет невежественных расовых теорий, конкурентной антропологии, несущей в себе семя ненависти"⁹. Уместно напомнить, что, по концепции Йенсена, все люди имеют общих прародителей.

По мере того как разворачивается повествование в эпопее, биологический оттенок понятия "готическая раса" постепенно снимается, уступая место психологической, личностной характеристике. На "долгом пути" своего развития потомки покорителей ледника встречаются с другими народами и племенами, смешиваются с ними, обмениваются накопленным опытом и практическими завоеваниями; приручение животных, навыки мореплавания, земледелие и различные ремесла — все это достигается отнюдь не только усили-

ями обитателей северной Европы. Именно смешение рас в благоприятной "среде" обусловило, по мнению Йенсена, расцвет античной культуры. "Из Европы пришел северянин в поисках процветания, с Востока — азиат... чтобы сменить кочевой образ жизни на оседлый, из Африки — народ тропиков, искавший пролады, и все они вместе разбудили друг в друге силы, и их общий расцвет породил красоту, запечатленную в греческом искусстве скульптуры", — пишет он в романе "Норне-Гест"¹⁰. Грань между теми, кто бежит от опасностей и трудностей, и теми, кто готов им противостоять, сохраняется, но легко заметить, что она не определяется для Йенсена расовыми или социальными признаками. "Из свободных людей и пленников, из их смешанного потомства — из труженников, под гнетом ярма сохранивших свободную душу, как и из суровых владык, обладающих рабским сознанием, составилось с тех пор и навсегда население Севера и тех земель, на которые оно распространилось", — читаем мы в финале романа "Ледник"¹¹. Подлинными носителями духа "готической расы", в представлении Йенсена, — это те, кто способен идти на риск во имя общественного прогресса. Именно это позволяет ему видеть наследников "готов" в Колумбе и Дарвине.

Суждения о "ницшеанстве" и "расизме" Йенсена опровергаются и многочисленными высказываниями по этому поводу в публицистических произведениях писателя. Уже в 1899 г., в книге путевых очерков "Интермеццо", он отрекается от антигуманных теорий немецкого философа, хотя и признает, что некоторое время был ими увлечен. Известна его оценка книги "Так говорил Заратустра": "Худшей галиматии мне никогда не доводилось читать"¹². Отвечая своим оппонентам после выхода книги "Корабль", Йенсен отвергает обвинение в том, что пытался возвеличить "готическую расу". "Эта книга, — пишет он, — так же как "Ледник", является звеном в цепи усилий, предпринятых мною для того, чтобы рассмотреть прошлое в свете эволюционного учения"¹³. Еще определеннее высказывается писатель в 1933 г., оценивая ницшеанство как один из истоков фашизма, который "приспособил эту безумную философию силы к своей логике и использовал ее для того, чтобы придать законный вид своим злоупотреблениям властью"¹⁴. Когда в 1938 г. выходит первое издание всего цикла, Йенсен дает несколько интервью копенгагенским газетам. Сетую на то, что его

"неправильно понимают и зачисляют в ряды тех, кто утверждает право сильнейшего"¹⁵, он характеризует эпопею как "последовательно выраженный протест против теории Ницше о развитии путем жестокости, путем, ведущим через насилие, войну - к упоению властью"¹⁶.

Неприятие Йенсеном ницшеизма и расовых теорий нашло свое отражение и в его отношении к Кнуту Гамсуну. Преклоняясь перед талантом норвежского писателя, Йенсен уже в 1906 г. отмечал в посвященной ему статье опасность избранных им идейных позиций, а после того, как фашистские симпатии Гамсуна четко определились, порвал с ним всякие отношения.

Следует подчеркнуть, что сам Йенсен в период немецко-фашистской оккупации категорически отказался сотрудничать в про-немецкой прессе - об этом упоминает в своих мемуарах пост-коммунист Отто Гельстед¹⁷. После отказа престарелый писатель жил в ожидании ареста и даже сжег многое из личных бумаг¹⁸. Свидетельством того, что репутация Йенсена как антифашиста была в глазах скандинавской общественности в эти годы безупречной, является факт присуждения ему в 1944 г. Нобелевской премии (вручение премии состоялось после освобождения Дании). Х.Э.Сьренсен, весьма критически оценивавший взгляды Йенсена, пишет: "Когда Йенсен в 1944 г. получил Нобелевскую премию, это было вполне заслуженно. Но все же это следует в какой-то мере рассматривать не только как воздаяние почести этому писателю, но и как политическую демонстрацию... То, что выбор пал на Йенсена, следует, наверно, расценивать и как выражение солидарности шведов в отношении датского движения Сопротивления"¹⁹.

Все сказанное дает основания считать, что, хотя культурно-историческая концепция, лежащая в основе эпопеи "Долгий путь", несомненно уязвима с научной точки зрения, истоками ее являются не теории Ницше и его последователей, а сложное сплетение философских и эстетических принципов европейского натурализма с элементами скандинавской романтической традиции. Не случайно Йенсен, принимая Нобелевскую премию, посвятил свою речь Дарвину и основоположнику датского романтизма Адаму Эленшлегеру - как личностям, оказавшим самое большое воздействие на его мировоззрение и творчество.

Задумав цикл "Долгий путь" как реконструкцию предистории европейской цивилизации, Йенсен уподобляет эволюцию человеческого общества процессу формирования живого организма: от младенчества, через детство и юность, к зрелости. Сведения, почерпнутые из трудов по археологии и истории, он дополняет мотивами и образами, восходящими к германской мифологии и древнескандинавской литературе, оживляя и расцветывая все это силой своей почти безграничной фантазии. Борьба первобытного человека с силами природы, зарождение языческих культов, завоевательные походы викингов, великое переселение народов, столкновение германских племен с римлянами, проникновение христианства в Скандинавию, экспедиция Колумба — каждый из этих этапов развития общества иллюстрируется на примере отдельных человеческих судеб, образующих фрагменты обширной красочной мозаики. Романы эпопеи вполне самостоятельны сюжетно (создавались они не в той последовательности, в которой происходят описываемые события), но при этом цикл воспринимается как единое, гармонично скомпонованное целое. Примечательной особенностью является полное отсутствие диалога; в завершающем романе эпопеи есть эпизод, где Колумб ведет спор с одним из своих спутников относительно формы земли, — но изложен этот диалог в виде протокольной записи реплик персонажей. Объективность изображения, скупость, с которой автор посвящает читателя в душевные переживания героев, — прием, опирающийся на традиции древнескандинавской литературы. (Исключение Йенсен делает только в отношении Колумба, описанию раздумий и чувств которого он уделяет значительное место.) К древнескандинавской литературе восходит и фигура "вечного странника" Норне-Геста, проходящая через несколько романов; стилизованные стихи, написанные Йенсеном от имени этого персонажа, усиливают лирическое звучание произведения. Проза Йенсена в высшей степени импрессионистична, описания изобилуют деталями, поражая воображение многообразием оттенков — от возвышенно-поэтического до подавляюще натуралистического. Все исследователи творчества Йенсена безоговорочно признают виртуозность, с которой он владеет словом, поразительное богатство используемого им лексического материала.

"Долгий путь" — это широкая дорога сквозь времена и историю, по которой народы движутся к прогрессу и к миру"²⁰. Эти

слова, сказанные Йенсеном о своем произведении, акцентируют оптимистический характер его культурно-исторической концепции. Несомненным достоинством эпопеи является последовательно проводимая ее автором мысль о силе человеческого духа, о неисчерпаемости созидательной энергии людей, об их вечном стремлении познавать и совершенствовать окружающий мир. Именно поэтому в 1920-х годах перевод цикла романов Йенсена был опубликован в серии книг, адресованных комсомольско-молодежной аудитории, а в 1936 г. Горький включил роман "Ледник" в число произведений, рекомендованных им для чтения детям старшего возраста²¹.

Отвечая на вопросы издательства "Гьльдендаль", Йенсен дал самому себе такую характеристику: "Мировоззрение: эволюционная теория; духовное отечество: все расы и времена"²². Эти слова как нельзя лучше раскрывают истинный смысл культурно-исторической концепции писателя и могли бы стать эпиграфом к эпопее "Долгий путь".

П р и м е ч а н и я

¹ К р а т к а я л и т е р а т у р н а я э н ц и к л о п е д и я . Т.2. М., 1964. С.538.

² Н е у с т р о е в В.П. Литература скандинавских стран (1870-1970). М., 1980. С.124.

³ Д а т с к а я н о в е л л а XIX-XI в е к о в . Д., 1967. С.576.

⁴ J e n s e n Th. Borup: Digterne om digtningen. Bd 2. København, 1971. S.168.

⁵ Цит. по: N o r g i l d Sv. Dansk litteratur fra Saxo til Kaj Munk. Bd 2. København, 1949. S.198.

⁶ S ó r e n s e n H.E. Ved Johannes V.Jensens 100-årsdag // Land og Folk. 1973. 20-21. jan.

⁷ Berlingske Tidende. 1919. 26. nov.

⁸ Цит. по: N e d e r g a a r d L. Johannes V.Jensen: Liv og forfatterskab. København, 1968. S.296.

⁹ Ibid. S.343.

¹⁰ J e n s e n J.V. Den lange rejse. Bd 1. København, 1977. S.308.

¹¹ Ibid. S.197.

- 12 N e d e r g a a r d L. Op. cit. S.90.
- 13 Ibid. S.274.
- 14 Ibid. S.402.
- 15 Politiken. 1938. 15. nov.
- 16 Цит. по: N e d e r g a a r d L. Op. cit. S.342.
- 17 См.: S ø r e n s e n H.E. Op. cit.
- 18 N e d e r g a a r d L. Op. cit. S.434.
- 19 S ø r e n s e n H.E. Op. cit.
- 20 N e d e r g a a r d L. Op. cit. S.342.
- 21 Г о р ь к и й М. Собр.соч.: В 30 т. Т.27. М., 1953. С.518.
- 22 W a m b e r g N.B. Johannes V. Jensen // Danske digtere i det 20. århundrede. Bd 1. København, 1980. S.84.

I.P.KUPRIJANOVA. JOHANNES V.JENSENS KULTURHISTORISKE TEORIER
(Udviklingsepos "Den lange Rejse")

Johannes V.Jensen er forlængst anerkendt som en af de mest fremragende repræsentanter for den danske sprogkunst. Men hans kulturhistoriske teorier bliver der stadigvæk diskuteret om. Forfatteren af "Den lange Rejse" blev ofte beskyldt for at holde med Nietzsche, for at være tilhænger af racisme. En indgående analyse af eposet samt mange vigtige udtalelser, som man finder i Jensens artikler og essays, tillader dog ikke at acceptere denne mening. Grundlaget for Jensens teorier synes det mere retfærdigt at søge i hans livslange begejstring for Darwins udviklingslære ligesom i hans tilknytning til den danske litteraturs romantiske tradition. Det er diskutabelt om Jensens teorier kan regnes for videnskabeligt underbyggede, men man kan ikke betvivle at "Den lange Rejse" er skrevet af en stor digter, som var fuldt ud ærlig i sin tro på menneskets skaberkraft, på dets vilje til at udforske og forbedre verden.

"ДРАГОЦЕННАЯ ЖИЗНЬ".

ПИСЬМА ЙОРГЕНА-ФРАНЦА ЯКОБСЕНА К ВИЛЬЯМУ ХАЙНЕСЕНУ

Интерес, с которым читатели встречают публикации переписки того или иного писателя, деятеля науки и культуры, понятен: ведь эти письма таят в себе множество занимательных подробностей жизни авторов этих писем, их мысли и высказывания в адрес своих не менее известных современников. Что касается литературоведов, то для них возможность изучения переписки писателей, несомненно, является залогом верной оценки их творчества. Какой бы обширной информацией о жизни и творчестве писателя ни обладал исследователь, ничто и никто не может лучше рассказать о нем, чем его собственные дневники и письма. Поэтому неудивительно, что ни один исследователь творчества таких великих писателей, как, например, Чехов или Достоевский, не может обойтись без изучения их писем. В случае же, если предметом исследования является творчество замечательного, но не столь широко известного писателя, о жизни и деятельности которого фактически нет публикаций, то возможность прикоснуться к его переписке трудно переоценить. Поэтому понятен тот интерес, который представляют для литературоведа письма датского писателя Йоргена-Франца Якобсена к его двоюродному брату и также очень известному датскому писателю Вильяму Хайнесену.

К тому времени, когда в 1958 г. Вильям Хайнесен издал небольшой сборник наиболее, на его взгляд, интересных писем своего брата, со дня смерти Якобсена прошло 20 лет, а его единственный роман "Барбара" (1939) выдержал рекордное для Дании число переизданий и был переведен на большинство европейских языков.

В небольшом предисловии к сборнику, говоря о том, насколько важнее опубликовать письма Якобсена, чем, например, свои воспоминания о нем, В.Хайнесен пишет: "Автобиографии ретроспективны, и стоящие за ними личности подвергаются в той или иной степени редактированию. Письма же дают мгновенные спонтанные изображения без оглядки на будущего читателя или посмертную славу"¹.

Письма Якобсена, представленные в сборнике, охватывают период с 1918 по 1938 г. — год смерти писателя. И этот период жизни Якобсена отражен в этих письмах так отчетливо и подробно, что никакая автобиография не могла бы соперничать с ними. Тем не менее, Вильям Хайнесен считает необходимым предварить сборник кратким биографическим очерком о Йоргене-Франце Якобсене, чтобы читателям стали понятны некоторые высказывания, шутки, замечания Якобсена, относящиеся к тем временам, когда Хайнесен и Якобсен жили вместе в Торсхауне.

Йорген-Франц Якобсен родился 29 ноября 1900 г. в Торсхауне, на Фарерских островах. Среди его близких родственников были фареры, шведы, датчане. В семье говорили на датском и фарерском языках. Отец Якобсена был мелким торговцем. Он умер, когда Йоргену-Францу было 16 лет. В это время Якобсен учится в так называемой Академии Сорё, которую закончил в 1919 г. В 1922 г. Йорген-Франц заболевает туберкулезом, и ему приходится на время прервать занятия историей и французским языком в Копенгагенском университете, который он закончил только в 1932 г. С 1925 г. Якобсен работает штатным корреспондентом датской газеты "Политикен", официальным сотрудником которой он становится в 1932 г. Его статьи и очерки были хорошо известны читающей публике и встречались с неизменным интересом. В 1927 г. выходит в свет его книга очерков "Дания и Фарерские острова", а в 1936 г. — последняя, изданная при жизни писателя книга "Фарерские острова. Природа и люди". Йорген-Франц Якобсен умел удивительным образом совмещать строго конкретные сведения и цифры по географии и экономике архипелага с лирическими описаниями природы и быта фарерцев, это принесло его книгам заслуженную популярность.

Начиная с 1934 г. здоровье Якобсена значительно ухудшается, ему приходится прекратить работу в "Политикен", оставаясь, тем не менее, ее штатным корреспондентом. С этого времени начинают страдания Якобсена по санаториям и клиникам, которые заканчиваются в марте 1938 г. его смертью. Но такая, на первый взгляд, печальная судьба Якобсена, его непрекращающиеся страдания вызвали в людях, близко знавших его, не жалость, а бесконечное восхищение тем мужеством, с которым он преодолевал болезнь, талантом журналиста и писателя, ни на минуту не пре-

кращавшего работу, и невероятным жизнелюбием, хотя жизнь никогда не баловала его.

Вильям Хайнесен писал, что Якобсен "был мужественным корреспондентом на поле боя со своей болезнью" (6). Когда Вильям Хайнесен начал готовить письма К.-Ф.Якобсена к публикации, он с изумлением обнаружил, что письма его брата - это более полутора тысяч мелко исписанных страниц, почти полмиллиона слов. При чтении писем Якобсена становится ясно, что выражение в письменной форме своих мыслей, чувств, идей было для него жизненной необходимостью. "Это как наркоз для меня - ежедневно повторяющееся блаженство отпустить мою буйную ручку бегать по бумаге" (6), - пишет Якобсен в апреле 1923 г. Большинство писем Якобсена написаны от первого лица, они, как правило, очень доверительны и полны веселых и ироничных шуток в свой адрес. Иногда речь идет об очень личных моментах, но в целом содержание писем представляет несомненный интерес не только для их непосредственного адресата - В.Хайнесена, но и для обычного читателя.

"Избранные письма Йоргена-Франца Якобсена, представленные в этой книге, - пишет Хайнесен в предисловии, - повествуют, в основном, об их авторе, о значительных событиях в его жизни и о той силе духа, с которой он шел навстречу своей судьбе" (7).

Действительно, в большинстве писем Якобсен рассказывает о своей повседневной жизни и учебе в Копенгагене, описывает свои поездки на Фарерские острова, вспоминает события детства и юности, которые он вместе с В.Хайнесеном провел в Торсхауне. Почти все письма написаны им в больницах и санаториях. Опубликовав письма Якобсена, В.Хайнесен не только отдал долг памяти брата, но и подарил читателю очень тонкую и лирическую повесть в письмах, герой которой - яркий, одаренный и добрый человек. Судьба уготовила ему короткую жизнь, но он не ропщет на судьбу, а бесконечно ей благодарен и за это. Вот что пишет Якобсен из Гренобля 12 июня 1922 г.: "Я считаю, что каждый человек должен радоваться своей судьбе потому, что он вообще живет и у него есть эта судьба. Судьба - это единственное, что нам наверняка гарантировано жизнью" (28).

Эта повесть в письмах потрясает еще и потому, что она документальна, потому что человек день за днем, до самой смерти описывает то, что было на самом деле.

Выбор писем сделан В. Хайнесеном таким образом, чтобы они наилучшим образом сложились в автопортрет Йоргена-Франца Якобсена как человека и как писателя. Со страниц писем перед нами встает умный и веселый, ироничный и мужественный, глубоко интеллигентный человек. Письма Якобсена бесконечно разнообразны по тематике, форме, содержанию, стилю. Некоторые из них — самые объемные — похожи на хроники или эссе. Их Якобсен даже снабжал заголовком, введением и заключением. В своих письмах Якобсен говорит о философии, религии, литературе. Многие навеяны воспоминаниями о природе и истории Фарерских островов. Часто он придает своим письмам форму музыкального произведения, особенно если это письма лирического содержания, описания природы. Музыка, природа и художественное слово для него — явления одного порядка, это высшее проявление человеческого духа, лучшее, что может создать человек. Это то, что человек может противопоставить низменным проявлениям жизни, то что делает человека Человеком.

Так, например, письмо, написанное в январе 1921 г., называется "Новогодняя увертюра". В нем 7 частей — как в симфоническом произведении: Маэстро, Крещендо, Анданте, Рондо аллегро и т.д. Письмо, вернее маленькая музыкальная поэма, почти все написано белым стихом, выдержано в соответствующем ритме.

С 1929 до лета 1930 г. Якобсен находится в санатории в Вайлеборде. Здоровье писателя ухудшается, временами ему трудно держать ручку в руке, поэтому он в основном читает. Это книги по философии — Шопенгауэр, Вольтер. Читает Гете, Мольера, Корнеля, Франса — то, что сам Якобсен называет "большой литературой". В одном из писем он пишет: "В последнее время я достиг того уровня развития, когда чувствуешь потребность столкнуть самого себя и весь свой опыт с большой литературой" (54). Одно из самых больших писем того периода озаглавлено "Ларошфуко и Сигрид Унсет". Якобсен не раз подчеркивает, что Ларошфуко — самый любимый и близкий ему по духу писатель, а "Максими" читает и перечитывает на протяжении всей своей жизни: "Максими" стоят того, чтобы их читать, прежде всего из-за тех мыслей, которые в них содержатся, и умного, скептического знания людей. Затем из-за их изысканной формы. Чаще всего в самую изящную форму заключены самые простые из них (мыслей), однако часто

встречаешь изысканно оформленную изысканную мысль" (54).

Якобсен не раз обращается к проблеме соотношения формы и содержания в художественном произведении. Требования, которые он предъявляет к форме своих очерков, эссе, писем, очень высоки. В "Максимах" Ларошфуко Якобсен находит подтверждение своим мыслям. Ему близки рассуждения Ларошфуко о предназначении человека, о его взаимоотношении с другими людьми и природой.

Другой близкий ему по духу писатель - Сигрид Унсет. Якобсен пишет о ней: "Она ведь представляет... нас - суровый и темный Север, но у меня и в мыслях нет представлять ее здесь как бедного родственника рядом с богатым. Совсем нет, поскольку она гениальна" (55). Якобсен не противопоставляет Ларошфуко и Сигрид Унсет, не сравнивает их. Он подходит к их творчеству диалектически - общие, теоретические рассуждения французского писателя-философа XVII в. о природе человеческой воплощаются для него в образах и характерах конкретных персонажей глубоко национальной, самобытной прозы Унсет. Ибо истинный художник даже в изображении глубоко национальных характеров не может не отразить в них общечеловеческих черт. Для Якобсена Сигрид Унсет является главным учителем и непревзойденным мастером исторического романа. Верное, правдивое изображение человека, в каком бы веке ни разворачивалось действие исторического романа, делает его понятным и близким нам. Нашим современником. "Мы здесь, на Фарерских островах, видим, можно сказать, дымку фарерского средневековья и не можем сомневаться в том, что все эти люди в книге Сигрид Унсет (речь идет о книге "Улав, сын Аудуна из Хествикена". - М.М.) совершенно естественны в своем поведении и поступках. Их образ мыслей и их речь такие же, как и у фарерцев, - очень простые. Раз за разом встречаю слова и выражения, которые особенно близко напоминают мне о моей матери, Райнегорде, людях со Сколефьорда..." (56). Реализм исторических романов Сигрид Унсет - вот что, в конечном счете, привлекает к ней Якобсена. Именно этим - истинным реализмом - и приводит читателя в восхищение единственный исторический роман, написанный Якобсеном, - "Барбара".

Роман "Барбара" (вышедший в свет в 1939 г., сразу после смерти писателя) - вершина творчества Йоргена-Франца Якобсена. Этот роман - многоплановый, неординарный - стал выдающимся со-

бытием в датской литературе конца 30-х годов XX в., и интерес к нему не ослабевает до сих пор. Действие романа развертывается на Фарерских островах в самом начале XVIII в. В романе автор затрагивает целый ряд философских, психологических и социальных проблем. Якобсен предстает перед нами не только глубоким философом, психологом и знатоком истории Дании и Фарерских островов, но и тонким живописцем, мастером, реалистических описаний быта и нравов фарерцев XVIII в. Датские критики до сих пор не могут однозначно оценить роман и отнести его к какому-либо определенному литературному направлению, хотя единодушно отзываются о нем как о явлении неординарном. К сожалению, специальное исследование, посвященное роману, истории его создания, пока не существует. И письма Якобсена являются единственным документальным источником, дающим нам возможность понять творческий замысел писателя, узнать историю создания романа.

Идея написать роман появилась у Якобсена, судя по его письмам и по свидетельству В.Хайнесена, в 1929 г. Летом этого года Хайнесен получил от Якобсена огромное письмо, написанное на 144 страницах. У рукописи был заголовок: "Кох-и-Ноор". Это было глубоко драматическое повествование о личных переживаниях молодого человека. В центре этого своего рода романа находился образ женщины. Хайнесен пишет в своих комментариях к этому письму Якобсена, что "Кох-и-Ноор", являющийся по сути своей портретом женщины, нельзя считать первым вариантом "Барбары", но это, несомненно, была первая попытка создания прозаического произведения, главным героем которого была женщина, способная вызвать у близких ей людей глубокие переживания.

Датский журналист Бьярне Нильсен Бровст опубликовал в 1980 г. (28 февр.) в газете "Ольборг Стифтотидне" статью, посвященную 80-летию со дня рождения Й.-Ф.Якобсена. В этой небольшой статье журналист пишет о некоей Эстрид Баннистер, общей знакомой Якобсена и Хайнесена. Письма Якобсена полностью подтверждают предположение о том, что Эстрид Баннистер послужила прообразом Барбары. Барбара, очарование которой губительно для тех, кто ее полюбит, доброта и нежность которой не мешают ей быть жестокой, за бесстрашием которой прячется ее беззащитность. Описывая эту обуреваемую противоречиями женщину, Якоб-

сен создает удивительно цельный и живой образ, который встает в один ряд с Эммой Бовари и Манон Леско.

С самого начала создания романа Якобсен и Хайнесен в своей переписке называют Эстрид Баннистер "Барбарой". Якобсен познакомился с ней летом 1921 г. и любил всю свою жизнь. Хайнесен пишет в комментариях к письмам: "В остальном не следует противопоставлять двух Барбар - настоящую - 20-30-х годов ХХв. и вымышленную - из XVIII в. Они неразделимы, портрет героини романа - штрих за штрихом, вплоть до мельчайшего нюанса, списан с натуры" (71). В жизни Эстрид Баннистер, искренне любя Якобсена, вышла замуж за другого, причинив этим больному писателю невыносимые страдания, а овдовев, немедленно вернулась к нему, еще более любящая и нежная, что не мешало ей одновременно так же нежно любить других мужчин. В романе Барбара поступает точно так же, и ее, так же как и Эстрид, несколько не мучает раскаяние и жалость к преданному возлюбленному.

В письме от 10 августа 1937 г. Якобсен пишет о Барбаре: "Барбара... в сущности своей, та же Сольвейг. Она тоже предана, по-своему. Но она всегда терпит поражение. В этом есть что-то трагическое: безнадежная борьба между всем тем хорошим, что есть в Барбаре, и ее ненадежностью" (105). В романе Якобсена реалистичен не только образ Барбары. Йорген-Франц Якобсен часто гостил у родственников матери на Сколефьорде, с детства знал повседневную жизнь фарерцев и познакомился с многочисленными фарерскими преданиями и сагами. Оттуда он почерпнул множество деталей для романа. Прототипом торговца Самуэля Миккельсена послужил брат деда Йоргена-Франца, а язвительная, не расстающаяся со спицами тетюшка Армгард - это точный портрет эго двоюродной бабушки. Отец Йоргена-Франца Якобсена Майнхард Якобсен одно время был управляющим конторы датской компании "А.В.Скибстер и сыновья", которая размещалась в здании бывшего королевского монопольного магазина в Тинганесе. Именно там разворачиваются важные события романа.

Август 1934 г.: "...Передай привет кондитеру Фосо и Райнерту в спортивных гольфах и окинь Тинганес любящим взглядом. Ведь именно там начинается роман - в соленых бризах ветра с моря, под звуки Рамо и Souperin-le-Grand, трепещущие звуки псалма и бодрых гавотов..." (83).

Летом 1936 г. Якобсен приезжает в Торсхаун, чтобы простииться с ним. Вместе с двоюродным братом Карлом Йоханом Беком он в последний раз бродит в окрестностях Торсхауна "в мире Барбары" (115).

Весной 1936 г. Якобсен встречается с Эстрид-Барбарой и дает ей прочитать написанные части романа. Эстрид очень импонирует, что о ней пишут роман, и она отягивается с ним с восторгом. После смерти Якобсена Эстрид сама переводит роман на английский язык и всю свою жизнь гордится тем, что стала прообразом главной героини известного романа. Возможно, благодаря этому она не забыла Якобсена сразу же после его смерти.

Последние письма Якобсена - февраль 1938 г. - не содержат ни единого намека на его тяжелейшее состояние: поражены оба легких, туберкулез перешел на почки. Операция следует за операцией. А письма полны радостными воспоминаниями, музыкой - Якобсен пишет о любимых композиторах, о Карле Нильсене, Вебере, Гавеле.

В последнем письме от 15 февраля 1938 г. Якобсен пишет: "Посылаю тебе... недостающую главу из "Барбары" (115). Якобсен пишет об образе главного героя, возлюбленного Барбары - г-на Поуля. Первоначально это должен был быть автопортрет, но потом Якобсен хочет отказаться от этого замысла: "как бы я изобразил себя в образе священника?" (115). Но, тем не менее, совершенно очевидно, что, хотя обуреваемый страстями г-н Поуль совершает поступки, на которые Якобсен по многим причинам никогда не был способен, автор все же поделился своей добротой, преданностью и одухотворенностью со своим героем.

Роман фактически закончен, и Якобсен пишет В.Хайнесену: "Мое бедное сердце аплодирует" (115). Это, пожалуй, единственная оценка, которую Якобсен сам дает той невероятной, тяжелейшей работе, которую это сердце выдержало.

Только благодаря опубликованным Хайнесеном письмам мы узнаем, какой ценой создавался этот блестящий роман, который читает и любит уже не одно поколение датчан и зарубежных читателей творчества Якобсена, и с горечью сознаем, какого прекрасного писателя потеряла не только скандинавская, но и мировая литература.

П р и м е ч а н и я

¹ J a c o b s e n Jørgen-Frantz. Det dyrebare liv. København, 1963. S. 5. - Далее ссылки на это издание даются в тексте; в скобках указана страница.

М. В. МАТВЕЕВА. "DET DYREBARE LIV". JØRGEN - FRANTZ JACOBSENS
BREVE TIL WILLIAM HEINESEN

Den danske forfatter Jørgen - Frantz Jacobsen vil for de fleste først og fremmest stå som digteren til romanen "Barbara" (1939). For den danske offentlighed er Jacobsen tidligere fremtrædt som forfatter til to bøger om Færøerne: "Danmark og Færøerne" (1927), "Færøerne. Natur og Folk" (1936). I artiklen analyseres Jacobsens breve, som den berømte danske forfatter William Heinesen udgav i 1958. Dette udvalg giver os indtrykket af Jacobsens sjældne personlighed og forfattereskab.

Н. Ю. Гвоздецкая

"ЯЗЫК ПЕЧАЛИ" ИЛИ "ЯЗЫК МСТИ"?

(Опыт лингвостилистического анализа героических алегий
"Старшей Эдды")

В "Старшей Эдде" выделяется ряд песней, которые принято характеризовать как "героические алеггии" (Первая, Вторая и Третья Песни о Гудрун, Поездка Бронхильд в Хель, Плач Оддрун, Подстрекательство Гудрун). Этот термин имеет целью, по-видимому, подчеркнуть, что, несмотря на тесную связь данных произведений с героическим эпосом германских народов, в них присутствует нечто такое, чтоближает их с известным жанром европейской литературы нового времени. Цель настоящей статьи - попытаться выявить меру этой близости путем анализа построения текста и тех лексических средств, которые имелись в распоряжении древнескандинавского поэта. Наиболее законченной из так называемых героических алеггий "Старшей Эдды" считается "Первая Песнь о Гудрун", поэтому она и положена в основу нашего анализа.

Традиционно по характеристике элегии нового времени называются следующие типические черты этого жанра¹: 1) элегия связана с печалью, воспоминаниями об ушедшем, горестным ощущением потери; 2) объединяет разные элегии общая интонация, которую лучше всего определил Ф.Шиллер, назвав элегию "поэтической жалобой"; 3) элегия - это субъективная лирика, средство характеристики душевного мира; в стихах элегического поэта выражается его душа, страдающая и сострадающая; 4) элегия - нечто вроде интроспективного послания, анализирующего чувство и воссоздающего образ человека, внимательного к мельчайшим переменам в своем и чужом душевном состоянии.

На первый взгляд, имеются явные основания для отнесения "Первой Песни о Гудрун", построенной на монологах героинь, к жанру элегии - налицо печальная, даже трагическая тема, воспоминания о безвозвратно утерянном, жалоба на судьбу. Неразрешенной остается при этом одна - ключевая, на наш взгляд, - проблема: верно ли, что художественная цель песни - воспеть страдания героинь, проникнуть в их субъективные переживания, разъять и вновь воссоздать в художественном целом те "струны души", которые могли бы вызвать сострадание читателя и слушателя? Вопрос может быть поставлен и иначе: в какой мере и в каком смысле "Первая Песнь о Гудрун" есть рассказ о душевных переживаниях?

В содержательном отношении песнь распадается на две части. Первая (строфы 1-16) - рассказ о том, как не могла заплакать Гудрун и как она в конце концов заплакала. Несомненно, здесь перед нами очень точное и психологически правдивое описание реакции Гудрун на убийство Сигурда. Но подано эмоциональное состояние Гудрун не изнутри, а извне, с позиции стороннего наблюдателя, которым могла бы быть, например, одна из женщин, пытавшихся вывести ее из оцепенения. Внимание читателя невольно концентрируется не на том, что и почему переживала Гудрун, а лишь на том, как она переживала. Примечателен в связи с этим параллелизм описания внешнего вида и поведения Гудрун в начальных и конечных строфах данного отрывка, придающий ему формальную завершенность и подчеркивающий значимость этого аспекта содержания. Детально поданы внешние проявления эмоции, отсутствующие в начале и появляющиеся в конце: она "не причитала, не ломала руки, не голосила, как жены другие" (*gerðit hon hiúfra*

né hǫndom slá, né qveina um sem konor aðrar í²), "не могла плакать" (þeygi Guðrún gráta mátti 2) - эта строка еще два раза повторяется после монологов Гьявлауг и Херборг, становясь лейтмотивом этой части песни; "Тогда склонилась Гудрун на подушки, волосы рассыпались, щеки покраснели, и капли дождя упали на колени" (Þá hné Guðrún hǫll við bólstri; haddr losnaði, hlýr godnaði, enn regnir dropi rann niðr um kné 15), "Тогда заплакала Гудрун, дочь Гьяки, так что слезы потекли вниз, и отозвались гуси во дворе, славные птицы, которыми дева владела" (Þá grét Guðrún, Gjúca dóttir, svá at tár flugo træs í gognum, oc gullo við gæss í túni, mærir átti 16).

Разделяющие эти описания слова и действия знатных жен имеют конкретную практическую цель - вывести Гудрун из того состояния, которое на языке медицинской и психологической науки именуется "ступором" (угнетенное состояние при некоторых психозах, выражающееся в полной неподвижности и молчаливости больного). Монологи Гьявлауг и Херборг - не размышления о чувстве, а перечень бед с указанием фактических подробностей: "я пережила утрату пяти мужей, трех дочерей, трех сестер, восьми братьев" (hefi ec fimm vera forspell beðit, þriggja dótra, þriggja systra, átta broeora (4); "мои семь сыновей на юге погибли, восьмым муж на поле битвы пал, отец и мать, четверо братьев, их на море ветер сразил, унесла волна с дощатого борта" (minir siau synir sunnan lanz, verr inn átti, í val fello; faðir oc móðir, fibrir broeðr, þau á végi vindr of léc, varði bára við borgþili 6-7) и т.п. Впечатляет здесь не сила чувства, а чудовищный счет потерь, размеры причиненного ущерба. Прагматическую направленность имеет также совет Гулльранд, сдерживающей саван с Сигурда, - заставить Гудрун взглянуть на убитого. На первый план выступает здесь не сопереживание, а стремление вызвать у Гудрун тот психологический катарсис, который может вернуть ей желание жить (в строфе 1 сказано, что она gegðiz at deya "приготовилась умереть"), - цель, которой впоследствии мать Гудрун добывается с помощью колдовского напитка заговения.

В строфе 17, являющейся переходом от первой ко второй части песни, Гулльранд напоминает Гудрун о ее любви к Сигурду: "У вас, я знаю, любовь самая великая из всех людей на земле"

(Ygrar vissu es ætíð mestar manna allra fyr mold ofan). Это, казалось бы, подготавливает переключение повествования в план описания лирических чувств персонажей. Однако ответ Гудрун не оправдывает ожиданий современного читателя. Величание Сигурда ("Таким был мой Сигурд рядом с синами Гьюки, как стебель лука, из трав вставший" и т.п. - Svá var minn Sigurðr hjá vonum Gjúka, sem væri gairlaukr ór grasi valinn, etc. 18) служит фоном, на котором ярче выступает то унижение и потеря социального статуса, которые ожидают Гудрун после смерти мужа, что подчеркивается выразительной антитезой прилагательных "высокий - малый": "И чтили меня воины конунга во всем выше Одина дев; теперь я столь мала, как бывает листва часто на лве" (Es þóttac oc þið-ðans reccom hverri hærrí Herians dísí; nú em ec svá lítil, sem lauf vé opt í iqlstrom 19). Речь Гудрун лишь на первый взгляд кажется "лирическим монологом" - на самом деле она начинается и проводит целую обвинений и проклятий, которые составляют содержание второй части песни и сосредоточены на поисках первопричины тех зол, которые принесло (и еще принесет в будущем) убийство Сигурда. В строфах 20-21 обвинение падает на братьев Гудрун, на головы которых она призывает самые страшные беды. В строфе 22 содержится косвенное обвинение Брюнхильд ("Сигурд и Брюнхильд свататься ежам, к женщине злой, в час злоеций"), на что последняя отвечает проклятиями в адрес Гульбранд за то, что та вернула Гудрун дар речи. Гульбранд поддерживает обвинение в адрес Брюнхильд, указывая на нее как на причину всех настоящих и самых отдаленных последствий гибели Сигурда. Выражения "злая судьба героев" (urðr qðlinga) и "горе жестокое семерых конунгов" (sorg sára víau konunga), которыми Гульбранд клеймит Брюнхильд, как бы обобщают все те убийства, которые произойдут в дальнейшем (имеются в виду убийства Готторма, Гуннара, Хёгни, Атли, Эрна, Сёрли и Хамдуга). Брюнхильд в характеристике Гульбранд выступает как олицетворение самой судьбы, которая предопределяет все грядущие беды. Ответ Брюнхильд, перелаживающей вину на брата, добавляет последнее звено в цепь обвинений и одновременно возвращает их в план человеческих взаимоотношений и страстей: "Винovat один Атли во всем эле, рожденный Будли брат мой; когда мы в зале гуннского князя увидели на витязе огонь ложа дракона (т.е. золото); я сама заплатилась

за эту поездку и этот взгляд" (Veldr einn Atli gílo þolvi, of borinn Buðla, bróðir minn, þá er við í hçil húnsrar þjóðar eldr á íçfri oxmbeðs litom, þess hefi ec gangs goldit síðan, þeirar synar 25-26). Этот диалог женщины, несмотря на то, что ведется в эмоциональных, повышенных тонах, больше всего напоминает судебное разбирательство, тяжбу на тинге, цель которой — установить виновного ради выполнения того долга, который неминуемо висел над членами родового общества — долга мести или возмещения за причиненный ущерб³.

Заключительная строфа песни описывает поведение Брнхильд, глядящей на рану Сигурда: она "собирала силы" (strengði hon sívi), готовясь к самоубийству. Вместо раскрытия ее переживаний перед нами — яркий зрительный образ почти сверхъестественного существа: "сверкал у Брнхильд, дочери Будли, огонь из глаз, дышала ядом" (brann Brynhildi, Buðla dóttur, eldr ór augom, eitri fæstí 27).

На этой отнюдь не элегической ноте заканчивается песнь. Следующий за ней прозаический кусок подготавливает новый, более подробный разворот распри, представленный в "Краткой Песни о Сигурде", где предсмертная речь Брнхильд намечает канву тех бед и злодеяний, которые свершатся после смерти Сигурда. События перечисляются с детальной точностью, их психологические причины и следствия не "сфокусированы", размыты, страдают нечеткостью изображения. Две женские фигуры, склонившиеся над телом Сигурда, — Гудрун и Брнхильд — выписаны во всех деталях внешнего облика: поведении, мимике, жестах, — но тонкие движения их душ скрыты от нас. Их скорбь столь тесно переплетена с чувством гнева, унижения, обиды, с оскорбленным достоинством, желанием и решимостью мстить, что не может излиться тем потоком печали, уныния, меланхолии, которые создают единство "элегической интонации" нового времени. Их образы созданы не сострадания ради — они остаются субъектами действия, а не чувств. Их чувства получают ценность в контексте всего героического цикла постольку, поскольку толкают их на невиденные, сверхчеловеческие деяния (самоубийство Брнхильд, преследующей Сигурда в царстве мертвых; убийство Гудрун своих детей, ее беспощадные подстрекательства к мести).

Данный взгляд на смысловые акценты песни находит подтверждение в тех лексических средствах, которые называют эмоциональные состояния персонажей. Первое, что обращает на себя внимание, — то, что психическое состояние Гудрун характеризуется в начале песни через неоднозначные выражения, допускающие разное понимание. О ярлах, собравшихся вокруг Гудрун, сказано, что они (букв.) "олегчали ее твердый дух" (feirg er harðg hugar hana lotto 2). Если прил. harðr может быть истолковано в данной ситуации как "скорбный, печальный", оно, во всяком случае, не дает столь полной идентификации чувства печали, какую готов допустить современный читатель. Указанный смысл является для него вторичным, образным и потому не вполне четко отделяется от других вторичных смыслов, которые возникают в результате переноса материального признака в психическую сферу: твердый, жесткий, плотный → суровый, "жесткий", упрямый, резкий, решительный, упорный, жестокий, мужественный (таков семантический спектр современного исландского прилагательного harður и некоторых его производных, частично представленный уже в "Старшей Эдде"). Какие оттенки душевных переживаний Гудрун скрываются за этим прилагательным: "окаменение" горя, полная неспособность к эмоциональным реакциям или жестокая обида на братьев; суровая скорбь или упрямое неприятие смерти мужа; резкое и упорное сопротивление утешениям, решимость мнения, прорывавшаяся затем в гневных проклятиях? Переносное именование не позволяет однозначно ответить на этот вопрос. Ясно одно — это "тяжелое", непереносимое состояние, которое находит выражение в ярком зрительном образе: mundi hon springa 2 (букв.) "она могла бы лопнуть". Перевод А. Корсуном⁴ этой и вышеуказанной фразы ("горе великое грудь разрывало" и "скорбь ее пытались рассеять") вводит точные наименования эмоций ("скорбь", "горе"), описываемых через уточняющие метафорические предикаты ("разрывало", "рассеять"), т.е. добавляет ту ясную психологическую мотивировку поведения, которая как раз и отсутствует в оригинале, где упомянутые образные выражения подают состояние героини внешне и не раскрывают до конца его сущности. Нам видится в этом та же тенденция в описании чувств, которую можно наблюдать в древнеисландских сагах, где чувства изображаются только через их внешние проявления.

Неслучайность подобной обрисовки состояния Гудрун подтверждается другими, повторными наименованиями того же рода, из которых складывается упомянутый выше лейтмотив песни: Þeygi Guðrún gráma mátti; svá var hon móðug at mög dauðan oc harðhuguð un hrer fylkis 11. Прил. harðhuguð не требует комментариев, так как сложено из упомянутых лексем harðr и hugr. Прил. móðigr, производное от móðr "дух, возбуждение, гнев", представлено в глоссарии тремя значениями: 1) возбужденный, разгневанный, 2) храбрый, 3) страдающий, — однако сопровождается пометой: "расчленение значений не всегда определено". Примечательно, что в данной лексеме совмещаются некоторые из смыслов, характерных для переносного употребления harðr. Мы склонны считать, что нерасчлененность понятийных сфер "воинственности", "гнева" и "печали" — типическая особенность древнегерманского словаря (эти понятия регулярно совмещаются в ряде лексем), восходящая к той эпохе, когда понятие чувства как события внутреннего мира человека существовало лишь на правах семантической периферии тех слов, ядром значения которых оставалось ключевое для эпохи варварства понятие "борьбы", "вражды" или "распри"⁵, ср. высказывание по этому поводу Ф.Маурера, указывавшего на нерасчлененность понятий "скорби" и "оскорбления" в ряде древневерхненемецких слов: "Восприятие страдания в современном смысле, то есть как душевной боли безотносительно к ее причинам... чуждо языческому миру"⁶. Таким образом, трижды употребленное для описания состояния Гудрун прил. móðig (строфы 2, 5, 11) также не идентифицирует его однозначно как "печаль". Ниже мы попытаемся показать, что на эту роль вряд ли могут претендовать и существительные ofregi, harmr, sorg, несмотря на то, что их дефиниции в глоссарии включают в себя современные наименования печали (oftregi - zu schwerer Kummer; harmr - Harm, Leid; sorg - Kummer, Sorge).

Oftregi обозначает в строфе 3 то "горе, самое жестокое, которое довелось пережить" каждой из женщин, утешавших Гудрун (sinn oftrega, þann er bitrastan um beðit hafði). Нем. Kummer и рус. горе имеют два лексико-семантических варианта ("горе-чувство" и "горе-событие"), в отличие, например, от рус. скорбь, печаль и нем. Traurigkeit, указывающих лишь на чувство. Выше мы упоминали, что содержание монологов Гьявлут и Херборг ак-

центрирует именно событийную сторону of tregi ("беда"). В пользу событийной трактовки of tregi свидетельствует также его сочетаемость с глаголом víða букв. "ждать", перен. "переживать", который может сочетаться с разнообразными именами событий. Так, в напеве песни он употреблен во фразе, которая обобщает длинный перечень несчастий Херборг: "все это я пережила за одно полугодие" (þat ec alt um beið ein misseri 8). Таким образом, и в сочетании víða of tregi этот глагол означает, скорее, не "переживать какое-либо чувство", а "выжить" (после какого-то события), букв. "переждать его", ср. концовку монолога Гьявлауг þó ec ein lífi "и все же я живу". Особенно показательно, что в строфе 4 глагол víða повторяется, но уже с другим существительным, которое конкретизирует референт of tregi: hefi ec fínn vera forþrell bedit "я пережила утрату пятерых мужей". Сущ. forþrell, возможно, следует истолковать здесь как "гибель", учитывая его деривационные связи с сущ. þrell "вред, повреждение, порча, потеря, гибель".

В данной связи по-иному воспринимается также и смысл harmr в той фразе, которой Херборг подхватывает жалобу Гьявлауг: hefi ec harðara harm at vegia 6 "я расскажу о еще более тяжком горе" (возможно: "вреде, ущербе, утрате"?). Значение "вред, ущерб", которое прослеживается в древнегерманских этимологических параллелях у этой лексики общегерманского происхождения (ср. др.-англ. harm, совр. англ. harm), в языке "Старшей Эдды" засвидетельствовано в сочетаниях с такими глаголами, как hefna, геса "отомстить", gjalda "отплатить", vinna "совершить, причинить". Переключка и контекстуальное отождествление понятий "горя" и "вреда, гибели" повторяется также в строфе 24, где существительные sorg и vinnrell (однокорневое с forþrell) выступают как однородные члены в функции эпической вариации: "злой судьбой всегда ты была... горе жестокое семи конунгов и величайшая порча (погибель) друзей жея (т.е. тех же конунгов)" — um þr qðlinga hefir þú ec verid; ... sorg vára víam kslunga, oc vinnrell vífa mest 24. Наименование "горя" (sorg), выступающее в подобном лексическом окружении, едва ли может считаться наименованием внутреннего психического переживания — имеется в виду не чувства конунгов, а сам факт их гибели. Здесь sorg — это аналог злой судьбы, внешней силы, которая обрушивается на человека как месть врага, нанося ущерб и вызывая к отмщению.

Интересно провести в этом отношении параллели между "Первой Песней о Гудрун" и "Подстрекательством Гудрун". Последняя также, хотя и с большими оговорками, причисляется к жанру героической элегии — собственно, к элегии отнесят обычно лишь вторую ее часть, представляющую собой "обзор прошлого в форме монолога героини". Нам представляется, однако, что между первой и второй частями песни, которые можно условно обозначить как "подстрекательство" и "жалоба", нет резкого различия эмоционального тона. Здесь еще нагляднее выступает контекстуальное перемещение слов, способных служить наименованиями боевого духа, гнева и скорби, и нерасчлененность самих этих смыслов.

В строфе 1 эпитет Гудрун *hardmígúð* может быть истолкован и как "отважная, воинственная" (потому что "звала на бой" — *hvatti at vígi*), и как "гневная" или "скорбная", так как в той же строфе ее речи получают двойную характеристику: и как "жестокое, яростное" (*seinn elíðr fengligsta, grimmol orðum*), и как "медлительная речь, произнесенная от большого горя" (*trauð máli talið af trega stórum*). Расчленение этого постоянного эпитета Гудрун на отдельные лексико-семантические варианты было бы искусственным.

Столь же двойствен здесь смысл прил. *móðigr*. *móðgir* как эпитет отправляющихся на месть сыновей Гудрун (строфа 7) — это, конечно, "храбрые", хотя допустим и смысл "скорбные", так как этот эпитет предваряет пророчество Хамдира о гибели братьев. *móðigr* применительно к Сигурду (строфа 19), которого Гудрун призывает из царства мертвых (*of helio*), — скорее, также постоянный эпитет война, но, возможно, и намек на страдания возлюбленного. Наконец, *móðig vriðill*, которому, плача, рассказывает "влажнощекая" Гудрун, — это "печальная повесть", в центре которой, однако, оказывается не рефлексия по поводу собственных чувств, а скрупулезный подсчет обид и оскорблений, на чем и построена вся вторая часть песни. Глагол *talia* "пересчитать, перечислять" вводит монолог Гудрун, начинающийся основными на числительных параллельными повторами (*Þrjú vissu es elda, þrjú vissu es arma* 10 "Три знала я очага, три знала я дома") и завершает его (*at þetta tregróf um talið væri* "чтобы были перечтены этот ряд горестей").

В рассказе Гудрун на первый план выступают детали возмездия, а не оттенки чувств, ср. máttigac þolva bætr um vinnu, áðr es hnóf höfuð af Hniflungom 12 "я не могла свершить расправу за злодеяния ранее, чем отрубила головы Хнифлунгам". Эпизодом распри" описаны страдания Гудрун после убийства собственных детей. Совершая попытку самоубийства, она как бы отвергает примирение в распри" (gríð - термин древнескандинавского права) с богинями судьбы, т.е. возможность пережить столь непомерное горе; Gecc es til strandar, grom varc hornom, vilda es hrinda atrið gríð þeira; hófo mic, né áreco, hávar báror, því es land um stéc, at lifa escyldac 13. Другое возможное толкование atrið gríð - "мучительное перемирие", так как atrið - это "распри, горе, боль". Неразрывная связь душевной боли с представлением о вполне вещественном ущербе обнаруживается также в однокорневом глаголе atriða (строфа 41), букв. "бороться", также "причинять кому-либо боль или ущерб".

В подобном контексте суц. harmr (в глоссарии "печаль"), начинающее еще один перечень несчастий Гудрун (строфы 16-17), получает, на наш взгляд, смысл "ущерб в распри, обида". Подтверждением тому служит форма мн. числа существительного (þat er mér hardæs harmr minna 16), так как мера психических состояний - это скорее их сила, а не число. Характерно, что в обобщающей этот перечень фразе Fiçíð man es þriva несчастья Гудрун именуются словом, которое толкуется в глоссарии только через имена событий, а не чувств (þol "несчастье, беда, зло"). Данное существительное как бы объективирует несчастья Гудрун, выводя их за пределы сферы индивидуальных субъективных переживаний.

Сама Гудрун становится в этой части песни материальным воплощением всех бед так же, как Бронхильд была названа их первопричиной, судьбой (urðr) в "Первой Песне о Гудрун". Поэтому трагичен конец песни - уничтожение бед может свершиться лишь через уничтожение самой героини (hláðit ér, iaglar, eikikostinn... megi brenna bríçst þolvefult eldr 20). "Грудь, полная бед" - выражение здесь скорее буквальное, чем метафорическое. Такое его осмысление позволяет увидеть в ином свете также прил. ærgfull, которым охарактеризована Гудрун в начале "Первой Песни о Гудрун", - не как наименование психического состояния,

но как материализация всех зол, поскольку *sozg* и *bol* выступают синонимами в контексте песни.

Образ героини, страдающей от многочисленных бед и испытывающей аффекты гнева и скорби, встречается в легендах других народов - это, например, древнегреческая Ниоба, все дети которой были убиты разгневанными богами. Однако трактовка переживаний Ниобы и Гудрун различна. Ниоба в гнев и Ниоба в скорби - это два разных образа, последовательно сменяющих друг друга в сказании (после убийства сыновей Ниоба яростно проклинала богов, после убийства дочерей лишилась дара речи и окаменела⁸). Ниоба, обращенная в источающий слезы камень, - идеальное воплощение чувства, отторгнутого от породивших его обстоятельств, благодаря чему этот образ и стал в европейской культуре символом чистой печали. Гудрун, воплотившаяся в соперничающей с гамменными изваяниями формульной строке аллитерационного стиха (*Gudrún grátandi, síða dóttir*), - не символ, а стихийное, неосознанное обобщение "эпического реализма"⁹. Она объединяет в себе роли мстительницы и плакальщицы столь же естественно, сколь естественным было для древнегерманского общества отсутствие противопоставления социальных функций палача и элегического поэта.

Примечания

¹ См., напр. М и л ь ч и н а В.А. Французская элегия конца 18 - первой четверти 19 века // Французская элегия 18-19 веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С.8-26.

² Здесь и далее текст оригинала и дефиниции глоссария цитируются по изданию: E d d a: Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G.Neckel. II. Kurzes Wörterbuch von H.Kuhn. Dritte umgearbeitete Auflage des Kommentierenden Glossars. Heidelberg, 1968.

³ С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. Реализм в героической поэзии // М.И.Стеблин-Каменский. Мир. саги: Становление литературы. Л., 1984. С.147.

⁴ Перевод А.Корсуна дан по изданию: Б о о в у л ь ф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Биол. всемирн. лит. Сер.первая. Т.9. М., 1975.

⁵ Г в о з д е ц к а я Н.Ю. К проблеме многозначности имен чувств в "Старшей Эдде" // Скандинавский сборник. Вып.33. Таллин, 1989.

6 Маугер F. Leid: Studien zur Bedeutungs- und Problemgeschichte in den grossen Epen der staufischen Zeit. Bern; München, 1951. S.29.

7 Стеблин-Каменский М.И. Комментарии к "Старшей Эдде" // Бесовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Биол. всемирн. лит. М., 1975.

8 Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1957. С.129-132.

9 Стеблин-Каменский М.И. Реализм в героической поэзии // М.И.Стеблин-Каменский. Мир саги: Становление литературы. С.168.

N.JU.GVOZDETSKAJA. "VEMODETS SÞRÁK" ELLER "HEVNENS SÞRÁK"?
(ET FORSØK PÅ LINGVOSTILISTISK ANALYSE AV HELETELEGIENE
I DEN ELDRE EDDA)

Forfatteren analyserer to kvad i Den eldre Edda (Guðrúnarkviða in fyrsta, Guðrúnarhvöt) og viser at verket strukturen i de såkalte heltelegiene eller semantiske særtrekk ved det gammelisländske ordforrådet kan karakterisere personene indre verden. Det er snarere settefeidens tilkikkelser de skildrer enn nyanser av sjælelige lidelser og vemod. Dette bekrefter konklusjonen om at elegien ikke var noen selvstendig genre i norrøn litteratur.

О.А.Смирницкая

КОМПОЗИЦИЯ ВИСЫ

(Несколько замечаний о скальдической технике)

Скальдическая поэзия пользуется репутацией наиболее сложной и зашифрованной поэзии в мировой литературе. Но самое обычное состоит в соединении этой не имеющей себе равных сложности с пирочайшим распространением скальдического искусства в скандинавском (древнеисландском) обществе. Сообщения саг о том, что эдда ли не какий-то исландский бонд мог при случае сказать вису, иногда вызывает скептическое к себе отклонение со стороны современных исследователей¹. Отделить подлинные висы от вис, присочиненных автором саги, чрезвычайно трудно. Но о распространности скальдического искусства в древнеисландском общест-

ве лучше всего свидетельствует такой неоспоримый факт, как сохранение в памяти исландцев на протяжении нескольких столетий произведений "главных скальдов" IX-XI вв.

Для понимания скальдической поэтики и (что особенно интересно нас в предлагаемой работе) техники сочинения вис решающее значение имеет взаимодействие следующих двух принципов.

(1.) Скальдическая поэзия строится на последовательном разъединении формальных и смысловых единиц поэтического языка. Скальд научился разделять оперировать элементами означаемого и означающего как материалом для сложных орнаментальных построений - стиховых, метрических, синтаксических.

Так, в скальдической строке демонстративно нарушено обязательное для эддической поэзии условие - совпадение метрического и синтаксического членения поэтического текста. Как правило, строка состоит из синтаксически не связанных между собой слов, т.е. представляет собой только формальное, но не смысловое единство. В силу этого в ней, естественно, не могут сохраниться градации фразовых ударений, на которых держится акцентная схема германской долгой строки. Скальдическая строка целиком строится на силлабо-квантитативной основе, т.е. на абсолютизации признаков германской краткой строки². Освобожденная от связи с семантикой и случившая особое формальное завершение - клаузулу, краткая строка становится главной метрической единицей скальдического стиха (дротткветта) и обозначается в поэтиках как *vísugöð*. Что касается долгой строки, т.е. главной метрической единицы эпического стиха, то она теряет в поэзии скальдов свою метрическую автономность и выделяется лишь как композиционный элемент в составе висы - *fjórgungur* "четверть (висы)" (фьордунг).

В строке находит завершение метрическая схема дротткветта, в фьордунге - схема его звуковых повторов (аликтерация и система хендингов). Как и строка, фьордунг представляет собой только формальное единство. Правда, Снорри в "Перечне размеров" приводит примеры строф, построенных на смысловой и синтаксической завершенности фьордунгов, но ясно, что речь идет об определенном приеме (такое построение строфы называется Снорри *fjórgungsgalok*), надстроенном над общими правилами композиции дротткветта.

В противоположность низшим единицам скальдической композиции хельминг (полустрофа) выделяется прежде всего как смысловое единство: это минимальная композиционная единица, в которой находит обязательное завершение синтаксический орнамент, сразу же enjambements, переплетением предложений и синтаксическими вставками. Разрыв формальных и композиционных единиц ощутим тем сильнее, чем крепче построена строка: внимание слушателя должно одновременно охватывать оба пересекающихся и опровергающих друг друга рисунка — фонетический (соответствующий строкам) и смысловой (заполняющий пространство хельминга и всей висы). Понять и удержать в памяти такой стих можно благодаря его компактности, но главным образом благодаря структурной четкости и воспроизводимости его метрико-синтаксических композиционных правил.

(2) Подразумеваются прежде всего выработавшиеся в скальдической традиции правила сцепления формальных и смысловых единиц внутри хельминга. Сцепление достигается благодаря тому, что каждая скальдическая строка метрически членится на три конструктивных элемента — инициаль, медиаль и просодически константная финаль (= клаузула). Крайне существенно, что эти элементы представляют собой не отвлеченные мерные единицы типа стоп, но совпадают с конкретными просодическими структурами древнескандинавского слова. Они обозначаются в данной работе как *п р о с о д и ч е с к и е с л о в а*. Многообразие просодических словесных структур обеспечивает *м е т р и ч е с к у ю в а р и а т и в н о с т ь* скальдического стиха. Могут быть выделены три метрических типа строки: заданные медиалью:

- Тип 1 (тяжелая двусложная медиаль) Gekk sáv / óðisk // ekki
 Тип 2 (легкая двусложная медиаль) Jarlmanne / bani // snarla
 Тип 3 (односложная медиаль) Þreklundar / fell // Þundar³.

Ритмическое варьирование каждого из этих типов достигается благодаря вариативности языкового заполнения инициали, а в типе 1 также и медиали. Попадая в "прокрустовы ячейки" просодических слов, словосочетания приравниваются к цельнооформленным словам и претерпевают соответствующую деформацию. Такого рода "насилие" над языком, будучи введенным в четкие структурные рамки, не только не избегалось скальдами, но превратилось

в один из закрепленных традицией приемов, направленных на создание искусственного языка поэзии. Ср. диапазон варьирования двусложной (sic!) инициали (скальд Сигват Тордарсон): ör á / svik hvé // fóru, vask með / gram þeims // gumlum, goll bauð / dróttin // hollum, greupt's þat's / hǫfðum // hnepta.

Метрический тип 1 нейтрален, т.е. связан с наименьшими лексическими ограничениями и распространен как в нечетных, так и в четных строках висы. Типы 2 и 3, напротив, стилистически отмечены: инициальную позицию в них занимают сложные поэтизмы или приравняемые к ним словосочетания, а медиаль связана с весьма прихотливыми стилистическими ограничениями⁴. Эти типы заметно тяготеют к четным строкам, завершающим фьордунг, хельминг или вису и выделяемым адальхендингом (полной рифмой).

Синтаксическое членение висы не совпадает с членением на строки, но определенным образом соотносится с членением каждой строки на просодические слова. В общем случае синтаксические "разрезы" соответствуют границам просодических слов (ср., однако, ниже). Структура строки соотносена и с раздельнооформленностью кеннингов, элементы которых подбираются скальдом к заданным метрическим позициям. Цельнооформленные кеннинги, как и любые сложные слова, чаще всего выносятся в начало строк типов 2 и 3: jarlmanns / bani // snarla "убийца ярла быстро"; hjalm-grápi / vann // hilmir "градом шлема вождь".

Задача рассмотрения метрических и синтаксических приемов в их взаимосвязи неоднократно ставилась ранее. Особенно много сделал в этом направлении Х.Кун, подтвердивший (в сотрудничестве и отчасти в полемике с другим видным скальдоведом, К.Райхардтом), что синтаксический орнамент висы строится с опорой на ее метрическую и звуковую организацию⁵. Среди многочисленных частных правил, сформулированных Куном и Райхардтом, отметим следующие: 1) одно из двух переплетаемых предложений должно закончиться раньше, чем начнется третье предложение хельминга; 2) строки обычно делятся синтаксически не более чем на две части (из этого правила есть, однако, исключение, ср. у Сигвата eirlaust - konungr - þeira, где все слова принадлежат разным предложениям); 3) синтаксическая граница в строке всегда проходит между хендингами, а в нечетных строках, как правило, и между аллитерирующими слогами.

Ниже мы попытаемся, не претендуя на открытие новых правил, выделить некоторые практические приемы, в достаточной мере типичные для скальдов X-XI вв., т.е. видимо, помогавшие им справляться с совокупными требованиями метрики, синтаксиса и фразеологии. Обращает на себя внимание двойной эффект этих приемов: служа техническим подспорьем для скальда, они в то же время выгодно оттеняют его мастерство и содействуют затемнению смысла висы. Иллюстрацией ниже служат произведения королевских скальдов Эйнара Звона Весов, Берси, Сигвата Тордарсона, Тормода, а также Эгния Скаллаgrimссона и Гисли сына Кислого - знаменитых скальдов и герсов соответствующих родовых саг⁶.

Тип строки Полстрочный перевод

Ein.	<u>Hjalngraði / vann // HILMIR</u>	3	"Градом шлема вождь
	<u>Skál.HARÐR Loptis / vinar // barða</u>	2	суровый - друга Локи -
3.12	<u>Því kom / vaxtr i // vinnu</u>	1	- откуда родился прилив в
	<u>vinheims / fiandr // sína,</u>	2	Ване мира вина - своих врагов,
	<u>at FOR/SNJALLIR // fellu</u>	с ⁷	так что отважные пали
	<u>fúre i / Þróttar // skúrum</u>	1	в ливне, огня Тротта
	<u>þat fær / þjóðar // snytri</u>	1	- это доставит вождю на-
	<u>þrír jarls / synir // tírar.</u>	1	роде трою сыновей ярла - славу".
Ein.	<u>Dreppr eigi / sá // SVEIGIR</u>	3	"Не оттолкнет метатель
Skál.	<u>SÁRLINNS es / gram // finnum</u>	3	змея раны, когда встречу
4.2	<u>gönd berum / út á // andra</u>	1	князя,
	<u>Endils við / mér // hendi.</u>	3	- мы носили щиты на лыжи
			Эндилы - меня от себя".

Этот хельминг варьируется спустя полвека скальдом Берси:

Bra	<u>Krypr eigi / svá // SVEIGIR</u>	3	"Не стану ползти,
1.3	<u>SÁRLINNS es / gram // finnum</u>	3	метатель змея ран ныне
	<u>buum ó / litinn // áta</u>	2	- снарядим немалые Ати
	<u>öndur / þér til // handa.</u>	1	лыжи для тебя".
Sgv	<u>Hlýð mánum / brag // MEIÖIR</u>	3	"Слушай мою песнь, древо
13.2	<u>MYRKELÁS þvít / kank // yrkja</u>	3	темносинего - ибо умею со-
	<u>ALTÍGINN / mátt // eiga</u>	3	чинять - знатное - тебе следует
	<u>eitt skald / DRASILS // TJALDA</u>	2	иметь скальда - коня шатров;
	<u>þótt all / ungis // allra</u>	с	хотя ты неизменно,
	<u>ALLVALDR / lofun // skelda</u>	2	всевладыка, хвалу скаль-
	<u>þér fæk / hróðra at // hvöru</u>	1	дов - все же окажу тебе хвалой
	<u>hlít amnarra // nítit.</u>	2	поддержку - других отвер-
			гал".

Þrm 2.20	Þér munk / eðr unz // qðrum	1	"Перед твоими - покуда других.
	ALLVALDR / náir // skqldum	2	всевластитель, добудешь скальдов
	Nær vættir / þú // þeira?	3	- когда ты их дождешься? -
	ÞINGDJARFR fyr / kné//falla;	3	смелый в битве, склонюс коленями;
	braut komunk/vér þótt//veitim	1	мы уйдем живыми - хоть падим
	valtafn / frekum // hrafn	2	добычи жадному ворону
	víkək eigi / þat // VÁGA	3	- это непреложно так - волн
Eg 7.10	VIGGRUÐR eða /hér//liggjum.	3	вяз коня - или здесь по- ляжем
	Gekk sás / óðiek // ekki	1	"Щел - тот, кто не стра- шился
	JARLMANNS / BANI // suarla	2	убийца яра быстро
	þreklundaðr / fell // þundar	3	- мощный пал - Тунд
	þorólfr i / gný // stórum;	3	- Торольв - в великом ре- ве;
	jqrd grocen / vér // verðum	3	земля прорастает - но судем
	Vínu / nærr of // mínum	1	ОЛИЗ Вины над моим
Gal 1.7	helnaud es / þat // hylja	3	- это смертельная беда - прятать
	harm á / gætum // barma.	3	горе - "прославленным оритом".
	Fell ekki / ek // fullum	3	"Не упал я - полным
	FOLKRUNNR hjarar munni	2	- вяз войска - ртом меча
	ráðit hefr margra manna	1	- я причинил многим людям
	morð við / hveru // orði;	2	смерть - от каждого сло- ва;
	lqstum / vér þótt // VÁGA	1	мы будем держаться - хоть волн
VIGGRUÐR / hniginn // liggi	2	вяз коня повержен лежит	
kominn es / þuss i // þessa	1	- началась паника среди этих	
þjóð of / oss sem //hljóðast.!	1	людей - как можно спо- койнее".	

Основные композиционные закономерности этих строф сводят-
ся к следующему.

1. В каждом хельминге может быть выделено предложение, не-
сущее основную информативную нагрузку ("тема"; в приведенных
весах выделена кривой чертой). Данное предложение прерывается и
перешлетается с другими предложениями, варьирующими тему либо
отсылающими к самому акту скальдического творчества (Sigv. þvít
kalk urkja). Предложения, развивающие и орнаментирующие
вису, обозначаются ниже как "сопровождение". Обычно хельминг
составляется не более чем из трех отдаленных предложений.

2. Тема всегда начинается с первых слов хельминга (это
наиболее свободный его отрезок⁸) и в типичном случае переходит

затем в конце четных строк – второй и/или четвертый, образуя таким образом полную или неполную рамку внутри хельминга.

3. За исключением включенных в тему кеннингов лица (в приведенном материале выделены прописными буквами), она не скрепляется звуковыми повторами и состоит из предельно простых, общеупотребительных слов. Звуковые повторы (кеннинги и аллитерации) подбираются скальдом в ходе развития и орнаментализации темы. Этой цели, таким образом, служит "сопровождение", а также входящий в тему кеннинг лица (с эпитетами), т.е. те части висы, в которых проявляется формальное умение скальда. Поэтому весьма типичен следующий ритмико-синтаксический рисунок четных строк: финаль и медиаль в них "тематичны", а инициаль образуется авторским сложным словом (отмеченные метрические типы 2 и 3). Инициаль отсекается от последующей части строки синтаксической границей.

4. Тем самым, техника ретроспективного звукового повтора (от финали как информативного центра хельминга к более орнаментальной медиали и инициали) объясняет вышеупомянутое правило Куна: разорванные синтаксически части строки всегда скрепляются кеннингом. При синтаксическом разрыве после односложного слова, таким образом, неизбежно возникает кеннинг, связывающий слоги на первой и третьей сильных позициях, совпадающий в четных строках с аллитерацией (harðr - lopts vinar - //barða;hlít - annaga // nítt), тогда как при разрыве после двух-трехсложного композита предпочитается кеннинг 2-3 при аллитерации на первой сильной позиции (gárlinna - es gram // finnum; altíginn - mátt // eiga).

5. Из сказанного следует, что синтаксическое членение скальдической строки соответствует ее метрическому членению на просодические слова. Но существует важное и часто наблюдаемое отклонение от этой закономерности: служебные элементы просодического слова (предлоги, союзы, эпитетические частицы и т.п.), образующие его безударную позицию, т.е. являющиеся эквивалентом флексии, синтаксически относятся к последующему просодическому слову. В приведенных примерах этот перенос обозначается стрелкой: fúrs í // Þróttar // skúrum.

6. Отмеченная связь метрического и синтаксического орнаментов в композиции висы наилучшим образом согласуется с вы-

сказанным М.И. Стеблиным-Каменским предположением о первоначальном амебейном исполнении висы⁹: первый скальд "выводил" тему; второй подбирал к ней сопровождение, исходя из звуковой оболочки тематических слов и заданного ими просодического типа строки. Разумеется, ко времени "главных скальдов", т.е. ко времени окончательной канонизации схем дротткветта, амебейное исполнение уже давно ушло в прошлое. Каждый скальд сочиняет вису от начала до конца и сам исполняет ее перед аудиторией, причем между сочинением и исполнением может быть сколь угодно длительный промежуток времени¹⁰. Но вполне вероятно, что и в эпоху классического дротткветта важную роль в исполнении и восприятии висы играло использование внешних приемов амебейного исполнения. В скандинавистике не раз высказывалось предположение, что скальд исполнял вису на "разные голоса", пользуясь варьированием интонации и голосового тембра для прояснения ее композиционной структуры. "У нас есть веские основания думать, — писал в данной связи Х.Кун, — что многие правила, организующие дротткветтную строку, представляющиеся нам непостижимыми, находят, с этой точки зрения, свое оправдание"¹¹.

Позволим себе в заключение еще одно замечание. В последние годы не раз звучала мысль и о том, что в расположении скальда имелись некоторые метрически оформленные единицы, соответствующие эпическим формулам. Питер Фут писал: "Сложная метрика, по всей видимости, помогает восприятию и запоминанию дротткветта. Скорее всего, она служит скальду опорой в сочинении стихов. Пары аллитерирующих слов и рифмующихся корней соединялись если не в формулы в строгом смысле слова, то в готовые цепочки, легко возникающие в памяти и подсказывающие скальду выбор нужного слова"¹². Это предположение до некоторой степени подтверждается результатами нашего анализа. Скальд действительно оперировал при сочинении стихов готовыми, метрически оформленными структурами языка, своего рода "унифицированными деталями", складывая из них строки и строфы. Существует, однако, принципиальнейшее различие между этими структурами (и их комбинациями) и эпическими формулами. Это различие во всем соответствует различию между скальдическим и эпическим авторством. Скальдическая техника предполагает высокоразвитую способность к стождествлению и классификации языковых элементов на основании заданных

формальных признаков, т.е. безотносительно к семантике слов. Просодические слова и составляемые из них цепочки тематически универсальны. Именно благодаря их универсальности скальд мог распространять свое искусство на всю - высокую и обыденную - действительность и сочинять "висы на случай", т.е. первые в истории европейского искусства стихи, не привязанные к традиционным темам. Важность этого достижения ни в малой степени не умаляется тем обстоятельством, что некоторые из этих стихов ("отдельных вис" родовых саг) могут быть неподлинными, т.е. принадлежать не тем авторам, кому они приписываются.

Примечания

¹ См. особенно: S e e X. von. Skaldenstrophe und Sagapro-
sa // Mediaeval Scandinavia. 1977. Vol.10. S.58-82.

² См.: Смирницкая О.А. Метрические единицы ал-
литерационного стиха: (К проблеме языка германской эпической
поэзии) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С.266 -
271.

³ Можно заметить, что медиаль соответствует основным струк-
турам древнескандинавского простого слова.

⁴ Важнейшее из них состоит в том, что традиция избегает в
данной позиции "тяжелых" имен (типа drótt), но свободно допу-
скает "тяжелые" личные формы глагола (типа lézk). Данная за-
кономерность, видимо генетически связанная с системой метриче-
ских рангов слов в эпической поэзии, была открыта В. Крейги.
См.: Craig W.A. On some points in skaldic metre //
Arkiv för Nordisk Filologi. 1900. Vol.16. P.341-385.

⁵ Из более новых работ Х.Куца, затрагивающих данную проб-
лему, см.: K u h n H. 1) Die Drottkvættstrophe als Kunstwerk
// Festschrift für Konstantin Reichardt. Bern, 1969. S. 63-72;
2) Von Bragi bis Sporri: Zur Geschichte des Drottkvættis //
Binarbók. Reykjavík, 1969. S.211-232.

⁶ Произведения скальдов приводятся по изданию: D e n
n o r s k - i s l a n d s k e Skjaldedigtning (В: Rettet tekst).
Bd 1-2 / Udg. ved F.Jónsson. 2. udg. København, 1973. - Сокра-
щенные обозначения скальдов; Ein - Binarr Skálaflama (Эйнар
Звоу Бесов), Bry - Bersi Skaldtorfuson (Берси Скальдторвусон),
Sgy - Sigvatr Þórðarson (Сигват Тордарсон), Þrm - Þormóðr kol-
brunarskald (Тормод Кольбрунарскальд), Eg - Egill Skalla-
grímsson (Эгиль Скаллагримссон), Gel - Gísli Súrsson (Гис-
ла Сурссон).

⁷ У скальдов встречаются единичные строки, выпадающие из
стандартных метрических структур дrottkvætta, но легко отсдже-
ствляемые с известными метрическими типами эддического стиха

("система пяти типов", по Зиверсу). Удельный вес таких строк относительно высок у ранних скальдов - Браги, Тьодольва Хвйнского и Эйнара Звона Весов.

⁸ См.: К у h п Н. Die Dróttkvættstrophe als Kunstwerk. S.69 f.

⁹ С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. Древнеисландский поэтический термин "дротткветт" // Стёблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. Л., 1978. С.65-69.

¹⁰ С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. Поэзия скальдов: Дис. ...д-ра филол. наук. Л., 1947. С.70 след.

¹¹ К у h п Н. Das alte Island. Düsseldorf; Köln, 1971. S.238.

¹² F o o t e P. Beginning and ending: Some notes on the study of scaldic poetry // Les vikings et leur civilisation. Problemes actuels. Paris; La Hague, 1976. P.183.

O.A.SMIRNITSKAJA. VISENS KOMPOSISJON
(NOEN BEMERKNINGER OM SKALDISK VERSTEKNIKK)

Artikkelen handler om skaldisk versteknikk. Forfatteren viser at visens komposisjon bygger på relativt enkle regler av overensstemmelse mellom verslinjens metriske struktur (den deles i tre prosodiske ord) og visens syntaktiske ornament.

СОДЕРЖАНИЕ

Жаров Б.С. (Ленингр.ун-т). Библиография работ советских авторов по скандинавскому языкознанию. 1983-1988	3
Барков В.П. (Ленингр.ун-т). Современные скандинавские языки и пуризм	17
<u>Маслова-Лашаянская С.С.] (Ленингр.ун-т). О синтаксической функции словобразования в шведском языке</u>	25
Савицкая А.В. (Ленингр.ун-т). Словосложение в Вестьетском праве	35
Халипов С.Г. (Ленингр.ун-т). Атрибутивное употребление сильной формы суперлатива в шведском языке	42
Круглова Н.С. (Ленингр.ин-т сов. торговли). Семантика синтаксических конструкций с суперлативом в норвежском языке	48
Алехина М.Д. (Ленингр.ун-т). Неопределенный артикль при имени собственном (На материале норвежского языка)	57
Быстрова С.И. (Высшая комс. школа). Невербальные побудительные конструкции в современном датском языке	69
Кульчицкий В.А. (Москва). Роль аспектологического контекста в формировании временной ситуации (На материале датского языка)	76
Краснова Е.В. (Ленингр.ун-т). О некоторых изменениях в современном датском произношении	86
Кузьменко Ю.К. (Ленингр.отд-ние Ин-та языков.АН СССР). Изменение структуры слога в диалектах южной Швеции и в датском языке	93
Воронкова Г.В. (Ленингр.ун-т). Некоторые вопросы фонологии количества в норвежском и шведском языках	99
Толстай И.И. (Ленингр.ун-т). Некоторые наблюдения над переводами на шведский язык произведений Анны Ахматовой	109
Комарова О.А. (Ленингр.ун-т). К вопросу о передаче языкового своеобразия сказки при переводе	115
Куприянова И.П. (Ленингр.ун-т). Культурно-историческая концепция Йоханнеса В.Йенсена (Эпопея "Долгий путь")	126
Матвеева М.Б. (Гос. Публ. б-ка). "Драгоценная жизнь". Письма Йоргена-Франца Якобсена к Вильгелму Хайнесу	137
Гвоздецкий Н.Ю. (Ивановск. ун-т). "Язык печали" или "Язык мести"? (Опыт лингвостилистического анализа героических элегий "Старшей Эдды")	145
Смирницкая О.А. (Моск.ун-т). Композиция висы. (Несколько замечаний о скальдической технике).	156

Научное издание
СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
SCANDINAVICA
V
Межвузовский сборник

Редактор И. А. Богданова
Художественный редактор В. В. Пожидаев
Технический редактор Е. И. Егорова
Корректоры Н. М. Каплинская, М. Э. Макаренкова

ИБ № 3432

Подписано в печать 01.04.91. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,76.
Усл. кр.-отт. 9,93. Уч.-изд. л. 9,89. Заказ 136.
Тираж 668 экз. Цена 3 р. 90 к.
Издательство Ленинградского университета, 199034, Ленинград,
Университетская наб., 7/9

Участок оперативной полиграфии типографии Издательства ЛГУ
199061, Ленинград, Средний пр., 41.